

Священномученик

Михаил Алабовский

(1874-1937)

Сборник публикаций

Составитель А. Белоус

Ирпень 2024

Протоиерей Михаил Алабовский

К читателю

Протоиерей Михаил Петрович Алабовский яркий представитель киевского предреволюционного духовенства, энергичный член религиозно-просветительского Общества, неутомимый законоучитель.

В 1936 году в нашем городе, тогда еще поселке, начал служить и проповедовать отец Михаил – Ирпень стал последним местом его службы. Бывал ли он раньше в нашем краю и принимал ли участие в местной православной жизни – не известно. Но то, что он был лично знаком с протоиереем Георгием Алексеевичем Тихомировым, главою строительного комитета по сооружению Свято-Троицкого храма в дачном поселке, не позже как с 1901 года – несомненно.

Из материалов уголовного дела, которые опубликовал КальченкоТ., видно, что священник Алабовский был ревностным христианином, активно пытался образумить местных жителей не подписываться за закрытие православных храмов в Ирпене и Буче – для НКВД это стало поводом, и отец Михаил был замучен безбожной властью.

В сборник вошли большинство из известных на сегодня печатных работ священномученика Михаила Алабовского изданные в свое время, как отдельными брошюрами, так и напечатанные в периодических изданиях, разные за тематикой и объемом.

Билоус Андрей

Биография

Михаил Петрович Алабовский родился в 1874 г. 9 января, в семье псаломщика (позже – диакона Михаило-Архангельского храма) села Саюкино, Димитровщинской волости Тамбовского уезда и губернии. В 1883-1887 г. учился в Тамбовском духовном училище, в 1887-1893 г. продолжил обучение в Тамбовской духовной семинарии. С 1893 г. 13 сентября, по 1897 г. 12 июня, проходил курс в Киевской Духовной Академии. Степень кандидата богословия получил в 1897 г., кандидатское сочинение написал на тему «Благотворно-преобразующее воздействие христианской религии на людей как факт, доказывающий ее Божественное происхождение».

В 1899 г. 28 (10) марта, рукоположен преосвященным Сильвестром, епископом Каневским, в сан иерея и определен к Юрковицкому храму Киева. В 1915 г. возведен в сан протоиерея.

В 1898 г. 25 января (1 января) назначен учителем одноклассной церковно-приходской школы при Юрковецком храме; с апреля месяца – заведующим законоучителем Киево-Юрковецкой и Николаево-Александровской церковно-приходской школы. В 1898 г. 1 сентября, назначен законоучителем Киевской торговой школы имени Н.А. Терещенко. С 1898 г. 15 октября, по 1906 г. 1 октября был законоучителем киевского городского училища № 28.

В 1899 г. 21 августа, указом Св. Синода был назначен помощником инспектора Тульской духовной семинарии, но отказался от назначения.

С 1899 г. 10 марта, по 1907 г. 7 сентября – настоятель Макарьевского Юрковецкого храма. С 1907 г. 1 сентября, по 1916 г. настоятель домового Марии Магдалины храма и законоучитель Фундуклеевской гимназии. В 1916-1920 г. настоятель Александровского домового храма и законоучитель Николаевского военного училища. С 1921 г. по 1935 г. 22 декабря, настоятель

Крестовоздвиженского храма Чоколовского поселка. С января месяца 1936 г. по 1937 г. 19 октября священник Свято-Троицкого храма в поселке Ирпень.

В 1893 г. член Киевского религиозно-просветительского Общества. В 1901 г. 30 января, на Торжественном годичном и общем собрании Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви, вместе с отцом Георгием Алексеевичем Тихомировым (будущим главою строительного комитета по сооружению Свято-Троицкого храма в дачном поселке Ирпень), были избраны кандидатами в члены Совета Общества. С 1903 г. 27 января по 1913 г. 27 января член Совета Общества. С 1901 г. 29 декабря по 1907 г. 1 октября – председатель Свято-Макарьевского Юрковецкого Братства. С 1909 по 1914 г. член Совета 1-го Киевского женского училища Духовного Ведомства.

В 1901 г. 29 декабря, в 1904 г. 15 октября, в 1907 г. 20 февраля избирался кандидатом в члены ревизионной комиссии при Киевском Епархиальном свечном заводе. В 1914 г. 13-24 октября, член ревизионной комиссии Управления Епархиального свечного завода.

Хоть отец Алабовский небыл зажиточным священником, на 1908 г. за благочинническим списком имел недоимки по взносам в Кассу Взаимовспомогательного общества духовенства – 12 рублей, но старался все же помогать там, где мог, в числе прочих его пожертвований – 25 рублей в пользу больных и раненых воинов на Дальнем Востоке в 1904 г.

Награжден: набедренником в 1902 г. 31 января, скуфьей в 1905 г. 13 января, камилавкой в 1908 г. 6 мая, наперсным крестом от Св. Синода выдаваемым в 1911 г. 6 мая, орденом Анны 3 степени в 1913 г. 6 мая. В 1917 г. 29 июня, преподано благословение Св. Синода за заслуги по гражданскому и военному ведомствам.

Отец Алабовский был женат, но детей не имел.

Поддерживал тесную связь со схиархиепископом Антонием (князем Абашидзе), епископом Иоасафом (князем Жеваховым).

До революции жил на Дионисиевском проулке № 15, квартира 8. После революции, проживая по Центральной улице в доме № 11 на Чоколовке, оказался соседом раскольника-«митрополита» Василия Липковского, которого знал по совместной деятельности на духовной ниве в дореволюционном Киеве. Именно М.П. Алабовскому поручила свое отпевание умиравшая супруга Липковского, усомнившаяся в последний момент в наличии духовного сана у мужа. В 30-х годах жил на Александровской слободке, не далеко от железной дороги, и в Ирпене.

Чтения в Свято-Макарьевском храме на Юрковице

Изъ Отчетов о дѣятельности Кіевскаго Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной церкви:

За 1898 годъ – Чтенія велись на литургіи, послѣ причастнаго стиха, въ теченіе всего года, за исключеніемъ трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Всѣхъ чтеній въ отчетномъ году было 48. Всѣ ихъ вель учитель Николаево-Александринской церковно приходской церкви школы кандидатъ богословія Михаилъ Алабовскій. Слушателей-молящихся бывало отъ 15 до 200 человекъ. Въ большинствѣ случаевъ таковыми являлись жители Юрковицы, бѣдные ремесленники, изрѣдка солдаты ближайшихъ войсковыхъ частей. Содержаніе чтеній сообразовалось съ священными воспоминаніями или Евангельскимъ чтеніемъ дня. Съ особеннымъ интересомъ выслушивались чтенія изъ Троицкихъ листковъ, которые вообще нравятся простому народу умиленностью и простотою изложенія. Отрадно бывало наблюдать, какъ, при появленіи проповѣдника, движеніе молящихся направлялось не къ выходу изъ храма, а къ каедрѣ проповѣдывающаго, и какъ возрастало вниманіе по мѣрѣ проникновенія слушателей содержаніемъ читаемаго.

За 1899 годъ – Въ этомъ храмѣ чтенія велись послѣ литургіи свящ. М. Алабовскимъ. На чтеніяхъ объяснялись дневныя Евангелія, рассказывались празднуемыя событія, житія святыхъ. Иногда чтенія касались вопросовъ мѣстнаго характера и интереса, напр.,

выдающихся преступлений, имѣвшихъ мѣсто на Юрковицѣ. Вѣхъ чтеній было 30.

За 1900 годъ – Въ Макарьевской церкви, которая построена религиозно-просвѣтительнымъ Обществомъ въ 1897 году и затѣмъ принесена была въ даръ бѣднымъ жителямъ Юрковицы, въ отчетномъ году было 40 чтеній. Вель ихъ настоятель церкви свящ. М.П. Алабовскій. Содержаніемъ чтеній служили праздничныя Евангелія и житія святыхъ по преимуществу.

Монархическая деятельность

В 1905-1907 г. отец Михаил принимал активное участие в монархическом движении. Был членом Русского Собрания, куда его приняли по личному предложению председателя Совета РС князя Д.П. Голицына. В 1906 состоял в списках выборщиков в Городскую думу, по Лукьяновской части города, от Киевской Русской Монархической Партии, с 1907 состоял также членом Комитета внепартийных русских избирателей. Принимал участие в работе 3-го Всероссийского съезда Русских Людей в Киеве 1-7 октября 1906 (Всероссийский съезд Людей Земли Русской). Был членом Киевского Губернского Отдела Союза Русского Народа, где стал товарищем председателя отдела, а к 1915 г. сменил на этом посту профессора П.В. Никольского. В октябре 1915 г. в условиях активизации противников Самодержавия протоирей Алабовский предпринимал усилия к объединению всех монархических организаций Киева и правых киевлян с целью подать голос в противовес выступлению левых. Он был участником Петроградского совещания (Совещание монархистов 21-23 ноября 1915 г. в Петрограде), на котором выступал в прениях по вопросу о беженцах. На Совещании он был избран членом руководящего органа Черной Сотни – Совета Монархических Съездов. В 1916 г. 30 октября, Николаевское артиллерийское училище посетил Государь, которого отец Михаил приветствовал верноподданнической речью.

1918 год

Газета «Нова Рада» № 152 за 30 (17) августа сообщала: «Виховання в національному дусі. Священиком 1-ої військової школи призначено о. Алабовського. Він – родом з Тули, чи що, і раніше широко відомий був в своїй діяльності в союзі руського народу – і має нині виховати в національному українському дусі офіцерів молодшої нашої армії!...». Но уже в № 162 за 11 сентября (29 августа) опровергала: «Лист до редакції. В ч. 152 «Нової Ради» в одділі хроніки уміщено «Виховання в національному дусі» і «Національне військо», де говориться, що «на посади священиків у полках українського війська, що нині формуються, не призначено ні одного українця» і що «сващеником 1-ої військової школи призначено о. Алабовського», котрий... «був... в союзі руського народу». ... Що-ж дотикається призначення о. Алабовського, то, в додаток до вищенаведеного, комісія повинна зазначити, що не тільки немає такого прізвища в її кандидатських списках, но навіть і заяви о. Алабовського про призначення до комісії не надходило... Голова комісії по справам військового духовенства протоіерей Е. Капралов. Секретарь свещеник Яструбецкий».

Арест и кончина

В 1937 г. в июле месяце, отец Михаил был арестован в Ирпене сотрудниками Управления НКВД УССР по Киевской области по обвинению в «публичном выступлении против сбора подписей за закрытие храма в поселке Ирпень».

1937 г. 19 октября – дата первого допроса.

Ордер на арест и протокол обыска был выписан 26.11.1937 г.

Из протокола допроса свидетелей:

Свидетель А.П. Синицкий: «...Под видом молитвы Алабовский собирает крестьян, ведет активную контрреволюционную работу по выборам В советы... Алабовский неоднократно оскорбительно выражался по адресу партии и советской власти: «Когда-то жил я

прекрасно, имел большие доходы, а теперь свободно молиться не дают, издеваются над нами»»).

Свидетель И.Е. Струс, член КП (б) У, показал: «Мне известно, что Алабовский М.П. священник церкви п. Ирпень. Алабовский занимался агитацией против колхозов, выражаясь среди населения, что соввласть это власть еврейская, и колхозы это ярмо для крестьян, потому что вы, дураки, работаете в колхозах, а евреи все поедают и вы не получаете за ваш труд ничего. Алабовский занимался контрреволюционной агитацией, распространял по селу контрреволюционные анекдоты и оскорбительно высказывался по адресу нашего правительства и в особенности т. Сталина. Алабовский окружил себя кулаками, попами, петлюровцами, подготовлял кандидатуры в Верховный Совет СССР. Алабовский занимался активной контрреволюционной агитацией против займа обороны нашей страны, выражаясь среди населения, что почему при царе этого не было, а только Советская власть и коммунисты кровь от нас сосут и забирают, и грабят нас...».

Свидетель Ф.А. Кипнис: «Мне известно, что Алабовский М.П. занимался активной агитацией против закрытия церкви поселка Буча, выражаясь и угрожая колхозникам, что вы теперь подписываетесь, чтобы закрыть церковь, но скоро уже, Бог даст, мы вас всех за церковь расстреляем, и будем издеваться над вами как вы издевались над нами....»).

На очной ставке и на допросе от 19.10.1937 г. Михаил Петрович ни одно обвинение не подтвердил.

Из обвинительного заключения: «Алабовский М.П. является попом, который под видом отправления религиозных обрядов занимается контрреволюционной работой. Будучи связан с контрреволюционным элементом поселка, Алабовский систематически ведет агитацию против колхозов, заявляет: «Советская власть это еврейская власть, а колхозы это ярмо для крестьян, и дураки те, которые работают в них, а евреи все поедают, а вы не получаете за ваш труд ничего». Когда по Ирпеню и Буче проходила подписка трудящихся о закрытии церкви, Алабовский предпринимал контрреволюционные меры и открыто заявлял: «Кто будет подписываться о закрытии церкви, тот будет

расстрелян новой властью, которая придет на смену Советской власти». В последнее время в связи с выборами в Верховный Совет Алабовский М.П. вместе с контрреволюционным кулацким элементом принимал меры контрреволюционеров к выдвижению в Верховный Совет из числа антисоветских лиц. Наряду с этим он неоднократно в оскорбительной форме выражался против руководителей и Советского Правительства...». Подписано: оперуполномоченным, помощником, сержантом Госбезопасности Краковским и начальником опергруппы Госбезопасности страшим лейтенантом Гросманом.

Постановлением тройки при Управлении НКВД УССР по Киевской области от 8 (3) декабря 1937 г. отец Михаил был приговорен к расстрелу, по ст. 58-10 УК РСФСР, за контрреволюционную пропаганду. 21.12.1937 г. в 00.00 протоиерей Алабовский был расстрелян. Место захоронения не известно.

Канонизация и реабилитация

В 1981 г. 1-го ноября, протоиерей Михаил Алабовский канонизирован Русской Православной Зарубежной Церковью (РПЗЦ) в сонме Новомучеников и Исповедников Российских.

В 1989 г. реабилитирован.

Составлено по материалам Тимура Кальченко, «Энциклопедии Черной Сотни», Киевских Епархиальных Ведомостей, «Библиографического словаря выпускников КДА».

Известная библиография

1. Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива» на 1895 г. за Сентябрь, Октябрь, Ноябрь, Декабрь – Розга и другие телесные наказания в истории школьной дисциплины. Исторический очерк – Михаил Алабовский – С.-Петербург: Издание и типография А.Ф. Маркса, 1895 г.
2. Какую газету выписывать? (братьям-сопастырям) – священник М. Алабовский – Киев: Университетская типография Акционерного Общества Н.Т. Корчак-Новинского, 1904 г.
3. Православный русский деятель: Настоятель Киево-Лукьяновской святого Феодора церкви священник Константин Петрович Терлецкий – профессор П.В. Никольский, священник М.П. Алабовский – Киев: Издание Киевского православного религиозно-просветительского Общества, 1906 г.
4. Кого в настоящее время необходимо привлечь к делу миссии? – священник М. Алабовский – Харьков: Типография журнала «Мирный Труд», 1908 г.
5. Великий пастырь русского народа (Блаженной памяти о. Иоанна Ильича Сергиева – Кронштадтского) – священник М. Алабовский – Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира Акционерного Общества Н.Т. Корчак-Новинского, 1909 г.
6. Никита Петрович Гиляров-Платонов – священник М. Алабовский – Киев: Университетская типография Акционерного Общества Н.Т. Корчак-Новинского, 1909 г.
7. Церковно-приходская школа и всеобщее обучение – священник М. Алабовский – Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира Акционерного Общества Н.Т. Корчак-Новинского, 1909 г.
8. Благотворительный съезд в С.Петербурге и отклик на него из Киева – священник М. Алабовский – Киев: Типография

Императорского Университета Св. Владимира Акционерного Общества Н.Т. Корчак-Новинского, 1910 г.

9. Участие офицеров в религиозно-нравственном воспитании солдата – священник М. Алабовский – Харьков: Типография журнала «Мирный Труд», 1910 г.

10. Что губит нашу жизнь вернее холеры? (о пьянстве) – священник М. Алабовский – Киев: Типо-Литография «Русская Печатня», 1910 г.

11. Юбилейный сборник Киево-Фундуклеевской женской гимназии – священник М. Алабовский – Киев: Типо-литография «Русская Печатня», 1910 г.

12. Христианская ревность по вере и веротерпимость – священник М. Алабовский – Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира Акционерного Общества Н.Т. Корчак-Новинского, 1911 г.

13. Чтения по изъяснению Св. Евангелия: для воспитанниц 8 кл. Киевской Фундуклеевской женской гимназии – священник М. Алабовский – Киев: Типо-литография И.И. Чоколова, 1911 г.

14. Значение православной Церкви в деле устройства государственной и общественной жизни – священник М. Алабовский – Киев: Издание Киевского православного религиозно-просветительского Общества, 1912 г.

15. Не нам, не нам, а Имени Твоему (к 100-летию Отечественной войны) – священник М. Алабовский – Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира Акционерного Общества Н.Т. Корчак-Новинского, 1913 г.

16. Изъяснение избранных мест из Св. Евангелия с предварительными сведениями о Библии: для VII и VIII классов средних учебных заведений – священник М. Алабовский – Киев: Типография П.С. Носенко, 1914 г.

17. О венках и надгробиях – священник М. Алабовский – Киев: Типография Киево-Печерской Успенской лавры, 1914 г.

18. Из истории Церкви – священник М. Алабовский – Киев, 1914 г.

Периодические издания

1. Речь при гробе почившего священника отца Константина Терлецкого, сказанная 13 апреля, перед пением кондака: «Со святыми упокой» / 1905 г. Киевские Епархиальные Ведомости № 25;
2. Ходатайство приходского Братства / 1907 г. Киевские Епархиальные Ведомости № 11;
3. Великий пастырь русского народа (Блаженной памяти о. Иоанна Ильича Сергиева – Кронштадтского) / 1909 г. Киевские Епархиальные Ведомости № 6, 7, 8, 9, 10;
4. Протоиерей Иоанн Иоаннович Мельниковский (Некролог) / 1909 г. Киевские Епархиальные Ведомости № 3;
5. Благотворительный съезд в С.Петербурге и отклик на него из Киева / 1910 г. Киевские Епархиальные Ведомости № 14;
6. Христианская ревность по вере и веротерпимость / 1911 г. Киевские Епархиальные Ведомости № 1-2;
7. Не нам, не нам, а Имени Твоему / 1912 г. Киевские Епархиальные Ведомости № 39, 40, 41, 42;
8. Библиографическая заметка. И.В. Преображенский. Константин Петрович Победоносцев, его личность в представлении современников его кончины / 1913 г. Киевские Епархиальные Ведомости № 18;
9. Библиографическая заметка. Книжки и листки религиозно-нравственного содержания издаваемые П.А. Никольским / 1914 г. Киевские Епархиальные Ведомости № 42;
10. О венках и надгробиях / 1914 г. Свет Печерский № 15;

11. Никита Петрович Гиляров-Платонов (к 25-летию юбилею существования возрожденной церковно-приходской школы) / 1909 г. Западно-Русская школа № 10.

Кандидатское сочинение

Благотворно-преобразующее воздействие христианской религии на людей как факт, доказывающий ее Божественное происхождение. 1897 г. – ИР НБУВ Фонд 304. Дело 1474. 448 стр.

Розга и другія тѣлесныя наказанія въ исторіи школьной дисциплины.

Историческій очеркъ М. А-скаго.

Въ послѣднее время нѣкоторыми земствами возбуждено ходатайство объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для грамотныхъ крестьянъ. Мотивы этого ходатайства настолько благородны, что нельзя не отнести къ нему съ полнымъ сочувствіемъ и не пожелать ему успѣха. Періодическая печать уже высказалась и продолжаетъ высказываться объ этомъ ходатайствѣ въ самомъ благопріятномъ для него смыслѣ; да и каждый истинно просвѣщенный человѣкъ не можетъ не привѣтствовать этого проявленія чувства гуманности въ нашемъ обществѣ; и если среди этого общаго, согласнаго хора встрѣчаются нечальныя исключенія и раздаются голоса въ защиту розги, въ которой еще многіе готовы видѣть *«единственное средство возстановленія разрушенной совѣсти человѣка»*, то это происходитъ, очевидно, потому, что у насъ далеко не всѣ еще пришли къ сознанию несовместимости тѣлесныхъ наказаній съ стремленіемъ къ подъему достоинства человѣческой личности, и не всѣ еще убѣждены, что пора оставить грубыя исправительныя мѣры, приличныя варварству Среднихъ вѣковъ. Выяснить, насколько тѣлесныя наказанія не соотвѣтствуютъ человѣческому достоинству, показать хоть часть того зла, которое принесла розга человѣчеству на протяженіи всей его исторіи, и составляетъ цѣль нашего очерка. Но такъ какъ, съ одной стороны, розга имѣла господствующее вліяніе преимущественно въ школѣ, а съ другой – прослѣдить исторію розги во всѣхъ тѣхъ областяхъ исторической жизни человѣчества, въ которыхъ она играла хоть какую-нибудь роль, очень трудно, если даже не невозможно, то мы по необходимости ограничиваемъ свою задачу исторіей розги исключительно въ школьной дисциплинѣ.

Розга, какъ карательная педагогическая мѣра, существуетъ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ. Еще у древнихъ индусовъ, у которыхъ, вообще, телесныя наказанія пользовались особеннымъ употребленіемъ, розга была въ большомъ ходу. Это и неудивительно, если принять во вниманіе, что у индусовъ практиковалось такое варварское наказаніе, какъ обливаніе провинившагося ученика холодной водой: по сравненію съ этимъ наказаніемъ розга была еще легкой карой. У древнихъ евреевъ, у которыхъ основнымъ началомъ воспитанія былъ страхъ Божій, школьная дисциплина была также суровой, какъ это можно видѣть изъ многихъ мѣстъ Библии. Розга или «жезль», находя себѣ принципиальное оправданіе въ теоретическихъ воззрѣніяхъ еврейской педагогіи, играла въ воспитаніи важную роль. «Кто жалѣетъ розги своей» – читаемъ въ Притчахъ Соломоновыхъ – «тотъ ненавидитъ сына, а кто любитъ, тотъ съ дѣтства наказываетъ» (XIII, 25); «не оставляй юноши безъ наказанія; если накажешь его розгой, онъ не умретъ; ты накажешь его розгой и спасешь душу отъ преисподней» (Прит. Сол. XIII, 14). Еще выразительнѣе слѣдующее мѣсто: «наказывай сына твоего, доколѣ есть надежда, и не возмущайся крикомъ его» (Пр. XIX, 18). Можно предполагать, что всѣ эти правила находили полное примѣненіе въ педагогической практикѣ древнихъ евреевъ, если принять во вниманіе, съ одной стороны, основную точку зрѣнія еврейской педагогіки, а съ другой, – что и въ настоящее время еврейскіе меламеды широко пользуются розгой для исправленія своихъ учениковъ.

Даже въ Греціи, прославившейся гуманностью своей культуры, по крайней мѣрѣ въ первое время существованія школъ, царствовала та же розга. Аристофанъ, оплакивая испорченность нравовъ своего времени, въ такихъ чертахъ воспроизводитъ добрые порядки, царившіе въ древнихъ школахъ. «Я расскажу, каково было древнее воспитаніе въ то счастливое время, когда я училась (рѣчь идетъ отъ лица справедливости) и когда умѣренность была правиломъ. Тогда мальчики выходили на улицу съ непокрытой головой и босыми ногами, несмотря на дождь и снѣгъ, и вмѣстѣ, въ самомъ строгомъ порядкѣ шли въ музыкальную школу. Здѣсь они тихо и скромно усаживались, при чемъ имъ не позволялось поджимать ноги подъ себя. Ихъ начинали учить какимъ-нибудь хорошимъ пѣснями. Учитель медленно и съ важностью пѣлъ имъ пѣснь или гимнь.

Если кто-нибудь обнаруживал склонность сфальшивить, тот был жестоко высѣкаемъ» («Облака»). Эта характеристика относится къ аѳинскимъ школамъ начального періода ихъ существованія. Впослѣдствіи суровость дисциплины смягчилась, и Платонъ, напримѣръ, допускаетъ наказаніе ударами только въ случаѣ неуваженія къ старшимъ или нарушенія какого-нибудь важнаго воспитательнаго закона. Что же касается спартанскихъ школъ, то здѣсь розга продолжала господствовать все время, пока въ Спартѣ держался тотъ воинственно-суровый духъ, который давно сталъ нарицательнымъ. Физическая крѣпость и воинская доблесть были достоинствами, наиболѣе желательными въ спартацѣ. Для развитія физической выносливости употреблялись всѣ средства, и, конечно, розга не могла быть забыта спартанскими воспитателями. Экзекуція практиковалась въ спартанскихъ школахъ не только какъ наказаніе за проступки, но и какъ средство закалить тѣло молодыхъ спартацевъ. Каждый спартанскій педономъ (παῖδονόμος), т.е. воспитатель, имѣлъ нѣсколько специальныхъ лицъ, исправлявшихъ должность экзекутора и называвшихся мастигοφοрами, т.е. розгоносцами. Съ цѣлью приучить мальчиковъ переносить боль, ихъ подвергали бичеванію при каждомъ удобномъ случаѣ. Такъ, на ежегодныхъ празднествахъ Артемиды Орфійской юношей сѣкли до крови. При этомъ присутствовали сами родители и увѣщевали своихъ дѣтей быть твердыми и мужественными, – и послѣднія бодро и весело, безъ крика боли, выносили удары; иные, правда, падали мертвыми подъ ударами мастигοφοровъ, но – не издавъ ни единого звука. Каждый мужъ или старецъ имѣлъ не только право, но и обязанность замѣтить юношѣ его проступокъ и тутъ же, на мѣстѣ преступленія, наказывать его тростью. Каждый мальчикъ или юноша могъ ежечасно ожидать воспитательнаго наказанія то отъ педонома, который со своими розгоносцами обходилъ городскія улицы и кружки молодежи, то отъ его помощниковъ. Кромѣ того, эфоры черезъ каждые десять дней дѣлали смотръ юношеству, повѣряя, согласны ли съ предписаніями закона: платье, спальни и другія помѣщенія, соотвѣтствуетъ ли видъ и ростъ мальчиковъ ихъ должному развитію и не надо ли подвергнуть бичеванію того, кто растолстѣлъ такъ, что вышелъ изъ границъ педагогической мѣры и приличія. За каждымъ проступкомъ, за каждою неисправностью мальчика

сѣдовали трости и бичеванія, такъ какъ спартанцы полагали, что наистрожайшая дисциплина создаетъ доблестныхъ гражданъ.

Въ древнемъ Римѣ школьная дисциплина, смотря по личности учителя, была то болѣе, то менѣе строга, но вообще соответствовала серьезному и вониственному характеру римлянъ. Въ вѣкъ Августа въ качествѣ исправительныхъ мѣръ употреблялись удары тростью по рукамъ и пальцамъ, при болѣе важныхъ проступкахъ – плеть, которая обыкновенно назначалась для однихъ рабовъ. О существованіи розги въ римскихъ школахъ мы узнаемъ, между прочимъ, по тому протесту, который она возбуждаетъ въ Квинтилианѣ. Будучи вообще гуманнымъ педагогомъ, Квинтилианъ горячо возставалъ противъ страха, – какъ средства для исправленія учениковъ. «Страхъ», – говоритъ онъ, въ своихъ «Правилахъ краснорѣчія» – «обуздываетъ нѣкоторыхъ, но унижаетъ другихъ... Съ своей стороны я предпочитаю ученика, который чувствителенъ къ похвалѣ, котораго воодушевляетъ слава и у котораго неудача вызываетъ слезы». На этомъ основаніи Квинтилианъ рекомендуетъ нравственное воздѣйствіе на учениковъ и рѣшительно высказывается противъ употребленія розги, хотя, говоритъ онъ, «обычай одобряетъ ее и Хризиппъ не порицаетъ». Бить дѣтей, по мнѣнію Квинтилиана, вовсе не значить направлять ихъ къ доброму и справедливому, а только воздерживать отъ нарушенія правилъ. Но если удары и могутъ дѣйствовать на дѣтей, то они оказываются непримѣнимыми къ юношеству, на которое страхъ уже не дѣйствуетъ. Во всякомъ случаѣ, бить есть то же, что подавлять въ душѣ чувство стыда и вызывать въ ней робость. Кого уже не можетъ исправить выговоръ, того тѣлесное наказаніе можетъ скорѣе ухудшить и сдѣлать изъ него раба.

Въ Средніе вѣка, во времена господства схоластики, школьная дисциплина, подъ влияніемъ аскетическихъ монашескихъ взглядовъ, носила особенно суровый характеръ. Къ испорченной человѣческой природѣ относились въ это время съ недовѣріемъ и не пренебрегали никакими средствами для ея исправленія. Въ 1363 году, въ одной изъ схоластическихъ школъ ученикамъ запрещено было даже пользоваться скамьями и стульями подъ тѣмъ предлогомъ, что такія высокія сѣдалища могутъ воспитать въ нихъ гордость. Неудивительно, что и розга была въ модѣ въ

пятнадцатомъ столѣтіи, какъ и въ XIV-мъ и XIII-мъ. «Другого различія здѣсь не было, замѣчаетъ одинъ историкъ, кромѣ того, что розги въ XV столѣтіи были вдвое длиннѣе, чѣмъ въ XIV-мъ». Замѣчаніе столько же остроумное, сколько и справедливое въ смыслѣ усиленія строгости школьной дисциплины. Воспитательная дисциплина въ средневѣковыхъ школахъ, заправляемыхъ духовенствомъ, была сурова и строга, нося на себѣ мрачный, монастырскій характеръ. Розги служили общепринятымъ исправительнымъ средствомъ. Въ С.-Галленѣ существовалъ между духовенствомъ обычай, по которому каждого провинившагося, хотя бы онъ былъ и взрослый, раздѣвали и, привязавъ къ столбу, бичевали. Робертъ Сорбоннскій рассказываетъ, что въ Парижѣ палка примѣнялась какъ къ исправленію учениковъ, такъ и младшихъ учителей (*parvi magistri*) въ низшихъ школахъ, когда ихъ ученики по субботамъ дурно отвѣчали на вопросы повѣрившаго ихъ начальника, который назывался *magnus magister*. Послѣдствіями такой дисциплины были: невѣжество, грубость и неукротимая дикость учениковъ. Между старшими и младшими учениками часто происходили такія побоища, которыя оканчивались смертью или увѣчьемъ. Когда въ 937 году сенгалленскіе ученики должны были подвергнуться наказанію за шалости, совершенныя ими на праздникъ св. Марка, одинъ ученикъ старшаго класса, изъ страха предъ розгами и для спасенія своихъ товарищей отъ истязанія, поджогъ монастырь съ его школой. Можно себѣ представить, каково было наказаніе, если для освобожденія отъ него ученики рѣшались на ужасное преступленіе! Послѣ такихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о крайней жестокости схоластической дисциплины, становится вполне понятнымъ тотъ рѣзкій отзывъ, какой сдѣлалъ Лютеръ о монастырскихъ средневѣковыхъ школахъ. «Всѣ мои убѣжденія, всѣ мои желанія и просьбы, – говоритъ основатель протестантизма, – направлены къ тому, чтобы эти «ослиныя учрежденія», эти «школы дьявола» навѣки провалились въ бездну, – или превратились въ истинно-христіанскія школы. Такъ по милости Божіей въ наше время дѣти уже могутъ весело, играючи, учиться всему, будь то языки, искусство, исторія или иное что. Теперь наша школа уже не адъ и не чистилище, гдѣ бы насъ мучили разными *causalibus* а *temporalibus* и гдѣ мы ничему не выучились, несмотря на всѣ

мученія, розги, страхъ и тоску. Прежнія школы – это тюрьмы, адъ; прежніе учителя – тираны и палачи, которые сѣкли дѣтей безъ мѣры и пощады, принуждая ихъ учиться съ невыносимыми усилиями и съ ничтожною пользою». Этотъ отзывъ носить на себѣ отпечатокъ характерной черты Лютерова языка – рѣзкости, вельдствіе чего его нельзя не признать въ извѣстной степени гиперболичнымъ, но несомнѣнно въ существенныхъ чертахъ онъ совершенно правилень. Что это такъ, это можно видѣть изъ другого отзыва о средневѣковыхъ школахъ – Ансельма Кентерберійскаго, мягкій характеръ котораго исключаетъ всякую возможность рѣзкаго преувеличенія. «День и ночь» – говоритъ Ансельму одинъ аббатъ – «мы не перестаемъ наказывать дѣтей, ввѣренныхъ нашему попеченію, а они становятся все хуже и хуже». Ансельмъ на это отвѣтилъ: «Дѣйствительно, вы не перестаете ихъ наказывать! А когда они вырастутъ, что изъ нихъ выйдетъ? Идіоты и дураки. Прекрасное воспитаніе, которое изъ людей дѣлаетъ скотовъ!.. Если бы вы посадили дерево въ вашемъ саду и со всѣхъ сторонъ огородили его, такъ чтобы оно не могло простирать своихъ вѣтвей, что бы вы нашли, когда, черезъ нѣсколько лѣтъ, освободили бы его отъ его узъ? Дерево съ согнутыми и искривленными вѣтвями, и не ваша ли была бы вина, что вы столь неразумно его стѣснили?». Этотъ горячій протестъ противъ суровыхъ схоластическихъ наказаній ярко иллюстрируетъ послѣдствія ихъ примѣненія: суровая дисциплина во главѣ съ розгой забивала всякое живое проявленіе дѣтскаго духа и дѣлала изъ учениковъ какихъ-то идіотовъ. Это печальное явленіе объясняется, прежде всего, конечно, духомъ времени – мрачной, дикой эпохи Среднихъ вѣковъ, а потомъ и самымъ характеромъ схоластицизма, представлявшаго въ сущности мертвую бездушную софистику. Правда, съ появленіемъ въ XIII и XIV стол. университетовъ, внесшихъ новую живую струю въ сферу воспитанія, жестокая дисциплина схоластическихъ школъ стала мало-по-малу смѣняться болѣе гуманною. Но, несмотря на появленіе даже такихъ опередившихъ свой вѣкъ педагоговъ, какъ Іоаннъ Джерсонъ, Витторино да Фельтръ и Эней Сильвій Пикколомини, Средніе вѣка останутся навсегда золотымъ вѣкомъ розги и вообще грубыхъ тѣлесныхъ наказаній.

Среди мрака грубости и невѣжества Среднихъ вѣковъ болѣе или менѣе отрадное впечатлѣніе производитъ рыцарское воспитание. Свободныя отъ вліянія клерикально-схоластическаго элемента, рыцарскія школы носили характеръ большей гуманности и свободы сравнительно съ схоластическими школами; принципъ разумности былъ здѣсь впервые признанъ и примѣненъ, общія дальнѣйшее усовершенствованіе всего воспитательнаго дѣла. Но и въ рыцарскомъ воспитаніи розга считалась однимъ изъ необходимыхъ воспитательныхъ средствъ. Будущій рыцарь освобождался отъ розги только на 14 году, вмѣстѣ съ посвященіемъ въ званіе оруженосца; въ Германіи, при этомъ обрядѣ, онъ получалъ пощечину въ знакъ того, что съ этого времени онъ освобождается отъ тѣлесныхъ наказаній. До 14-лѣтняго же возраста, а иногда и по исполненіи его, будущихъ рыцарей сѣкли такъ же исправно, какъ и въ схоластическихъ школахъ. Вотъ что рассказываетъ о своемъ воспитаніи одинъ изъ именитыхъ силезскихъ рыцарей. «Когда мнѣ исполнилось 10 лѣтъ, мой любезный батюшка отправилъ меня въ Лигницъ ко двору Фридриха III, съ молодымъ сыномъ котораго я долженъ былъ продолжать свое образованіе у особаго домашняго учителя. Нашъ граесепторъ держалъ насъ строго; но такъ какъ матушка часто присылала мнѣ геллеры, то я часто откупался отъ учителя. При немъ за все время меня высѣкли не болѣе двухъ разъ... Когда мнѣ исполнилось 14 лѣтъ, отецъ послалъ меня еще учиться въ Гольдбергъ... За все время моего пребыванія здѣсь мнѣ не прислали ни шиллинга, и я получалъ лишь удары отъ моего наставника Барта, который, впрочемъ, очень уважалъ меня (!) и билъ прутомъ по рукамъ за то, что я не умѣлъ читать Теренція; при этомъ, онъ приговаривалъ: «выучи въ другой разъ-не то я спущу тебѣ штаны!»). Сравнительная мягкость исправленія учениковъ, какъ оно представляется Гансомъ фонъ-Швейнингеномъ (такъ звали рыцаря) въ его запискахъ, объясняется привилегированнымъ положеніемъ учениковъ. Въ обыкновенныхъ же школахъ дисциплина была очень суровой: угроза Барта тамъ постоянно приводилась въ исполненіе, и весь порядокъ держался на палкѣ и розгѣ, которыми и пріучали дѣтей къ вниманію и прилежанію.

Даже въ Эпоху Возрожденія не замѣчается большого прогресса въ школьной дисциплинѣ. Въ это время мы видимъ ту же розгу,

которая царствовала въ школахъ прежняго времени; теперь, какъ и тогда, она считается необходимой педагогической мѣрой.

Яркую, хотя и значительно преувеличенную, характеристику тогдашнихъ школьныхъ нравовъ даетъ намъ Монтэнь, одинъ изъ видныхъ педагоговъ-прогрессистовъ эпохи Возрожденія. Монтэнь получилъ воспитаніе въ Гвіеннской коллегіи, считавшейся образцовой. Проживъ тамъ семь лѣтъ, онъ вынесъ рѣшительное отвращеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ и суровому школьному режиму своего времени. Свои школьныя впечатлѣнія онъ излагаетъ въ слѣдующихъ, пропитанныхъ желчнымъ озлобленіемъ, строкахъ. «Вмѣсто того, чтобы пріохочивать и привлекать дѣтей къ занятіямъ кроткими и разумными мѣрами, наши педанты на самомъ дѣлѣ не предоставляютъ своимъ ученикамъ ничего, кромѣ розогъ и линейекъ, страха и жестокости. Возьмите прочь это насиліе! Возьмите прочь это принужденіе, глупѣе и развратнѣе котораго – я искренно вѣрю – нѣтъ ничего!.. Суровый режимъ большинства нашихъ коллегій постоянно раздражаетъ меня... Это – настоящіе исправительные дома заключенной въ нихъ молодежи... Попробуйте войти, когда они (т.е. ученики) за уроками, и вы не услышите ничего другого, кромѣ криковъ мальчиковъ подъ розгой, для дополненія концерта смѣшанныхъ съ оглушительными криками ихъ опьяненныхъ бѣшенствомъ «наставниковъ». Это милый обычай съ бѣшенымъ выраженіемъ лица и съ розгою въ рукахъ пріучать нѣжныхъ и робкихъ дѣтей любить книгу. Гнусная и гибельная побудительная мѣра!.. Какъ весело было бы смотрѣть на классы, наполненные зелеными листьями и прекрасными цвѣтами вмѣсто окровавленныхъ березовыхъ и ивовыхъ прутьевъ! Будь это предоставлено въ мое распоряженіе, я украсилъ бы школы изображеніями Радости и Веселія, Флоры и Грацій... чтобы они получали удовольствіе тамъ, гдѣ ихъ польза». Вотъ въ какихъ чертахъ представляется школьная дисциплина XVI-го столѣтія. По своей суровости она мало уступаетъ прославленной жестокости схоластическаго режима. Такое, повидимому, противорѣчащее духу времени, явленіе находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что и во времена такъ-называемаго Возрожденія гуманныя идеи мало проникали въ дѣйствительную жизнь; практика воспитанія ушла очень недалеко отъ своего прежняго состоянія. Теорія воспитанія, несомнѣнно, сдѣлала громаднѣйшій и смѣлѣйшій шагъ впередъ, но

практика еще лѣниво тащилась по избитой дорогѣ, несмотря на нѣкоторыя болѣе или менѣе успѣшныя попытки къ усовершенствованію.

Реформація, оказавъ вообще громадное вліяніе на всю жизнь того времени, принесла съ собою горячій протестъ противъ тѣлесныхъ наказаній. Лютеръ былъ проникнутъ пламеннымъ желаніемъ поставить дѣло воспитанія на раціональныхъ основахъ и распространить блага просвѣщенія не только на высшія сословія, но и на простой народъ. Тѣлесныя наказанія онъ почти совсѣмъ отвергалъ. Но, съ одной стороны, практически выяснившаяся невозможность нормальной постановки воспитательнаго дѣла велѣдствіе недостатка достаточно подготовленныхъ учителей, съ другой – Тридцатилѣтняя война и другія событія, деморализующимъ образомъ повліявшія на общественную жизнь того времени, подавили то движеніе, котораго инициаторомъ явился Лютеръ. Велѣдствіе этого протестантскія школы на практикѣ носили тотъ же характеръ, что и школы католическія. Лучшими исправительными мѣрами считались въ нихъ розги, побои, ругательства, насмѣшки надъ тѣлесными недостатками и т.п. На базельскихъ учителей жаловались, что они иначе не называютъ учениковъ, какъ бранными и оскорбительными прозвищами, и въ обращеніи съ ними прибѣгаютъ къ пинкамъ или затрещинамъ, драгию за волосы и за уши, хотя въ школьныхъ уставахъ этого времени предписывалось учителямъ не допускать какихъ-либо другихъ наказаній, кромѣ сѣченія розгой по извѣстнымъ частямъ тѣла. Наиболѣе жестокія и унизительныя истязанія примѣнялись къ дѣтямъ въ ортодоксально-протестантскихъ народныхъ школахъ, такъ какъ ихъ цѣлью было – какъ бы практически доказать юношеству, что земля есть дѣйствительно «юдоль плача и страданій», и привести его къ сознанію безотрадности существованія и ничтожества всего земного. Не особенно широкое вліяніе и значеніе получила розга въ XVI и XVII столѣтіяхъ, съ появленіемъ іезуитской конгрегаціи.

Во время появленія іезуитовъ (конецъ XVI стол.) духъ современнаго общества былъ таковъ, что розга какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала ему; поэтому она быстро заняла вездѣ, гдѣ только было можно, привилегированное положеніе. Она нашла себѣ

гостеприимный приютъ не только въ школѣ, но и въ церковной покаянной дисциплинѣ, въ гостиныхъ богатыхъ буржуа и даже въ аристократическихъ салонахъ. Ею не гнушались и въ придворныхъ кругахъ. Людовикъ XIV, напр., официально передастъ герцогу Montausier право наказывать своего сына. А Генрихъ IV писалъ наставнику своего сына, Людовика XIII: «я недоволенъ тѣмъ, что вы не увѣдомляете меня, съчете ли вы моего сына; если нѣтъ, то я желаю и требую, чтобы вы сѣкли его каждый разъ, когда онъ будетъ заслуживать этого своимъ упрямствомъ или другимъ какимъ-либо проступкомъ, такъ какъ я отлично знаю, что въ мирѣ нѣтъ ничего другого, что могло бы сдѣлать его лучше. Я знаю это изъ уроковъ личнаго опыта, ибо когда я былъ въ его возрастѣ, то былъ крѣпко съченъ». (Письмо къ M-me Montgiat, отъ 11 нояб. 1607 г.).

Для характеристики іезуитской морали, позволимъ себѣ небольшое отступление отъ прямой нашей задачи.

Однимъ изъ коренныхъ правилъ іезуитизма, долженствовавшимъ быть основаніемъ всего воспитанія іезуитовъ, было самоистязаніе. «Чтобы быть мужественнымъ ратникомъ» – училъ Лойола – «надо какъ можно строже истязать члены своего тѣла, потому что въ этомъ и заключается тайна». Слѣдуя наставленіямъ своего учителя, іезуиты, особенно въ первое время существованія ордена, рекомендовали своей паствѣ «духовныя упражненія» и особенно совѣтовали чаще и сильнѣе бичевать себя, выставляя это, какъ лучшее средство наказать и обуздать грѣшную плоть. Не довѣряя человѣческой слабости, они охотно принимали на себя обязанность бичевать своихъ духовныхъ дѣтей и сѣкли ихъ очень усердно, но не слишкомъ больно, розгами или ремнемъ. Это сѣченіе называлось «дисциплиной», которая раздѣлялась на *disciplina sursum* или *secundum supra* и на *disciplina deorsum* или *secundum sub*, смотря по тому, сѣкли ли по верхней части тѣла или по нижней. По отношенію къ женщинамъ отцы-іезуиты находили неудобнымъ примѣнять *disciplina sursum*, такъ какъ удары по верхней части тѣла, по слабости женскаго строенія, могли вредно подѣйствовать на ихъ здоровье. И сами женщины съ особеннымъ удовольствіемъ подвергались послѣдней дисциплинѣ, *disciplina deorsum*. Современный читатель едва повѣритъ, что такое глупое ханжество,

такое крайнее безстыдство могло быть не частным и не случайнымъ явленіемъ. А между тѣмъ извѣстно, что самыя знатныя и скромныя дамы, самыя благовоспитанныя и стыдливыя дѣвицы охота подчинялись дисциплинѣ іезуитовъ. Онѣ посѣщали ее толпами и спѣшили наперерывъ удостоиться этой дисциплины. Чтобы удовлетворить такому множеству желающихъ, іезуиты основали такъ-называемыя конгрегаціи или афилиаціи, т.-е. общества и кружки, члены которыхъ собирались еженедѣльно, устраивали крестные ходы, причемъ выходили на улицу въ жалкихъ рубищахъ, полунагіе, босикомъ, и до крови бичевали себя. Особеннымъ покровительствомъ пользовалась іезуитская дисциплина во Франціи. Екатерина Медичи сама была предсѣдательницей авиньонскаго общества дисциплины и зачастую собственноручно дисциплинировала своихъ придворныхъ дамъ. Сынъ ея, Генрихъ III, былъ горячимъ поклонникомъ экзекуціонной дисциплины и безпрестанно устраивалъ процессіи, въ которыхъ участвовалъ лично со всѣми своими сановниками и придворными, при этомъ обнажался какъ нельзя болѣе и вооружался розовыми вѣнками, восковыми свѣчами и розгами. По поводу молебствій о дарованіи наслѣдника Генрихъ устраивалъ процессіи, въ которыхъ кромѣ его самого и сановниковъ, принимали участіе королева Луиза и всѣ придворныя дамы. Всѣ участвующіе разоблачались по поясъ и расхаживали въ такомъ видѣ по улицамъ Парижа, угощая другъ друга жестокими ударами и возбуждая злыя насмѣшки празднои уличной толпы. Какая гнусная и отвратительная для нравственнаго чувства профанація истинно-христіанскаго аскетизма! Невольно возбуждается сомнѣніе въ правдоподобности этихъ явленій, а между тѣмъ они дѣйствительно существовали. Къ счастью, эти «процессіи» скоро возбудили негодованіе общества, и знаменитая дисциплина въ концѣ XVI в. была запрещена, хотя тайно продолжала существовать и въ XVII столѣтіи, что удостовѣряетъ надѣлавшій въ свое время много шума процессъ Жираръ-Кадіеръ (Объ этомъ процессѣ и вообще объ іезуитской дисциплинѣ см. трудъ Т. Гризингера, Іезуиты, т. I, кн. III, гл. 2).

Сказаннаго слишкомъ достаточно, чтобы убѣдиться въ полномъ соотвѣтствіи грубыхъ тѣлесныхъ наказаній съ духомъ іезуитизма. Мы не имѣемъ основаній думать, чтобы іезуиты особенно щадили дѣтскій возрастъ и смягчали для него свои суровыя правила. Только

іезуиты не считали сообразнымъ съ достоинствомъ учителя собственноручныя наказанія учениковъ и поручали обязанность сѣченія свѣтскимъ лицамъ. Такъ-называемый офіціальныи дисциплинаторъ, прислуга и швейцаръ исполняли во всѣхъ коллегіяхъ функцій главнаго экзекутора. Кромѣ этихъ лицъ, изъ среды самихъ учениковъ избирался такъ называемый декуріонъ или преторъ, на обязанности котораго лежало наблюдать за благочиніемъ въ классѣ, а въ отсутствіе офіціального дисциплинатора онъ исполнялъ и его обязанности. Іезуитская экзекуція рѣдко не была жестокой. Хотя Ratio Studiorum (Это сочиненіе, опубликованное въ 1599 г., содержитъ полную школьную программу, которая въ теченіе трехъ столѣтій оставалась неизмѣннымъ воспитательнымъ кодексомъ іезуитскаго общества) и рекомендуетъ въ этомъ случаѣ умѣренность, но многія свидѣтельства показываютъ, что офіціальныи дисциплинаторъ далеко не всегда обладалъ нѣжною десницей. Для примѣра приведемъ слѣдующее свидѣтельство Сень-Симона. «Старшему сыну маркиза Буффлера было 14 лѣтъ отъ роду. Онъ былъ красивъ, хорошо воспитанъ, необыкновенно прилеженъ и, вообще, много общался. вмѣстѣ съ двумя сыновьями д'Аржансона онъ былъ постояннымъ пансіонеромъ іезуитовъ. Не знаю, въ какомъ проступкѣ они провинились. Отцы захотѣли показать, что они не боятся и не желаютъ никого бояться, и высѣкли мальчика, потому что, дѣйствительно, имъ нечего было опасаться маркиза Буффлера. Но они, однако, не позаботились поступить такъ же съ двумя другими, одинаково съ нимъ виноватыми, мальчиками, такъ какъ имъ ежедневно приходилось имѣть сношенія съ д'Аржансономъ, состоявшимъ помощникомъ начальника полиціи. Высѣченный мальчикъ Буффлеръ впалъ вслѣдствіе этого въ такое душевное настроеніе, что съ нимъ сдѣлался въ тотъ же день обморокъ, и четыре дня онъ былъ между жизнью и смертю... Это вызвало общій и жестокой вопль негодованія противъ іезуитовъ, но... изъ этого никогда ничего не выходило» (Mémoires, т. IX, 83).

До такой степени суровости способна была доходить іезуитская дисциплина, подъ вліяніемъ нечистыхъ, чисто-іезуитскихъ мотивовъ! Извѣстный принципъ: «цѣль оправдываетъ средства», развязывавшій іезуитамъ руки на многое, недостойное христіанина и челоуѣка, не могъ не одобрить и употребленія розги ad majorem

gloriam Dei и въ интересахъ достойныхъ собратьевъ «Общества Иисуса». Поэтому, въ іезуитскихъ коллегіяхъ розга была однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ воспитанія, на что указываетъ уже существованіе особаго дисциплинатора и нѣсколькихъ помощниковъ его. Экзекуція, очевидно, возведена была іезуитами въ правильную, точно регламентированную систему, многія частныя черты которой, можетъ быть, не дошли до нашего времени, такъ какъ іезуиты имѣли обыкновеніе хранить многое въ тайнѣ отъ непосвященныхъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что время господства іезуитовъ въ сферѣ воспитанія юношества было временемъ и господства розги.

Въ то время, какъ розга свирѣпствовала въ іезуитскихъ коллегіяхъ, въ странѣ, наименѣе подпавшей влиянію іезуитскаго ордена, ей произносился рѣшительный обвинительный приговоръ. Этотъ приговоръ былъ произнесенъ Локкомъ, знаменитымъ англійскимъ философомъ и славнымъ педагогомъ. Тѣ главы его «Мыслей о воспитаніи», которыя трактуютъ о наказаніяхъ вообще и о тѣлесныхъ въ частности, по справедливости считаются лучшими въ его трактатѣ. Ролленъ и Руссо нерѣдко пользовались ими. Впрочемъ, и самъ Локкъ въ этомъ случаѣ слѣдуетъ Монтэню: «суровая мягкость», бывшая основнымъ педагогическимъ правиломъ автора «Essais», была также правиломъ и автора «Мыслей». Тождество взглядовъ между этими двумя мыслителями высказывается и въ томъ, что Локкъ рѣшается произнести окончательное осужденіе розгѣ, выполняя этимъ одно изъ самыхъ задушевныхъ желаній Монтэня: «розга» – говоритъ онъ – «есть рабская мѣра, воспитывающая рабскій нравъ». Уступая требованіямъ современности, онъ однако дѣлаетъ исключеніе изъ безусловнаго запрещенія розги, правда, только въ одномъ случаѣ, когда допускаетъ употребленіе ея въ случаѣ чрезвычайнаго упрямства и непокорности ребенка. Но и этого, безъ сомнѣнія, много для его времени. Чтобы оцѣнить по справедливости всю смѣлость воззрѣній Локка, мы должны принять во вниманіе, какъ распространенъ былъ тогда обычай сѣченія, если и теперь, въ Англии, начальники учебныхъ заведеній принуждены особыми объявленіями въ газетахъ и журналахъ извѣщать публику, что запрещеніе тѣлесныхъ наказаній считается въ числѣ преимуществъ ихъ школь. Трудно повѣрить тому постоянству, съ которымъ

англійскіе учителя держатся стараго унизительнаго обычая исправленія розгой. Онъ такъ глубоко укоренился тамъ, что бывали случаи, когда сами учащіеся ратовали за розгу, какъ за какое-то необычайное благо. «Въ 1818 году», рассказываетъ одинъ изъ первыхъ учениковъ Шартергауза, «нашъ главный наставникъ, докторъ Россель, всегда имѣвшій своеобразныя убѣжденія, разрѣшилъ упразднить тѣлесныя наказанія, замѣнивъ ихъ денежной пеней. Всѣ возстали противъ нововведенія. Розга казалась намъ вполне сообразною съ достоинствомъ джентльмена, но пеня – о, стыдь! Вся школа принялась кричать: «долой пеню! да здравствуетъ розга!» Бунтъ восторжествовалъ, и розга была торжественно восстановлена. Мы были несказанно рады своей побѣдѣ. На другой день послѣ отмѣны пени, вошедши въ классную комнату, мы нашли тамъ цѣлый лѣсъ розогъ, и битыхъ два часа посвящено было на то, чтобы дать имъ употребленіе» (Demogeot et Montucci. De l'Enseignement secon- daire en Angleterre, стр. 41). Приведенный случай необыкновенно характеренъ: напоминая собой пресловутую іезуитскую дисциплину, онъ служитъ непрекаемымъ свидѣтельствомъ, что даже въ началѣ настоящаго столѣтія авторитетъ розги стоялъ въ Англии такъ высоко, что нельзя было и думать о совершенномъ ея изгнаніи. Поэтому прогрессивныя воззрѣнія Локка едва ли имѣли благотворно-реформирующее вліяніе на тогдашнюю школьную дисциплину, и его свѣтлыя гуманитарныя идеи имѣли лишь значеніе смѣлой инициативы, въ реформѣ школьной дисциплины, инициативы, вдохновленной предшественниками его на этомъ поприщѣ, Ансельмомъ и Монтэнемъ. Но разъ эта инициатива явилась, передовые люди не могли не сознать всего превосходства предполагаемыхъ ею реформъ и не могли не поддержать ея своимъ участіемъ. У Локка должны были быть и были послѣдователи. Славнѣйшимъ изъ нихъ былъ Ролленъ.

Въ своемъ «трактатѣ о наукахъ» знаменитый парижскій профессоръ почти повторяетъ сужденія Локка о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Также, какъ и Локкъ, въ дѣлѣ дисциплины Ролленъ склоняется на сторону мягкости. Однако, онъ не рѣшается высказаться рѣшительно противъ употребленія розги. Что въ особенности заставляетъ его колебаться, что ставитъ его втупикъ и препятствуетъ ему высказать мнѣніе, составляющее

сокровеннѣйшее желаніе его сердца, никогда, однако, не восходившее на его уста, это то, что въ Библии есть нѣсколько стиховъ, которые можно истолковать въ смыслѣ благопріятномъ для употребленія розги. Интересно отмѣтить, какъ, въ своемъ колебаніи между чувствами набожнаго христіанина и симпатіями педагога, добрый, но нерѣшительный Ролленъ старается найти для священнаго текста наименѣе ригористичное значеніе и убѣдить себя, что Библия не говоритъ того, что, какъ ему кажется, она говоритъ. Послѣ продолжительнаго колебанія онъ наконецъ приходитъ къ заключенію, что тѣлесныя наказанія допустимы, но должны практиковаться лишь въ чрезвычайныхъ и исключительныхъ случаяхъ, т.е. въ сущности высказываетъ тотъ же взглядъ, какой былъ уже высказанъ Локкомъ.

Послѣ такихъ вѣскихъ возраженій противъ употребленія розги въ качествѣ исправительной мѣры, какими явились сужденія Локка и Родлена, естественно было ожидать, что розга потеряетъ значительную долю своего значенія въ педагогической дисциплинѣ. Но на самомъ дѣлѣ этому вполне естественному ожиданію долго не суждено было осуществиться; прошло много лѣтъ, пока люди, подобные Песталоцци, не изгнали розги изъ школьнаго уголовного кодекса. Однако, первые слѣды вліянія принципозъ Локка и Роллена можно усматривать въ педагогической системѣ конгрегации «Братьевъ христіанскихъ школь», основанной въ 1684 году Ля-Саллемъ въ Реймсѣ. Учрежденное такимъ человѣкомъ, котораго біографы считаютъ чуть не святымъ, общество братьевъ христіанскихъ школь отражало въ своемъ направленіи, организаци и дѣятельности гуманныя черты характера своего учредителя. Что касается тѣлесныхъ наказаній, то на протяженіи двухъ столѣтій «братья» одни только позаботились объ улучшеніи системы исправленія. Однако, справедливость требуетъ замѣтить, что и братская система не свободна отъ недостатковъ: она нерѣдко попираетъ лучшія движенія дѣтской души и, несомнѣнно, далека отъ современнаго идеала. Въ послѣднее время и она подверглась гуманизирующему вліянію новой педагогики. «Только настоятельная необходимость» – говорилъ братъ Филиппъ въ 1870 году – «заставляетъ насъ прибѣгать къ тѣлеснымъ наказаніямъ въ нашихъ школахъ». Уже въ 1811 году поднимался вопросъ если не о совершенной отмѣнѣ, то,

по крайней мѣрѣ, о коренномъ измѣненіи системы тѣлесныхъ наказаній. Въ это время были усовершенствованы и самыя орудія наказанія. «Вмѣсто тяжелой линейки, въ неудобствѣ которой убѣдилъ насъ продолжительный опытъ» – читаемъ въ уставѣ конгрегаціи – «мы вводимъ простой кусокъ кожи, около фута длины и въ дюймъ ширины, разрѣзанный на одномъ концѣ надвое; при этомъ мы надѣемся, что по Божіей милости и по своей кротости наши дражайшіе и возлюбленнѣйшіе коллеги будутъ употреблять его только въ случаяхъ настоящей необходимости и наносить имъ удары только по рукамъ, не позволяя себѣ дѣлать изъ него какого-либо другого употребленія». Эти нововведенія относятся уже къ настоящему столѣтію. Въ первоначальномъ же изданіи «Устава христіанскихъ школы» (Это сочиненіе, принадлежащее Ля-Саллю, трактуетъ о школьныхъ занятіяхъ, о дисциплинѣ, о качествахъ учителей и т.п.; появилось въ 1720 г.) тѣлесныя наказанія свободно допускаются въ школахъ и регулируются съ мелочною и курьезною точностью. Ля-Салль различаетъ пять родовъ наказаній: выговоръ, эпитимія, наказаніе ферулой или особаго рода линейкой, розга и исключеніе изъ школы. Хотя въ нашу задачу не входитъ исторія другихъ наказаній, кромѣ тѣлесныхъ, однако для характеристики братской системы скажемъ нѣсколько словъ и о нихъ.

Молчаніе было основнымъ правиломъ школьной дисциплины Ля-Салля. «Должно какъ можно меньше говорить. Поэтому, исправленія словомъ должны быть употребляемы весьма рѣдко. Даже, кажется, – прибавляетъ уставъ, – «лучше совѣмъ не употреблять словъ». Поистинѣ, странная система воспитанія, гдѣ запрещаются такія благія мѣры, какъ внушеніе и выговоръ, и воздѣйствіе посредствомъ слова на умъ и чувство дитяти, гдѣ, слѣдовательно, нѣтъ мѣста для нравственнаго авторитета учителя, но гдѣ на мѣсто его призывается ultima ratio принужденія и насилія, линейки и розги! Эпитиміями у Ля-Салля называется извѣстный сортъ тѣлесныхъ наказаній. Ученика, напримѣръ, ставили на колѣни, приказывали выучить наизусть нѣсколько страницъ, заставляли, не отвертываясь, держать книгу предъ глазами въ теченіе получаса, приказывали ему оставаться недвижимымъ съ сложенными руками и опущенными глазами и т.п. Все это называлось школьной эпитиміей. Что касается собственно

тѣлесныхъ наказаній, то, какъ мы уже видѣли, братья старались избѣгать ихъ. Тѣмъ не менѣе, Ля-Салль оставилъ подробно регламентированную систему исправленія, и съ исторической точки зрѣнія интересно воспроизвести мелочныя предписанія на этотъ счетъ, данныя основателемъ ордена.

«Уставъ» предписываетъ, прежде всего, ферулу, «инструментъ, состоящій изъ двухъ, сшитыхъ вмѣстѣ кожаныхъ ремней; онъ долженъ быть отъ 10 до 12 дюймовъ длиной, включая сюда и рукоятку; послѣдняя должна быть овальной формы и двухъ дюймовъ въ діаметрѣ; съ одной какой-либо стороны она должна быть вырѣзанною и закругленною приспособительно къ рукѣ». Какъ видимъ, ничего не забыто, даже форма ферулы опредѣляется самымъ точнымъ образомъ. Наказаніе ферулою полагалось за слѣдующіе проступки: 1) за невыучку урока и шалость; 2) за опозданіе въ классъ и 3) за непослушаніе первому приказу. Правда, Ля-Салль приказываетъ учителямъ всегда наказывать только лѣвой рукой, правая же рука всегда должна быть свободной; но, съ другой стороны, дитя, подвергаясь наказанію ферулою, по правиламъ Ля-Салля, не должно было кричать; въ противномъ случаѣ, оно подвергалось новому наказанію. Съ такою же скрупулезностью регламентированы Ля-Саллемъ въ его уставѣ и проступки, караемые розгой. Экзекуція присуждалась школьнику въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда онъ отказывался повиноваться; 2) когда ученикъ совсѣмъ не училъ урока; 3) когда, вмѣсто письма, онъ дѣлалъ кляксы на своей тетради; 4) когда вступалъ въ драку съ своими товарищами; 5) когда онъ недостаточно усердно молился въ церкви; 6) когда въ немъ замѣчали недостатокъ «скромности» во время мессы или урока катехизиса, и въ 7) когда онъ уклонялся отъ классовъ, отъ посѣщенія мессы и уроковъ катехизиса. Чтобы понять, до какой степени, однако, Ля-Салль игнорируетъ достоинство дѣтской природы, считая ее какою-то машиной, и забываетъ о деликатности дѣтскихъ чувствованій, мы должны прочесть до конца оригинальныя предписанія этого устава. Предосторожности, которыхъ требуетъ Ля-Салль, дѣлаютъ еще болѣе очевиднымъ все несовершенство тѣлесныхъ наказаній. «Когда учитель долженъ наказать ученика розгой, то пусть онъ дастъ обычный знакъ, призывающій классъ къ вниманію; затѣмъ знакомъ же укажетъ правило, нарушенное ученикомъ, и тогда

приказываетъ ему идти на мѣсто, гдѣ, обыкновенно, производится исправленіе. Ученикъ долженъ тотчасъ же идти туда и приготовиться къ принятію наказанія, не выставляясь при этомъ неблагопристойно на показъ своимъ товарищамъ. Этотъ обычай – чтобы ученикъ самъ приготовлялся къ наказанію, не вынуждая учителя накладывать на него свои руки, долженъ быть строжайше соблюдаемъ...». «Въ то время, какъ ученикъ готовится къ принятію исправленія, учитель долженъ возбуждать въ себѣ искреннюю готовность дать его въ духѣ любви, какъ бы предъ святѣйшими очами Божиими. Затѣмъ онъ съ достоинствомъ и важною сходитъ со своей каѳедры. и когда достигнетъ того мѣста, гдѣ находится (виновный) ученикъ (мѣсто для сѣченія, по уставу ордена, должно было находиться въ одномъ изъ самыхъ темныхъ и отдаленныхъ угловъ школы, гдѣ нельзя было видѣть наготы жертвы), то скажетъ ему нѣсколько словъ, чтобы приготовить его принять исправленіе съ покорностью, смиреніемъ и твердымъ намѣреніемъ исправиться, затѣмъ дастъ ему три обычныхъ удара; заходить далѣе пяти ударовъ можно только подъ условіемъ спеціальнаго на этотъ счетъ разрѣшенія директора... Если же ученикъ еще не готовъ, учитель идетъ опять на свою каѳедру, не говоря ни слова, и, когда возвратится, то дастъ ему самое суровое наказаніе, какое только дозволено безъ спеціальнаго разрѣшенія, т.е. пять ударовъ. Когда, такимъ образомъ, учитель вынужденъ заставить ученика принять исправленіе (т.е. въ послѣднемъ случаѣ), то онъ попытается немного спустя (послѣ наказанія) какъ-нибудь выяснить ему его вину, дастъ ему придти въ себя и сдѣлать ему строгое и искреннее внушеніе не позволять себѣ снова впадать въ тотъ же порокъ».

Моментъ, нужно замѣтить, не совсѣмъ удачно выбранъ для того, чтобы говорить рѣчь и тѣмъ нарушать правило, запрещающее братьямъ употреблять всякаго рода словесныя внушенія!

«Послѣ того, какъ ученикъ наказанъ, онъ долженъ со скрещенными руками смиренно стать по срединѣ комнаты на колѣни предъ учителемъ и благодарить его за свое исправленіе, а потомъ обратиться къ распятію, чтобы поблагодарить за то-же Бога и обѣщать Ему не дѣлать вновь того поступка, за который онъ только что былъ наказанъ. Все это онъ дѣлаетъ, не говоря вслухъ ни

одного слова: послѣ этого учитель дѣлаетъ ему знакъ идти на свое мѣсто».

Эти предписанія производятъ тяжелое впечатлѣніе на просвѣщеннаго и религіознаго человѣка. Возможно-ли имѣть болѣе ложное понятіе о человѣческой природѣ, болѣе изысканно глумиться надъ гордостью дитяти и его законнѣйшими чувствами и самымъ отталкивающимъ образомъ соединять нескромный и неприличный обычай съ выставкою религіозныхъ чувствъ? «Это абсурдъ, говоритъ Кантъ – заставлятъ дѣтей, которыхъ мы наказываемъ, благодарить насъ, цѣловать наши руки и проч. Это значить стремиться къ тому, чтобы сдѣлать изъ нихъ рабскія созданія».

Далѣе Ля-Салль какъ будто смягчаетъ жестокость предшествующаго правила.

«Изъ любви Божіей, не давайте ударовъ по рукамъ» – совѣтуетъ онъ – «старайтесь, по возможности, никогда не бить дѣтей». Этотъ совѣтъ выясняется и дополняется при помощи слѣдующихъ словъ: «Никакія исправленія не должны были употребляемы, кромѣ тѣхъ, которыя въ употребленіи въ школахъ, и, такимъ образомъ, дѣти никогда не будутъ биты по рукамъ и ногамъ». Другими словами, учитель долженъ употреблять для исправленія только извѣстныя, одобренныя уставомъ, орудія и наказывать только согласно официалънымъ правиламъ, регулирующимъ эти исправленія.

Такова сущность школьной дисциплины Ля-Салля. Какъ мы видѣли, она не страдаетъ особенною нѣжностью къ своимъ питомцамъ; основанная на принципахъ усиленнаго молчанія и свободной инициативы учителей во многихъ случаяхъ, воспитывая своихъ питомцевъ почти исключительно розгой и фериулой, она не могла не представлять обширнаго поприща для произвола преподавателей и воспитателей и нравственнаго извращенія природы учениковъ. Тѣмъ не менѣе, мы не должны особенно строго относиться къ исправительнымъ правиламъ Ля-Салля. Мы не должны забывать, что они предписывались въ то время, когда была еще свѣжа въ памяти знаменитая іезуитская дисциплина, а Локкъ только что высказалъ свой гуманный взглядъ на тѣлесныя наказанія. Кромѣ того, нельзя не согласиться, что уставъ братскихъ

школь представляеть собою извѣстный шагъ впередъ въ дѣлѣ усовершенствованія и смягченія суровости тѣлесныхъ наказаній. Такъ, напримѣръ, правила о томъ, чтобы не давать болѣе пяти ударовъ безъ разрѣшенія директора, дѣлать внушенія провинившемуся (хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ) и нѣкоторыя другія обнаруживаютъ значительный для того времени прогрессъ въ развитіи дисциплинарной гуманности. В виду этого Ля-Салля можно считать до извѣстной степени новаторомъ въ дѣлѣ реформы школьной дисциплины; и какъ бы тамъ ни было, а именно его инициативѣ мы обязаны первымъ, хотя безсознательнымъ и не вполне совершеннымъ, примѣненіемъ на практикѣ принциповъ Локка и Родлена.

Въ далнѣйшей исторіи педагогики розга уже не находитъ себѣ болѣе или менѣе серьезныхъ защитниковъ. Знаменитая теорія Руссо, произведши коренную реформу въ общемъ направленіи и духѣ воспитанія, сдѣлала невозможнымъ повтореніе тѣхъ ригористическихъ взглядовъ на тѣлесныя наказанія, которые господствовали до появленія автора «Эмиля». Вслѣдъ за Руссо въ томъ же направленіи – гуманизации воспитательнаго дѣла, и въ частности, педагогической дисциплины, дѣйствовали его многочисленные послѣдователи и, особенно, знаменитый Песталоцци. Конечно, практика, какъ вездѣ, такъ и здѣсь, расходилась съ теоріей, и «отеческое внушеніе» посредствомъ розги долго продолжало занимать почетное мѣсто въ школьной дисциплинѣ всѣхъ странъ, а въ Англии, какъ мы видѣли, оно имѣетъ мѣсто и въ настоящее время. Наше отечество въ этомъ отношеніи не составляло исключенія, и розга была такимъ естественнымъ явленіемъ, что безъ нея невозможно было и представить никакой школы. Припомните, что говорить у Достоевскаго Коля Красоткинъ: «по идеѣ мужика, школьника порють и должны пороть: что, дескать, за школьникъ, если его не порють?» Но не только мужики, но и люди высшихъ сословій держались тѣхъ-же возрѣній и готовы были, какъ говорить Калломѣйцевъ, пить «за кнуть и редерерь». Даже въ настоящее время, когда грубая тѣлесныя наказанія вмѣстѣ съ розгой уже изгнаны изъ школь, высшихъ и низшихъ, есть еще люди, убѣжденные въ цѣлительной силѣ «березовой каши». Но – *vetustas cessit, ratio vicit* (выраженіе В. Ратихія); теперь уже невозможенъ возвратъ къ печальной памяти

дисциплинѣ стараго, но не особенно добраго времени; разившееся въ наше время до высокой степени сознание чловѣческаго достоинства, надѣмся, окончательно вытѣснило изъ педагогической практики тѣ грубыя, варварскія наказанія, которыя унижали это достоинство и которыя теперь признаны съ нимъ несовмѣстимыми. Поэтому, совершенно непослѣдовательно, не говоря о негуманности, примѣнять эти наказанія къ тѣмъ, которые изъ школы выносятъ развитое понятіе о чловѣческомъ достоинствѣ.

Какую газету выписывать?

(Братьямъ-сопастырамъ).

«Внемли чтенію» (1 Тим. 4, 13).

Наступаетъ пора подписки на газеты и журналы, и каждый №№ періодическаго изданія на послѣднихъ страницахъ помѣщаетъ объявленія, одно другого заманчивѣе. Тенденція почти всѣхъ этихъ объявленій та, чтобы предложеніемъ возможно большаго количества печатнаго матеріала за возможно дешевую плату заманить, такъ сказать, подписчика на удочку выгоды. Подписчикъ легко идетъ на эту удочку, и потому мы видимъ, что наибольшее распространеніе имѣють тѣ изданія, которыя предлагаютъ наиболѣе выгодныя съ коммерческой точки зрѣнія условія. Это и понятно. Русскій подписчикъ, даже образованный, въ большинствѣ случаевъ, беретъ то, что ему даютъ, лишь бы оно было подешевле: рѣдко онъ избираетъ для выписки изданіе по строго обдуманному основанію. Объясняется это явленіе недостаткомъ въ нашемъ читающемъ обществѣ установившагося, выработаннаго міровоззрѣнія, большимъ или меньшимъ соотвѣтствіемъ которому опредѣлялся бы для читателя выборъ того или иного изданія, Казалось бы, духовенство должно составлять въ этомъ случаѣ исключеніе, такъ какъ врядъ ли другой классъ читателей обладаетъ такимъ строго опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ, какъ духовенство. На нашъ взглядъ, однако, и среди нашего сословія далеко недостаетъ должнаго отношенія къ тому, что оно читаетъ. Мы въ особенности имѣемъ въ виду газету. Газета оказываетъ громадное вліяніе на весь строй мыслей читателя. Частое, а тѣмъ болѣе – ежедневное, общеніе съ извѣстнымъ лицомъ, особенно превосходящимъ насъ силою духа или обладающимъ авторитетомъ, приводитъ къ большому или меньшему родству

нашего міросозерцанія и настроенія съ міросозерцаніемъ и настроеніемъ этого лица. Въ этомъ заключается сила вліянія на насъ среды: «съ преподобнымъ преподобенъ будеши, со строптивымъ развратишия»; «скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, и я скажу тебѣ, кто ты таковъ». Газета именно является ежедневнымъ нашимъ собесѣдникомъ, притомъ такимъ, который заставляетъ насъ слушать себя, не отвѣчая на наши вопросы, и говорить намъ только то, что захочетъ, а не то, что намъ хотѣлось бы услышать. Большинство читателей не способно критически отнестись къ тому, что внушаетъ этотъ безмолвный собесѣдникъ, и для такихъ читателей газета является несомнѣннымъ авторитетомъ. Запросъ на газету возрастаетъ у насъ быстро; кругъ читателей расширяется, захватывая и низшіе слои народа, до простого крестьянина включительно. Издатели идутъ навстрѣчу этому запросу, все болѣе и болѣе понижая подписную цѣну. Давно ли единственнымъ, кажется, органомъ (о специальныхъ изданіяхъ не говоримъ) съ подписной цѣною 1 руб. въ годъ былъ «Сельскій Вѣстникъ»? Почти не было изданій дешевле 4 руб. въ годъ. Въ настоящее же время такія изданія можно считать чуть не десятками. Вообще, является фактомъ несомнѣннымъ, что распространеніе газеты идетъ у насъ быстрыми шагами, а съ тѣмъ вмѣстѣ возрастаетъ и ея вліаніе на общество. Съ другой стороны, для всякаго внимательнаго наблюдателя современной общественной жизни очевидно, что нынѣшнее время – время особенно углубленной работы мысли надъ идеалами, которыми до сихъ поръ жило общество, – время нарождающихся *настроений*. Среди новыхъ вѣяній сильно заявляетъ себя, между прочимъ, и стремленіе къ усвоенію христіанскаго вѣроученія и построенія на началахъ его жизни общественной. Но стремленіе это далеко не всегда приводитъ въ ограду св. Церкви и имѣетъ своимъ результатомъ построеніе жизни именно по укладу церковному. Напротивъ, большинство ищетъ христіанства безцерковнаго и стремится на «новые пути». Христіанство превращается у большинства новаторовъ въ одно чисто моральное ученіе. Требования св. Церкви замѣняются у большинства интеллигентнаго общества началами *гуманности*, – понятія туманнаго, понимаемаго, чаще всего, въ смыслѣ сердечности, не регулируемой какими-нибудь опредѣленными принципами, и *свободы*, понимаемой въ смыслѣ

необязательности никаких авторитетов и полного произвола. На почвѣ этихъ двухъ общихъ началъ сходятся разнообразныя теченія религіозно-раціоналистическаго, національно-сепаратистическаго и социально-экономическаго характера. И изобрѣтатель «новаго», исправленнаго христіанства, и буддистъ, и сектантъ, и инородецъ, мечтающій о политической самостоятельности, и республиканецъ, и социалистъ, и просто поклонникъ чистой науки – всѣ эти и другія разновидности нынѣшняго интеллигента согласятся всегда во враждѣ къ Православной Церкви, почти всегда – въ отрицаніи самодержавной власти и очень нерѣдко – въ презрѣніи ко всему истинно-русскому. Не хотимъ этимъ сказать, что таково все интеллигентное общество; слава Богу, знаемъ мы такихъ интеллигентовъ, для которыхъ всѣ указанныя начала святы, но едва ли ошибемся, если скажемъ, что не эти, сравнительно рѣдкіе, представители интеллигенціи даютъ тонъ ея жизни. Посмотрите кругомъ: упадокъ воспитанія въ нашей средней и высшей школѣ; разнузданныя безчинства студенческой молодежи, соединенныя съ оскорбленіемъ святыни (въ Спб. Казанскомъ соборѣ), бунты крестьянъ и рабочихъ, террористическія убійства министровъ, застрачиваніе массою подпольныхъ листовъ и прокламацій противо-правительственнаго содержанія и, наконецъ, даже «союзъ борьбы съ православіемъ», т.е. съ самымъ кореннымъ устоемъ русской жизни!.. Всѣ эти печальныя, потрясающія спокойное теченіе нашей государственной жизни, явленія ясно говорятъ о слабомъ вліяніи на жизнь современнаго образованнаго общества здоровыхъ православно-русскихъ началъ. Характерно при этомъ, что всѣ разнообразныя теченія общественной мысли всячески стремятся къ усиленному пропагандированію своихъ идей и къ проведенію ихъ въ жизнь. Въ этомъ отношеніи періодическія изданія, и особенно газеты, являются однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ.

Глубокую важность, поэтому, для всѣхъ, кому дорого нормальное развитіе русскаго народа въ духѣ началъ, искони его питавшихъ и возраставшихъ въ великій народъ «богоносець», имѣетъ вопросъ: какія же идеи проводятся въ газетахъ, нынѣ повсюду читаемыхъ? какая духовная пища въ нихъ предлагается? Въ особенности для насъ, пастырей, высокимъ саномъ своимъ обязанныхъ стоять на стражѣ душъ, ввѣренныхъ намъ Божественнымъ

Пастыреначальникомъ, никоимъ образомъ не можетъ быть безразличнымъ вопросъ: внушаетъ ли газета читателю своему всѣмъ, чѣмъ можетъ внушить, глубокую преданность родному православію, искреннее почтеніе и послушаніе служителямъ св. Церкви, нелицемѣрную вѣрность Самодержавному Царю-Помазаннику, честное радѣніе о благѣ общественномъ и государственномъ, теплую любовь ко всему, что воплощаетъ въ себѣ лучшія черты народнаго духа? Не старается ли она, напротивъ, привнять довѣрчивому читателю религіозный индиферентизмъ или симпатіи къ какому-нибудь пантеизму, сектантству, язычеству и т.п.? не подрываетъ ли у вѣрующаго въ простотѣ уваженіе къ пастырамъ Церкви, подвергая послѣднихъ осмѣянію или сообщая намѣренно лишь однѣ темныя черты изъ ихъ жизни? дорожить ли она всякимъ поводомъ, чтобы оживить въ читателѣ вѣрноподданническое чувство, научить его честному выполненію общественнаго и государственнаго долга, возгрѣвать въ немъ любовь къ отечеству и всему родному? – Не говорите, что цензура наша достаточно строга для того, чтобы допустить въ періодическомъ изданіи проведеніе вредныхъ, разрушительныхъ идей. Правда, наши законы о печати достаточно гарантируютъ невозможность открытой противозаконной проповѣди, однако большую опасность представляетъ и прикрытое такъ или иначе, но систематическое проведеніе извѣстной антирусской идеи. Бываютъ случаи, когда нельзя не говорить: отъ избытка сердца уста невольно должны заговорить у каждого, въ комъ бьется русское православное сердце; въ такихъ случаяхъ и молчаніе является многозначительнымъ. Характерный въ этомъ отношеніи примѣръ имѣлъ мѣсто въ прошедшемъ году, 19-го іюля, въ день прославленія новаго великаго угодника земли Русской, преп. Серафима Саровскаго. – Могла ли газета, руководимая въ православно-русскомъ направленіи, умолчать о такомъ важномъ событіи въ жизни русскаго народа? могла ли не остановиться на выясненіи глубокаго значенія Саровскаго торжества, не сообщить хотя бы кратко о ходѣ торжествъ и т.п.? Не знаемъ, о чемъ писали въ этотъ день *всѣ* русскія газеты, хотя было бы интересно это установить; но относительно московскихъ газетъ можемъ сказать, что въ то время, какъ большинство изъ нихъ свое вниманіе въ №№ отъ 19-го іюля посвятило, главнымъ образомъ, Саровскимъ

торжествамъ, *двѣ* газеты не обмолвились о нихъ ни словомъ. Одна изъ нихъ («Курьеръ») посвятила передовую статью ликованію не по поводу торжества въ Саровскомъ монастырь, а по поводу торжества французскаго министра-президента г. Комба, *упразднившаго всѣ монастыри во Франціи*. Другая газета («Русскія Вѣдомости»), вмѣсто Саровскаго торжества, трактовала въ передовой статьѣ о всеобщемъ обученіи (вопросъ, конечно, важный, но о немъ можно было бы поговорить хотя бы даже въ слѣдующемъ №). Между прочимъ, упомянувъ въ статьѣ о томъ, что еще въ XVII вѣкѣ «одинъ изъ сановниковъ Православной Церкви» усиленно требовалъ учрежденія училищъ, газета продолжаетъ: «конечно, понятіе о размѣрахъ и характерѣ образованія за два съ половиной вѣка измѣнилось, и, повторяя приведенныя слова одного изъ сановниковъ Православной Церкви, *мы разумѣемъ, конечно, нѣчто иное, чѣмъ разумѣлъ онъ*». Телеграмму о цѣломъ рядѣ исцѣленій, совершившихся въ Саровской обители предстательствомъ преп. Серафима, газета эта напечатала болѣе мелкимъ шрифтомъ, чѣмъ остальные, – очевидно, желая показать сравнительную ея маловажность (Передаемъ со словъ «Московск. Вѣдом.», 20-го іюля 1903 года № 197, статья: «Либералы и Саровское торжество»). А самая видная изъ кievскихъ газетъ, которую, притомъ, нельзя упрекнуть въ полномъ равнодушіи къ вопросамъ церковнымъ, сочла болѣе важнымъ, чѣмъ Саровское торжество, предметомъ для передовой статьи 19 іюли «*отставку прусскаго военнаго министра*»!

Фактъ знаменательный! Если даже такое событіе, какъ прославленіе новаго угодника Православной Церкви, игнорируется русской газетой, издающейся, главнымъ образомъ, для русскихъ читателей, то это служить яснымъ доказательствомъ того, что руководители ея не вполне проникнуты міровоззрѣніемъ, которымъ живетъ русскій человѣкъ. – Не достаточно ли ясно подобные факты показываютъ намъ, русскимъ читателямъ вообще, а священникамъ, духовнымъ руководителямъ народа, въ особенности, какъ нужно быть внимательнымъ въ выборѣ газетъ? Не захочу и имѣть ежедневнаго общенія съ человѣкомъ, не только противоположныхъ моимъ взглядовъ и ко мнѣ недоброжелательнымъ, но даже просто упорно отмалчивающимся на интересующіе меня вопросы; и, напротивъ, пріятно мнѣ

возможно частое общеніе съ человѣкомъ, съ которымъ можно «отвести душу», т.е. подѣлиться думами и впечатлѣніями, которыя будутъ встрѣчены съ доброжелательнымъ вниманіемъ. Не нужны намъ эти органы, въ рекламахъ которыхъ красуются слова, въ родѣ такихъ, какъ «правда, законность, гуманность, достоинство Россіи»; все это хорошія слова, но такія, которыя можно понимать, какъ угодно, и которыя, – ни для кого не тайна, – понимаются и проводятся въ жизнь въ смыслъ, желательномъ лишь еврейско-либеральствующимъ космополитамъ. Намъ нужна такая газета, которая указывала бы, какъ смотрѣть на извѣстное явленіе и какъ поступать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, чтобы оставаться пастырями Православной Церкви. Она нужна намъ для выработки собственнаго нашего міросозерцанія и опредѣленныхъ, устойчивыхъ началъ для дѣятельности; она нужна для того, чтобы и своимъ пасомымъ мы имѣли возможность помочь разобраться въ сложныхъ явленіяхъ современной жизни съ точки зрѣнія православно-русскаго знанія.

На страницахъ духовныхъ органовъ не разъ высказывалась мысль о необходимости развитія солидарнаго пастырскаго сознанія и возбужденія пастырской самодѣятельности, какъ кореннаго средства для излѣченія недостатковъ современной приходской жизни.

Давно пора намъ пастырямъ объ этомъ подумать! Въ единеніи сила. Этотъ девизъ лежитъ въ основѣ возникающихъ въ послѣднее время разнаго рода союзовъ религіозно-просвѣтительнаго характера, «Русскаго Собранія» въ Спб. съ провинціальными его отдѣленіями и другихъ подобныхъ, учрежденіе которыхъ является особенно благопотребнымъ по обстоятельствамъ нынѣшняго «смутнаго», по вѣрному выраженію преосвящ. Макарія Томскаго, времени. Въ наше время особенно чувствуется нужда въ выясненіи и строгой формулировкѣ началъ православно-русскаго сознанія и твердомъ, систематическомъ проведеніи ихъ въ жизнь. Для достиженія этой цѣли существуютъ, конечно, и другія средства, помимо вышеуказанныхъ. Но говорить о нихъ не входитъ теперь въ нашу задачу. Мы имѣемъ въ виду лишь указать, что въ ряду этихъ средствъ далеко не ... [текст поврежден в используемом

источнике] ... могучимъ средствомъ намъ, у которыхъ все должно быть къ созиданію себя и другихъ во спасеніе?

Свящ. М. А-ій. [Михаил Алабовский]

Не думаемъ, чтобы собрать наши затруднились въ выборѣ газеты съ настоящимъ русскимъ направленіемъ. Такихъ газетъ не много. Изъ петербургскихъ можемъ указать на «Свѣтъ»; подписная цѣна 4 руб. въ годъ безъ приложеній; изъ московскихъ «Московск. Вѣдомости». Послѣднія слѣдуетъ поставить во главѣ органовъ православнорусскаго направленія, какъ газету, особенно отличающуюся глубокою преданностью интересамъ Православной Церкви, ея пастырства, и русской государственности (подписная цѣна – 17 руб., для священнослу жителей Западнаго и Балтійскаго края – 10 руб.). Можно еще указать на «Гражданинъ» (Спб.), «Южный Край» (Харьковъ), «Варшавскій Дневникъ» (Варшава) и нѣк. друг. Авт.

**Рѣчь при гробѣ почившаго
священника о. Константина
Терлецкаго, сказанная 13 апрѣля,
предъ пѣніемъ кондака:
«Со святыми упокой».**

Дорогой отецъ Константинъ!

Стою предъ гробомъ твоимъ, – и глазамъ своимъ не вѣрю; созерцаю это церковное благолѣпіе, окружающее твой гробъ, слышу эти молитвенныя воздыханія, смотрю на слезы у этого гроба проливаемые, и думаю: ужели все это для тебя, ужели все это надъ тобой?... Но очевидность не оставляетъ сомнѣній...

По своему крайнему смиренію, ты, можетъ быть, сейчасъ въ самомъ началѣ моего слова, замкнулъ бы мнѣ уста, но позволь же теперь, когда твои уста сомкнуты, мнѣ отверсть свои; вѣдь не для того возжигаютъ свѣтильникъ, чтобы ставить его подъ спудомъ. Не могу молчать, хотя и не въ состояніи сейчасъ сказать о тебѣ все, что хотѣлъ бы и какъ бы хотѣлось.

Да, многое можно о тебѣ сказать! Но неостанетъ мнѣ времени повѣствовать о томъ, какъ бѣдная вдова съ дѣтьми наканунѣ голодной смерти пришла къ тебѣ съ мольбой: «батюшка, спаси!» и ты спасъ ее – она здѣсь, слезами своими она лучше расскажетъ о тебѣ Богу; о томъ, какъ бѣдное дитя, наканунѣ превращенія въ босяки, спасается тобой отъ нравственной гибели: оно стоитъ здѣсь, вознося о тебѣ молитву; о томъ, какъ случайный богомолецъ, зайдя къ тебѣ въ церковь и поразившись твоимъ благолѣпнымъ служеніемъ, сказалъ: «нѣтъ, есть Богъ, есть еще истинные его служители»; о томъ, какъ невѣръ, готовый низринуться въ бездну отчаянія, обнажилъ предъ тобой на исповѣди свои душевныя раны

и, найдя въ тебѣ любящаго, опытнаго врача, возвращень тобой въ ограду церкви.. Я стою предъ гробомъ пастыря и самъ несу пастырское служеніе, и потому мысль моя останавливается на твоёмъ пастырствѣ...

Въ чемъ же сущность твоего пастырства? Какой завѣтъ оставилъ вамъ, своимъ возлюбленнымъ чадамъ, отецъ вашъ духовный? То, чѣмъ онъ жилъ и что вамъ завѣщаль, онъ написалъ на сводахъ этого св. храма, какъ бы для постоянного вашего памятованія; смотрите: «Богъ любви есть и пребывай въ любви, въ Бозѣ пребываетъ и Богъ въ немъ пребываетъ» (Слова эти начертаны на аркѣ, отдѣляющей главный придѣлъ Θεодоровской церкви отъ южнаго придѣла). Любовь – вотъ чѣмъ онъ жилъ: любовь – вотъ что онъ намъ завѣщаль!

Любовь породила въ немъ все то, чѣмъ такъ дорогъ намъ всѣмъ о. Константинъ. Любовь къ Богу и людямъ, создала изъ него великаго молитвенника. Мы – пастыри, учителя молитвы, поразились его молитвой. Онъ не только молилъ, онъ, какъ выражается церковная молитва, *«милъ ся дѣялъ Богу»*. И это умиленіе было какимъ то чрезвычайнымъ, онъ какъ бы пластомъ повергался предъ престоломъ Божиимъ, чтобы вымолить у Господа все, что было нужно его духовнымъ чадамъ. Это была молитва вѣры, молитва дерзновенная, проникавшая небеса и растоплявшая каменные сердца!..

Говорить ли вамъ о его кротости, смиреніи, неизмѣнной благожелательности, привѣтливости, которыми такъ согрѣвалъ всѣхъ насъ дорогой о. Константинъ? Говорить ли о дѣлахъ его любви? Посмотрите вокругъ себя: этотъ величественный храмъ красотой своей обязанъ его любви къ церковному благолѣпію; выйдите изъ храма, оглянитесь кругомъ: школа, пріютъ, – все вокругъ свидѣтельствуешь о его живой дѣятельной любви. Но любовь его простиралась и далѣе. Тотъ приходъ, въ которомъ мнѣ Богъ судилъ пастырствовать, тотъ храмъ, въ которомъ Богъ благословилъ меня священнодѣйствовать, созданы имъ цѣною великихъ трудовъ. Не могу достаточно выразить, чѣмъ обязанъ ему я лично. Въ тѣ дни, когда святительскимъ руковожденіемъ въ душѣ зажженъ свѣтильникъ Божественнаго дарованія, какъ важно

молодому пастырю имѣть около себя опытнаго руководителя! Пастыри поймутъ меня. Я почитаю за великое счастье, что Богъ послалъ мнѣ на первыхъ шагахъ моего пастырства такого опытнаго и любящаго руководителя, какимъ былъ о. Константинъ. Елей благодати горѣлъ въ немъ тихимъ, немерцающимъ свѣтомъ, и онъ научалъ меня ограждать его отъ вѣтровъ житейскихъ бурь. Не разъ открывалъ онъ мнѣ задушевныя свои думы, и какими высокими, чистыми были его стремленія! Онъ былъ мнѣ не другомъ только; онъ былъ моимъ духовнымъ родителемъ, а я – его недостойнымъ сыномъ.

Чтобы сказать все объ его пастырствѣ, я долженъ указать еще одну черту, – неподкупность въ исполненіи своего пастырскаго долга. Бывали случаи, когда обычная кротость и благодушіе подъ вліяніемъ пастырской ревности, уступали мѣсто обличенію; не всѣмъ изъ васъ это, можетъ быть, извѣстно, но... «да не возглаголють уста моя дѣлъ человѣческихъ».

Запечатлѣйте же эти черты дорогого вамъ образа! Отрите слезы всѣ вы, скорбящіе и сѣтующіе: не любилъ онъ «не имѣющихъ упованія». Житейскимъ правиломъ его было: «всегда радуйтесь». Вознесите молитву за вашего молитвенника: это – одно, что теперь необходимо.

Прости же, дорогой о. Константинъ! Прости, любящій пастырь нашъ! Прости, отецъ нашъ! «Не прости», поправилъ бы ты, а «до свиданья». Да, если Господь сподобитъ быть намъ тамъ, гдѣ, вѣруемъ, водворится твоя чистая душа, то, до радостнаго свиданія!

А за всю любовь твою прими отъ насъ поклонъ до земли!

«Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего!»

Священникъ Михаилъ Алабовскій.

Ходатайство приходскаго Братства

12 февраля преосвященному Платону, члену Государственной Думы отъ г. Кіева, представлялась депутація отъ Св. Макаріевскаго Братства, состоящаго при церкви священномученика Макарія на Верхней Юрковицѣ. Депутаціей было выражено привѣтствіе владыкѣ, какъ почетному члену Братства, съ избраніемъ его въ Государственную Думу, и вмѣстѣ съ тѣмъ заявлено ходатайство Братства объ оказаніи возможнаго содѣйствія выполнению двухъ постановленій Братства по вопросамъ общегосударственнаго характера.

На собраніи членовъ Братства 4 апр. минувшаго года обсуждался вопросъ о томъ, о какихъ потребностяхъ православной церкви желательно было-бы внести на разсмотрѣніе Государственной Думы и Государственного Совѣта. Рѣшено было, что разнообразныя потребности собственно православной церкви подлежать вѣдѣнію имѣющаго быть созваннымъ въ недалекомъ будущемъ церковнаго собора. На обсужденіе же Государственной Думы и Государственного Совѣта желательно поставить слѣдующіе два вопроса.

I. Существующій способъ обезпеченія духовенства посредствомъ даяній за требоисполненіе въ значительной мѣрѣ препятствуетъ нравственному единенію пастыря съ пасомыми и, такимъ образомъ, является одною изъ главныхъ причинъ, задерживающихъ развитіе въ народѣ религіозности и благочестія. Вслѣдствіе этого Братство находитъ необходимымъ назначеніе всему православному духовенству Имперіи опредѣленнаго соотвѣтствующаго содержанія отъ казны.

II. Считаая вообще, что правильное начальное образованіе, особенно же здоровое воспитаніе души, – что особенно цѣнно въ образованіи, – недостижимо иначе, какъ при наиболѣе полномъ вліяніи и руководствѣ православной церкви, – Братство признаетъ крайне необходимымъ, чтобы всѣ начальныя школы въ Имперіи

находились въ ближайшемъ вѣдѣніи приходовъ (приходскихъ братствъ, совѣтовъ и т.п.). Это наиболѣе обезпечивало бы какъ правильное и плодотворное участіе родителей и общества въ этомъ первостепенной важности дѣлѣ, такъ, при условіи достаточнаго матеріальнаго обезпеченія, и основательность даваемого начальными школами образованія.

Ближайшей задачей на пути практическаго осуществленія намѣченныхъ общихъ положеній по обоимъ вопросамъ Братство считаетъ увеличеніе кредитовъ, отпускаемыхъ по государственной смѣтѣ на содержаніе православнаго духовенства и церковно-приходскихъ школъ. Въ виду изложеннаго Братство постановляетъ: просить имѣющаго быть избраннымъ отъ гор. Кіева члена Государственной Думы и другихъ представителей населенія въ государственныхъ учрежденіяхъ всѣми мѣрами содѣйствовать, при разсмотрѣніи смѣты, увеличенію указаннаго кредита.

Исполненіе означеннаго постановленія Братства пришлось, однако, отложить на неопредѣленное время въ виду выбора въ прошлую Думу такого члена отъ г. Кіева, взгляды котораго не давали надежды на сочувствіе его этому постановленію. Съ избраніемъ преосвященнаго Платона надежды эти получили болѣе твердую почву и Братство рѣшило дать движеніе своему постановленію. Владыка-депутатъ отнесся съ полнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ къ ходатайству Братства, заявивши, что, какъ бывшій приходскій пастырь, онъ глубоко чувствуетъ ту душевную боль, какую причиняетъ духовенству необходимость жить на такъ называемыя добротныя даенія прихожанъ, равно какъ и тотъ вредъ, какой приноситъ она дѣлу благоустроенія приходской жизни.

Крайне желательно, чтобы примѣру Св. Макаріевского Братства послѣдовали остальные церковно-приходскія организаціи: братства, попечительства, приходскіе совѣты и т.п. У насъ нѣтъ серьезнаго общественнаго мнѣнія не только по церковнымъ, но и по другимъ разнообразнымъ вопросамъ государственной жизни. Починъ въ дѣлѣ выясненія и формулировки церковно-общественнаго сознанія долженъ быть взятъ церковно-приходскими учрежденіями, какъ ближе всего стоящими къ дѣлу. Мы переживаемъ время, исключительное по своей важности. Если

мы пастыри не возьмемъ за дѣло организаціи народной массы, объединивъ ее въ приходахъ, то придутъ иные дѣятели, съ инымъ знаменемъ, и увлекутъ ее въ противоположную сторону. Если бы со всѣхъ концовъ Россіи раздавался дружный голосъ православныхъ приходовъ, какую внушительную картину представилъ бы этотъ подлинный голосъ народа и какой противовѣсъ нашли бы въ немъ обычныя теперь злоупотребленія именемъ народа!

Свящ. М. А.

Кого въ настоящее время необходимо привлечь къ дѣлу миссіи?

(Къ вопросу о способахъ и средствахъ созданія народной миссіи)

Докладъ IV Всероссійскому Миссіонерскому Съѣзду
въ гор. Кіевѣ

Созданіе народной миссіи – дѣло первостепенной важности. Всѣ мѣропріятія, направленныя къ охраненію православныхъ отъ заблужденіи и къ обращенію заблудшихъ, будутъ мало дѣйствительными, если онѣ не будутъ имѣть опоры въ народныхъ массахъ, равно какъ и въ средѣ образованнаго общества. Крайне необходимо, такъ сказать, популяризировать возможно шире дѣло церковной миссіи. Доселѣ въ этомъ направленіи сдѣлано очень немного.

Беремъ на себя смѣлость предложить вниманію всероссійскаго миссіонерскаго съѣзда свое посильное слово по данному вопросу. Итакъ, какъ создать народную миссію?

Прежде всего, должны оговориться, что при отвѣтѣ на поставленный вопросъ мы оставляемъ къ сторонѣ тѣ способы и средства, кои выработались спеціально на церковной почвѣ. Мы разумѣемъ: приходскія братства, кружки ревнителѣй-простецовъ и т.п.

Мы хотимъ обратить вниманіе на новые пути въ рѣшеніи вопроса, открываемые современною жизнью.

«Вся испытывайте, добраго держитесь» (1 Сол. V, 21): на этомъ апостольскомъ правилѣ должны мы строить свои отношенія къ разнообразнымъ явленіямъ жизни. И особая мудрость потребна въ примѣненіи этого правила къ нынѣшней многомятежной общественной жизни. Мѣропріятія, направленные съ высоты Престола къ усовершенствованію государственнаго строя, въ связи съ войной и смутой послѣднихъ лѣтъ, произвели глубокія перемѣны въ строѣ нашей общественной и народной жизни. Собразно различнымъ видамъ отношенія къ новымъ формамъ государственной жизни, въ обществѣ и народѣ образовались разные союзы, получившіе названіе политическихъ партій или организацій. Эти партіи, являясь органами общественной самостоятельности, получили значительное вліяніе на жизнь нашего отечества и съ этимъ новымъ факторомъ по необходимости должна считаться и Церковь, если она хочетъ, дѣйствовать въ должномъ соотвѣтствіи съ сложившимися условіями жизни.

Дѣятелямъ Церкви необходимо знать эти организаціи, слѣдить за ихъ дѣятельностью, ясно различая среди нихъ враждебныя Церкви отъ сочувствующихъ ей. Съ первыми имъ необходимо вести неустанную борьбу, со вторыми – вступать въ тѣсный союзъ. Подъ сочувствующими Церкви мы разумѣемъ тѣ политическія организаціи, кои получили названіе – «патріотическихъ» и кои въ своей дѣятельности обнаружили, въ той или другой мѣрѣ, свое доброжелательное отношеніе къ Православной Церкви. Эти организаціи необходимо привлечь на службу Церкви и въ дѣлѣ созданія народной миссіи.

Нельзя не указать на то, что отношеніе къ патріотическимъ партіямъ, даже со стороны сочувствующихъ Церкви, далеко не одинаково. Для устраненія накопившихся въ данномъ вопросѣ недоразумѣній нужно оставить обычную точку зрѣнія на патріотическія организаціи, какъ «реакціонныя», «отстаивающія старый режимъ» и т.п. Для дѣятелей Церкви необходимо установить на нихъ свою, церковную точку зрѣнія. Не будемъ, поэтому, касаться того, какъ смотреть та или иная патріотическая организація на форму государственнаго строя, на вопросъ аграрный, военный, образовательный и т.п., хотя, конечно, все это

не безразлично для Церкви. Поставимъ вопросъ прямо: въ какомъ отношеніи стоятъ эти организаціи къ Православной Церкви?

Къ отвѣту на этотъ вопросъ легко придемъ, отвѣтивши на другой вопросъ: какія, вообще, существуютъ у насъ общественныя и народныя организаціи, сочувствующія Церкви? Ихъ нѣтъ, кромѣ политическихъ партій праваго лагеря и очень немногихъ просвѣтительныхъ учреждений. Для всѣхъ, сколько нибудь наблюдавшихъ жизнь въ городѣ и деревнѣ, это не требуетъ поясненій. Развѣ наши городскія думы ставятъ въ числѣ первыхъ своихъ заботъ нужды Церкви? Развѣ наши земства много удѣляютъ вниманія церковно-приходскому дѣлу? Не видимъ ли, наоборотъ, какое дружное противодѣйствіе встрѣчаетъ въ земствѣ, напр., наша церковно-приходская школа? Развѣ устроители народныхъ библиотекъ, читалень, народныхъ чтеній въ большинствѣ не для приличія только даютъ мѣсто изданіямъ религіозно-нравственнаго содержанія?

Изъ всѣхъ общественныхъ и народныхъ учреждений наибольшимъ и открытымъ сочувствіемъ Церкви отличаются правыя политическія партіи. Было бы, поэтому, непоправимой ошибкой для дѣятелей Церкви оставить безъ вниманія эту выдающуюся доброжелательную къ Церкви силу.

Заслуга правыхъ партій передъ Церковью и теперь уже велика. При малокультурности народныхъ массъ устройство какого-бы то ни было общественнаго учрежденія въ деревнѣ дѣло крайне трудное. Если сельскіе сходы, вѣдѣнію коихъ подлежатъ насущныя нужды сельчанъ, далеко не всегда собираютъ достаточное число домохозяевъ, то всякая организація съ болѣе или менѣе отвлеченными задачами тѣмъ менѣе способна вызвать интересъ крестьянъ. Вотъ эту то именно задачу, – если можно такъ выразиться, организовать деревню весьма успѣшно выполняютъ политическія организаціи, главнымъ образомъ, Союзъ Русскаго Народа. Въ этомъ отношеніи Союзъ Русскаго Народа выполняетъ непочатую огромной важности государственную работу. Дѣятелямъ Церкви безусловно необходимо воспользоваться результатами, достигнутыми Союзомъ, и съ своей стороны оказать ему содѣйствіе въ продолженіи начатаго дѣла. Опытъ протекшей

дѣятельности Союза показываесть, что дѣло организациі деревни идетъ успѣшно особенно тогда, когда оно совершается подъ покровомъ Церкви, подъ руководствомъ пастырей ея. Разительный и въ высшей степени привлекательный тому примѣръ даесть Волянь, гдѣ народъ представляесть изъ себя объединенную мирными культурными задачами массу, руководимую самоотверженнымъ пастыремъ, о. архимандритомъ Виталиемъ.

Будя мысль, объединяя лучшія силы деревни, патріотическія партіи, главнымъ образомъ, тотъ же Союзъ Русскаго Народа, обнаруживаютъ въ своей дѣятельности стремленія, направленные, въ частности, къ устраненію разныхъ нестроеній въ жизни Церкви. Нельзя, напр., не поставить въ заслугу для Церкви Союзу Русскаго Народа его попытку сблизить православныхъ съ тѣми изъ неправославныхъ, которые и по крови, и по вѣрѣ стоятъ ближе всего къ намъ, именно, съ старообрядцами. Объявляя въ своей программѣ, что «Союзъ не дѣлаесть различія между православными русскими стараго и новаго обряда», Союзъ послѣдовательно проводитъ это положеніе въ своей дѣятельности. По собственному опыту знаю и пастыри разновѣрныхъ приходовъ подтверждать это, что съ православнымъ священникомъ охотнѣе вступають даже въ религіозное общеніе католики и лютеране, чѣмъ ближе стоящіе къ намъ по вѣроученію старообрядцы. Больно сознавать это, но должно признаться, что жизнь Церкви доселѣ не выработала условій необходимыхъ для сближенія православныхъ со старообрядцами (Единовѣріе, дающее, повидимому, полную возможность объединенія старообрядцевъ съ православной Церковью, за сто лѣтъ своего существованія не вызвало, однако, болѣе или менѣе широкаго движенія старообрядчества къ воссоединенію съ православіемъ). Союзу Русскаго Народа удалось найти общую для нихъ почву, на которой, Богъ дасть, и установится столь желанное для Церкви единеніе въ вѣрѣ.

Какъ несомнѣнную заслугу, должно отмѣтить и стремленіе патріотическихъ партій къ оздоровленію нашей школы. 37-е постановленіе 2-го всероссійскаго съѣзда русскихъ людей гласить: «государственная школа должна стремиться къ выработкѣ въ ученикахъ характеровъ въ народномъ духѣ». Что касается низшей школы, то лучшимъ типомъ таковой, по постановленію того же

сѣзда, признано церковно-приходская школа, надлежаще поставленная и съ нѣскольکو распространеннымъ курсомъ. Особой комиссіей при Московской монархической партіи разработанъ проэктъ Кирилло-Меѳодіевской средней школы, въ коей послѣдовательно и въ усовершенствованномъ видѣ проведены начала религіозно-нравственнаго обученія и воспитанія. Русское Собраніе въ С.-Петербургѣ уже открыло собственную гимназію, въ которой образованіе будетъ поставлено въ соотвѣтствіе съ исповѣдуемыми Собраніемъ принципами, изъ коихъ первый – преданность родному православію. Было бы утомительно перечислять всѣ отдѣльные факты, свидѣтельствующіе о содѣйствіи патріотическихъ партій Церкви въ томъ или иномъ отношеніи. Къ подобнаго рода фактамъ можно отнести: поддержаніе правыми партіями частныхъ учебныхъ заведеній патріотическаго характера, веденіе народныхъ чтеній, устройство библіотекъ, потребительскихъ лавокъ и обществъ, изданіе и поддержаніе органовъ правой печати и т.п.

Если иногда имѣли мѣсто факты иного рода, напр. проявленія недоброжелательства къ отдѣльнымъ представителямъ Церкви, то въ основѣ ихъ всегда почти лежало ничто иное, какъ искренняя ревность по вѣрѣ и нелицепріятное желаніе блага Церкви. И эта ревность для всѣхъ дорожащихъ интересами Церкви должна представляться, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе желательной, чѣмъ индиферентизмъ и молчаливое зложелательство иныхъ политическихъ организацій, которыя, или совсѣмъ игнорируютъ Православную Церковь, или являются открытыми ея врагами. И если въ этихъ проявленіяхъ недоброжелательства иногда преступалась мѣра и вообще бывали случаи неразумной ревности по вѣрѣ, то не объясняются ли эти факты, помимо другихъ причинъ, и тѣмъ, что патріотическія организаціи въ своей дѣятельности, касавшейся Церкви, очень нерѣдко лишены были руководства тѣхъ, кому интересы Церкви должны быть ближе всего и на кого онѣ были въ правѣ прежде всего разсчитывать, т.е. пастырей Церкви? Пора съ глубокою скорбію сознаться, что нерѣдко «свои своихъ не познавали», и наши пасомые, горѣвшіе ревностью по вѣрѣ, искавшіе у насъ – пастырей, совѣта и руководства, встрѣчались нами нерѣдко съ холоднымъ равнодушіемъ или открытымъ недоброжелательствомъ,

внушенными намъ тайными или явными врагами Церкви, и, такимъ образомъ, «зиждущими» отвергался «камень», достойный быть положеннымъ «во главу угла».

Повторяемъ: намъ должно выработать свой, церковный взглядъ на современныя явленія и оцѣнить патріотическія партіи со стороны ихъ пользы для Церкви.

Какъ бы ни характеризовали намъ эти партіи ихъ противники, обзывая ихъ «реакціонными» и награждая ихъ иными утонченными эпитетами, для насъ должно представляться несомнѣннымъ одно: при всѣхъ своихъ недостаткахъ правыя политическія организація являются ближайшими сотрудниками церковной миссіи. Изъ-за неизбѣжныхъ вездѣ недостатковъ не отвергать ихъ должно, а цѣня ихъ ревность по вѣрѣ, съ любовью принять ихъ подъ свое руководство и замѣчаемые недостатки исправлять. На то мы – пастыри, а они – пасомые.

Сказаннымъ отнюдь не исключается необходимость для пастырей и другихъ дѣятелей миссіи имѣть попеченіе и надъ православными, принадлежащими къ инымъ политическимъ партіямъ. И этихъ овецъ должно всячески приводить во дворъ Церкви, но соработниками они, очевидно, пока быть не могутъ. Своимъ доброжелательнымъ посредничествомъ пастыри Церкви могли бы много способствовать смягченію той остроты отношеній, какая установилась въ настоящее время между политическими партіями и обществами и, такимъ образомъ, вносить въ нихъ христіанскій духъ мира и взаимнаго пониманія.

Не нужно, поэтому, смущаться тѣмъ, что участіе въ политическихъ правыхъ партіяхъ будетъ, какъ нынѣ выражаются, введеніемъ въ дѣло Церковное политики, т.е. элемента, будто-бы чуждаго Церкви. Нѣтъ ничего пагубнѣе этого предъубѣжденія. Въ основѣ его кроется глубокое недоразумѣніе, уже принесшее много вреда Церкви и отечеству. Въ самомъ дѣлѣ: какъ могутъ быть чуждыми Церкви тѣ люди, которые словомъ и дѣломъ исповѣдуютъ свою преданность Св. Церкви? Ужели какою-то «политикой» надо считать поддержаніе Церковью союзовъ такихъ ревнителей, какъ бы они ни назывались? Что же тогда назвать дѣломъ церковнымъ? И если бы даже Церковь входила съ тѣмъ или инымъ своимъ

воздѣйствіемъ въ область того, что въ тѣсномъ смыслѣ разумѣется подъ словомъ «политика», напр. международныхъ отношеній, направленія правительственной дѣятельности внутри государства и т.п. – неужели это было бы дѣломъ чуждымъ Церкви? Конечно, нѣтъ. Вѣра Христова, носительницей коей является Церковь, должна простирать свое благотворно преобразующее воздѣйствіе на всѣ стороны жизни. Иначе мы будемъ въ отвѣтъ передъ Спасителемъ Нашимъ и передъ православной Россіей. И безъ того на дѣятелей Церкви со всѣхъ сторонъ сыпятся упреки за ихъ равнодушіе къ общественнымъ интересамъ, слышатся укоры Самой Церкви за ея безжизненность, за оторванность ея идеаловъ отъ всего земного.

Позволяемъ себѣ исповѣдать передъ высокопочтеннымъ собраніемъ свое глубокое убѣжденіе, что Церкви необходимо не устраняться отъ политическихъ партій, а выработать свою точку зрѣнія на нихъ и, сообразуясь съ ней, установить тѣ или иныя къ нимъ отношенія. Изъ сказаннаго выше явствуетъ наше мнѣніе, что въ частности, въ дѣлѣ миссіи мы должны идти рука объ руку, въ ближайшемъ сотрудничествѣ съ правыми политическими организаціями, какъ естественными, ближайшими нашими соработниками.

Смѣемъ думать, что постановленіе такого высокоавторитетнаго собранія, какъ всероссійскій миссіонерскій съѣздъ, имѣло бы громадное руководственное значеніе для дѣятелей миссіи, съ одной стороны, и ободряющее дѣйствіе на сочувствующія Церкви политическія партіи, съ другой.

По нашему мнѣнію постановленіе съѣзда могло бы быть выражено въ слѣдующей формѣ.

«Всероссійскій миссіонерскій съѣздъ рекомендуетъ пастырямъ и миссіонерамъ при организаціи народной миссіи, послѣ специально церковныхъ учрежденій, обращаться къ содѣйствію политическихъ обществъ и партій, кои въ своей дѣятельности обнаруживаютъ сочувствіе интересамъ и нуждамъ Православной Церкви».

Докладъ подвергался обсужденію и принятъ VI организаціонной комиссіей миссіонерскаго съѣзда, а общимъ собраніемъ 25 іюля сдѣлано постановленіе въ слѣдующей редакціи: «просить Св. Синодъ рекомендовать епархіальнымъ преосвященнымъ, чтобы пастыри и миссіонеры, при организаціи въ епархіяхъ народныхъ миссій, послѣ специально церковныхъ учрежденій, обращались, въ потребныхъ случаяхъ и гдѣ это возможно, къ содѣйствию тѣхъ патріотическихъ обществъ, которыя въ своей дѣятельности отстаиваютъ интересы Православной Церкви» (см. № 35 журналъ «Церковныя Вѣдомости» за текущій годъ, стр. 1688-89).

Великій пастырь русскаго народа

Памяти о. І. И. Сергіева (Кронштадтскаго)

+ 20 декабря 1908 г.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи вечеромъ

28 января 1909 года

*«Я не ищу и не искалъ славы: она сама идетъ ко мнѣ. Воздаю славу Тому, Кто сказалъ: кто прославитъ Меня, тѣхъ Я прослаблю»
(Слова отца Іоанна).*

19 октября 1829 г. у дьячка Ильи Сергіева родился, а 20 окт. крещень сынъ Иванъ. За слабостію здоровья крещень въ домѣ священникомъ Сергіевымъ; воспріемники: Иванъ Кунниковъ и священника Сергіева дочь Дарья. Такова подлинная запись о рожденіи о. Іоанна Кронштадтскаго въ метрической книгѣ села Суры, Пинежскаго уѣзда, Архангельской губ. Тотъ край, который далъ Россіи перваго русскаго ученаго, М.В. Ломоносова, былъ родиной и великаго русскаго пастыря.

Первые годы о. Іоанна прошли среди дикой, но своеобразно прекрасной природы сѣвера, въ убогой обстановкѣ родной семьи. Природа научила его понимать премудрость Божию своею красотою, а вѣрующій отецъ вложилъ въ него первыя религіозныя впечатлѣнія, приучая его къ храму и богослуженію. Въ дѣлѣ закрѣпленія навыковъ благочестія много сдѣлала и его мать, простая, но сильная вѣрою, женщина.

Начали его учить. «Отецъ купилъ мнѣ букварь, рассказываетъ самъ о. Іоаннъ, но туго давалась мнѣ грамота, и много скорбѣлъ я по

поводу своей неразвитости и непонятливости. Я не могъ никакъ усвоить... тождества между звукомъ и буквою. Да это въ то время и не преподавалось съ такою ясностью, какъ теперь; насъ всѣхъ учили: «азъ, буки, вѣди», какъ будто «А» само по себѣ, а «Азъ» само по себѣ; мурдости этой понять я долго не могъ; и когда меня, на 10 году, повезли въ Архангельское приходское училище, я съ трудомъ разбиралъ по складамъ, и то только по печатному» (Иером. Михаилъ. О. Иоаннъ Кронштадтскій, стр. 12).

Нерадостныя воспоминанія остались у о. Иоанна отъ приходского училища. Кормили ихъ скудно, денегъ отецъ высылалъ, по бѣдности своей, крайне мало. Нерѣдко у учениковъ не было ни книгъ, ни бумаги. «Съ другими учениками ходилъ я, рассказывать о. Иоаннъ, «собирать» бумагою по присутственнымъ мѣстамъ. Помню, какимъ богачемъ чувствовалъ я себя, когда экзекуторъ консисторіи далъ мнѣ, кажется, чуть не двѣ дести».

Учился о. Иоаннъ сначала плохо. Съ малыхъ лѣтъ наученный родителями жить по волѣ Божіей, онъ обращается съ горячей молитвой къ Единому Наставнику и Покровителю всѣхъ, ищущихъ премудрости. «Какъ сейчасъ помню, однажды былъ вечеръ, всѣ улеглись спать. Не спалось только мнѣ. Я по прежнему ничего не могъ уразумѣть изъ пройденнаго, по прежнему плохо читалъ, не понималъ и не запоминалъ ничего изъ рассказаннаго». Такая тоска на меня напала; я упалъ на колѣни и принялся горячо молиться. Не знаю, долго-ли и пробылъ въ такомъ положеніи, но вдругъ точно потрясло меня всего... У меня точно завѣса спала съ глазъ, какъ будто раскрылся умъ въ головѣ, и мнѣ ясно представился учитель того дня, его урокъ; я вспомнилъ даже о чемъ и что онъ говорилъ. И легко, и радостно такъ стало на душѣ. Никогда я не спалъ спокойно, какъ въ ту ночь. Чуть засвѣтлѣло, я вскочилъ съ постели, схватилъ книги и – о счастье! – читаю гораздо легче, понимаю все, а то, что прочиталъ, не только все понялъ, но хоть сейчасъ и рассказать могу... Въ короткое время я подвинулся на столько, что пересталъ уже быть послѣднимъ ученикомъ... и къ концу курса однимъ изъ первыхъ былъ переведенъ въ семинарію» (Тамъ же, стр. 14).

Такъ религіозная настроенность, вынесенная изъ семьи, не ослабѣвала въ эти училищные годы, а все болѣе крѣпла. «Знаешь-ли, – сказалъ онъ въ бесѣдѣ съ игуменіей Таисіей, что прежде всего положило начало моему обращенію къ Богу и еще въ дѣтствѣ согрѣло мое сердце любовью къ Нему? Это – святое Евангеліе. У родителя моего было Евангеліе на славяно-русскомъ языкѣ, любилъ я читать эту чудную книгу, когда пріѣзжалъ домой на вакаціонное время, и слогъ ея, и простота рѣчи были доступны моему дѣтскому разумѣнію; я читалъ и услаждался ею и находилъ въ этомъ чтеніи высокое и незамѣнимое утѣшеніе. Это Евангеліе было со мною и въ духовномъ училищѣ. Могу сказать, что *Евангеліе было спутникомъ моего дѣтства*, моимъ наставникомъ, руководителемъ, утѣшителемъ, съ которымъ я сроднился съ раннихъ лѣтъ».

Семинарію о. Іоаннъ окончилъ первымъ ученикомъ, а въ 1849 г. поступилъ въ С. Петербургскую духовную Академію. Помимо богатыхъ средствъ для образованія ума, для о. Іоанна въ Академіи открылось немаловажное преимущество, имѣвшее большое значеніе для его духовнаго роста. Въ Академіи было свободно мѣсто письмоводителя, и о. Іоанну, отличавшемуся прекраснымъ почеркомъ, предложили это мѣсто. Жалованія полагалось всего 10 руб. въ мѣсяць, но цѣннымъ преимуществомъ этого мѣста для студента было то, что письмоводитель пользовался «своей» особой комнатою. Эту комнату о. Іоаннъ обратилъ въ убѣжище для богомыслия, молитвы и духовнаго чтенія. На скопленные гроши онъ покупаетъ первую «собственную» книгу – «Толкованіе І. Златоуста на Евангеліе Матѳея». Глубокая мысль Златоуста до такой степени охватывала его своей возвышенной красотой, что Иванъ Ильичъ плакалъ въ порывѣ духовнаго восторга и рукоплескалъ Златоустому витіи, какъ рукоплескали ему когда-то антиохійцы и цареградцы.

Постепенно созрѣвала юная душа. «Чаще всего Сергіевъ бесѣдовалъ со мною о смиреніи», пишетъ товарищъ о. Іоанна, протоіерей Л. П-въ. Умъ его уже въ то время обращался къ этой первой христіанской добродѣтели.

По окончаніи курса, на одной вечеринкѣ (на которыхъ онъ почти никогда не бывалъ) Иванъ Ильичъ встрѣтился съ дочерью прот. Несвицкаго изъ Кронштадта, Елизаветой Константиновной, тотчасъ же сдѣлалъ ей предложеніе и обвѣнчался. 12 дек. 1855 г. о. Іоаннъ былъ рукоположенъ преосв. Христофоромъ, епископомъ Винницкимъ, во священника, и опредѣленъ въ Кронштадтскій соборъ. Когда онъ впервые вступилъ въ этотъ соборъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, остановился пораженный. «Я, рассказывалъ онъ послѣ, увидѣлъ обстановку, давно мнѣ знакомую. Это была внутренность того самаго храма, какой я видѣлъ во снѣ, лѣтъ 15 тому назадъ, съ этимъ вновь сдѣланнымъ иконостасомъ; этотъ сонъ запечатлѣлся въ душѣ моей навсегда, оставивъ во мнѣ радость неземную».

Началось великое пастырское служеніе, продолжавшееся затѣмъ 53 года и 8 дней. Не будемъ слѣдить за внѣшней стороною этого служенія, передавать, какъ молодой священникъ постепенно поднимался по лѣстницѣ отличій до исключительныхъ ступеней – награжденія митрой и званія члена Святѣйшаго Синода. Постараясь, сколько можемъ, изобразить духовный ростъ великаго пастыря, то, что онъ называлъ «жизнью во Христѣ».

«Съ первыхъ же дней своего служенія Церкви, говоритъ о. Іоаннъ въ своей автобіографіи, я поставилъ себѣ за правило: сколь возможно искреннѣ относиться къ своему дѣлу, пастырству и священнослуженію, строго слѣдить за собой, за своей внутренней жизнью. Съ этою цѣлью я, прежде всего, принялся за чтеніе священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, извлекая изъ него назидательное для себя, какъ для человѣка, священника и члена общества. Потомъ и сталъ вести дневникъ, въ которомъ записывалъ свою борьбу съ помыслами и страстями, свои покаянныя чувства, свои тайныя молитвы ко Господу и свои благодарныя чувства за избавленіе отъ искушеній, скорбей и напастей».

Такимъ образомъ, средствами воспитанія пастырскаго духа для о. Іоанна служили: чтеніе свящ. Писанія, внимательное изученіе богослуженія, этого великаго созданія Церкви, молитва и дѣятельная любовь по отношенію къ меньшей братіи.

«Въ рудникахъ ищутъ золото, говорить онъ о чтеніи Слова Божія, перемоютъ песокъ, возьмутъ, что найдутъ, и песокъ бросаютъ. Но хорошо извѣстно, что, при нашемъ способѣ промывки, изъ песку берутъ не все. Если перемыть снова песокъ, найдешь еще. А мы какъ читаемъ Евангеліе, Библию? Если возьмемъ одну сотую святого золота, то слава Богу. Потому читайте десять, сто разъ и всякій разъ найдете «новое» золото, и во второй разъ его будетъ больше, чѣмъ въ первый, въ третій – больше, чѣмъ во второй, глаза больше привыкнуть видѣть нужныя свѣтлыя блески». Молитвѣ о. Іоаннъ придастъ важное значеніе. Молитва споспѣшествуетъ всему: и пониманію Слова Божія, и всякому духовному дѣланію. Но молитвѣ нужно учиться. «Даръ молитвы, говорить о. Іоаннъ, пріобрѣтается усиліемъ... Зажигательное стекло тогда зажигаетъ дерево или бумагу, или что другое удобосгораемое, когда мы наведемъ на предметъ такъ, что лучи солнечныя, сосредоточенныя въ фокусѣ стекла, всѣ сосредоточиваются на одной точкѣ зажигаемаго предмета, всю свою совокупность дѣйствуютъ на него и такимъ образомъ какъ-бы все солнце въ уменьшенномъ видѣ помѣщается на предметѣ. Такъ и въ молитвѣ, тогда душа согрѣвается, оживляется и воспламеняется умнымъ Солнцемъ – Богомъ, когда умомъ своимъ, какъ зажигательнымъ стекломъ, мы наведемъ на сердце это мысленное Солице, и когда Оно будетъ дѣйствовать на сердце своею простотою и Своею силою. Когда молишься Богу, вообрази живо, Кому ты молишься. Ты молишься безначальному и безконечному Царю всякой твари..., предъ Которымъ благоговѣютъ милліоны милліоновъ ангеловъ различныхъ порядковъ, коего воспѣваютъ воинства мучениковъ, сословіе пророковъ и апостоловъ, соборы святителей, преподобныхъ и праведныхъ». «Молитва – дыханіе духовное; молясь мы дышемъ Духомъ Святымъ».

Молитва о. Іоанна – въ высшей степени искрення. Это – не самозабвеніе молитвеннаго экстаза; это – жизнь души; нерѣдко въ дерзновеніи вѣры онъ прямо требуетъ отъ Бога исполненія просимаго. Слова его молитвы всегда продиктованы его душой, а не взяты готовыми со словъ другихъ. И слова чужихъ молитвъ у него всегда тѣсно слиты въ едино нераздѣльное съ его настроеніями.

То, что заложено было в о. Иоаннѣ и развиваемо чтеніемъ Слова Божія, проникновеніемъ въ духъ богослуженія, молитвой, – то довершалось дѣятельностью практической. Созиданіе пастырскаго духа завершилось въ немъ широкимъ благотвореніемъ среди паствы.

Кронштадтъ въ 50-60 годахъ былъ мѣстомъ ссылки, изъ разныхъ городовъ порочныхъ, неисправимыхъ людей, носившихъ въ Кронштадтѣ наименованіе «посадскихъ». На этихъ-то людей, утратившихъ образъ Божій и составлявшихъ опасный для мирныхъ жителей элементъ въ городѣ, о. Иоаннъ обратилъ свое вниманіе. Онъ сталъ посѣщать ихъ дома, бесѣдовать съ ними. Сначала, «посадскіе» стѣснялись этихъ непривычныхъ для нихъ посѣщеній батюшки, но затѣмъ почували въ немъ искренно любящее ихъ сердце и отозвались на любовь любовью. Скоро они сами стали его искать и просить отъ него и духовнаго утѣшенія, а чаще матеріальной помощи. Никому не отказывалъ добрый батюшка. Жители Кронштадта нерѣдко видѣли своего пастыря, возвращающагося домой босымъ. А женѣ его иногда не на что было послать на рынокъ за провизіей. Многие и злоупотребляли его добротой, но – можно-ли уберечься отъ этого?

Вмѣстѣ съ любовью пасомыхъ и извѣстностью, какъ среди пшеницы – плевелы, выросли и козни противъ молодого пастыря. Неудовольствіе противъ него возникло прежде всего со стороны сослуживцевъ изъ-за небрежнаго, яко бы, исполненія имъ приходскихъ обязанностей. Извѣстно недоброжелательное отношеніе къ о. Иоанну и бывшаго кронштадтскаго полиціймейстера Г. На дняхъ въ печати оглашень поучительный и знаменательный фактъ. По интригамъ враговъ о. Иоанна, на него возвели обвиненія въ разныхъ нарушеніяхъ церковнаго устава и другихъ, яко-бы, злоупотребленіяхъ. Петербургскій митрополитъ Исидоръ, получивъ этотъ доносъ, хотѣлъ его прочесть; но, къ своему великому изумленію, увидѣлъ предъ собою бѣлый листъ бумаги. Митрополитъ, думая, что со стороны подавшихъ доносъ произошла ошибка и даже, можетъ быть, шутка, – обратился къ нимъ съ упрекомъ. Но тѣ, въ свою очередь, тоже весьма изумленные, увѣряли митрополита, что они подали ему написанный именно на этомъ листѣ доносъ. Такъ какъ и послѣ

этого на листѣ бумаги ничего писаннаго не было видно, рѣшили вызвать самого о. Иоанна. Послѣдній, явившись, предложилъ обратиться съ молитвой ко Господу, чтобы Онъ Самъ указалъ, что означаетъ это удивительное явленіе. И что же? Послѣ молитвы о. Иоанна митрополитъ беретъ поданный ему бѣлый листъ и ясно читаетъ написанныя на немъ различныя обвиненія на о. Иоанна. Прочитавъ написанное, митрополитъ Исидоръ тотчасъ же разорвалъ бумагу и замѣтилъ подавшимъ, что онъ видитъ во всемъ происшедшемъ дивное указаніе Самого Господа, что ихъ обвиненія лживы и они незаслуженно порочатъ свѣтлое имя о. Иоанна. («Рус. Знамя», 1909 г. № 16, отъ 21 янв.).

Извѣстность о. Иоанна, однако, продолжала расти. Особенно широко распространило по всей Россіи молву о немъ появившееся въ газетѣ «Нов. Время» 20 дек. 1883 г. знаменитое «благодарственное заявленіе». Въ этомъ заявленіи десятки подписавшихъ его лицъ объявляли, что они «считають своимъ нравственнымъ долгомъ засвидѣтельствовать свою искреннюю, душевную благодарность протоіерею Андреевскаго собора, что въ городѣ Кронштадтѣ, отцу Иоанну Ильичу Сергіеву, за оказанное имъ исцѣленіе отъ многообразныхъ и тяжкихъ болѣзней, которыми они страдали и отъ которыхъ ранѣе не могла ихъ исцѣлить медицинская помощь... Святыми и благотворными молитвами сего, такъ много заслужившаго предъ Верховнымъ Зиждителемъ всѣхъ благъ, подвижника, всѣ они не только получили полное избавленіе отъ угнетавшихъ недуговъ тѣлесныхъ, но нѣкоторые чудесно исцѣлились и отъ немощей нравственныхъ, безповоротно увлекавшихъ ихъ на путь порока и гибели».

Съ этихъ поръ со всѣхъ концовъ Россіи въ Кронштадтъ полетѣли телеграммы и письма; пастыря-молитвенника стали звать для молитвы чуть не еженедѣльно въ С.-Петербургъ и другіе города. Съ этихъ поръ, не оставляя прихода и законоучительства въ Кронштадтской мужской гимназіи, онъ начинаеть нести безпримѣрно всероссійскую службу.

Что же влекло къ о. Иоанну сердце народное, что сдѣлало его, по выраженію нашего талантливаго публициста М.О. Меньшикова, «психологическимъ центромъ русской народной жизни?».

Безспорно, – его молитва. Давно замѣчено, что русскій православный человекъ ничто такъ не цѣнитъ въ пастырѣ, какъ его молитвенную настроенность. Послушаемъ захватывающіе рассказы очевидцевъ богослуженія о. Иоанна, и мы поймемъ «святая святыхъ» его души и вмѣстѣ съ тѣмъ найдемъ отгадку всенароднаго къ нему влеченія.

Молится о. Иоаннъ порывисто, страстно-вдохновенно, пишетъ епископъ Евдокимъ. За утреней канонъ на клиросѣ читаетъ о. Иоаннъ всегда самъ. Нельзя не обратить вниманія на это чтеніе. «Умиленіе, восторженность, твердость, надежда, упованіе, радость, печаль, глубокое благоговѣніе – все слышалось въ этомъ дивномъ чтеніи».

Читаетъ о. Иоаннъ, какъ бы бесѣдуетъ, разговариваетъ съ Спасителемъ, Божіей Матерію и святыми, какъ бы они вотъ здѣсь предъ нимъ находились, а не тамъ гдѣ-то въ незримой для насъ выси, въ надзвѣздныхъ, заоблачныхъ мірахъ («Два дня въ Кронштадтѣ»). Онъ не читаетъ, а возглашаетъ именно возглашаетъ: «потому что чтеніе и молитвы о. Иоанна очень мало имѣли общаго съ обычнымъ чтеніемъ большинства священниковъ... Громко, рѣзко и нервно, какъ бы отрывая каждое слово отъ своего сердца, произноситъ онъ святую молитву, и отъ этихъ звуковъ, наполняющихъ сдержанную тишину многолюднаго храма, вѣтъ дѣйствительно чѣмъ то святымъ и высшимъ».

Всѣмъ и каждымъ властно чувствуется, что тутъ не простое чтеніе предъ чтимой иконою, а именно живая бесѣда съ Существомъ видимымъ и суцимъ.

Ни одно слово не читается безъ смысла и толка. Болѣе важныя по содержанію слова о. Иоаннъ произносить, обратасъ даже къ народу, чтобы люди могли глубже постигнуть читаемое. Самъ онъ всецѣло сосредоточень на читаемомъ.

Ничто не отвлекаетъ его мысли въ это время въ сторону. Онъ какъ бы переживаетъ все, что читаетъ. Переживаетъ побѣды надъ грѣхомъ и зломъ, совершенныя святыми людьми, переживаетъ человѣческія немощи и паденія, переживаетъ времена благоволенія и милости Бога къ людямъ падшимъ и заблудшимъ. Многое изъ

читаемаго, повидимому, – это какъ то и чувствуется, – относить непосредственно къ самому себѣ. О томъ, что совершается въ это время въ его душѣ, можно судить даже и по его наружности. Душа о. Иоанна настолько проникается мыслями, какія содержатся въ читаемыхъ имъ священныхъ пѣснопѣнїяхъ, что онъ не можетъ удержаться отъ самыхъ разнообразныхъ жестовъ. Во время чтенїя онъ постоянно какъ бы волнуется и какъ бы беспокоенъ. То какъ бы блаженная улыбка засїяетъ на лицѣ его, когда онъ читаетъ о немощи, грѣхѣхъ и паденїяхъ человѣческихъ; то слышишь какъ бы праведный гнѣвъ, когда встрѣчаются въ канонѣ слова «сатана», «дїаволь»; то умиленіе, глубокой восторгъ, когда онъ читаетъ о великихъ подвигахъ, побѣдахъ надъ грѣхомъ, какіе совершили св. мученики, подвижники.

По шестой пѣсни и ектенїи, о. Иоаннъ восклицаетъ: «кондакъ» и читаетъ его громко, какъ побѣдную пѣсню христіанъ надъ побѣжденнымъ исконнымъ нашимъ врагомъ. Кончивъ чтенїе канона, быстро входитъ въ алтарь и падаетъ въ глубокой молитвѣ предъ престоломъ.

Утренняя окончилась. Стали звонить къ литургїи.

О. Иоаннъ подходитъ къ жертвеннику.

Онъ полонъ торжественной радости. Уже въ это время его охватываетъ какой-то ликующій пророческій экстазъ.

Онъ вынимаетъ Агнецъ. Посмотрите, съ какой любовной внимательностью онъ равняетъ Его, обрѣзаетъ со всѣхъ сторонъ и благоговѣнно ставитъ на дискось. Потомъ о. Иоаннъ начинаетъ вынимать частицы.

Служащіе съ о. Иоанномъ во время проскомидїи большей частью невнимательны. О. Иоаннъ иногда своимъ молитвеннымъ возбужденїемъ умѣетъ и ихъ собрать около св. жертвенника.

«Смотрите, смотрите», неожиданно восклицаетъ онъ среди проскомидїи, «о. Николай, смотрите, о. Павель, – гдѣ есть чтонибудь такое, какъ у насъ... Смотрите. Вотъ Онъ, Христосъ! Здѣсь Онъ, здѣсь среди насъ и мы около Него, кругомъ Его, какъ апостолы».

Становится благоговѣнно страшно отъ вдохновеннаго возгласа. Чувствуется, какъ ангелы рѣютъ крылами. Священники собираются около о. Іоанна и уже не отходятъ отъ него до конца проскомидіи.

Помяни, Господи, рабовъ Твоихъ, читаетъ о. Іоаннъ, и называетъ имена живыхъ и умершихъ, часто полнымъ именемъ, съ отчествомъ.

Но вотъ кончилась и проскомидія. Въ митрѣ, съ сіяющимъ крестомъ на груди, съ свѣтлымъ отъ внутренняго молитвеннаго возбужденія лицомъ – о. Іоаннъ встаетъ во главѣ собора священнослужителей. «Помолитесь, братія сослужители, да дастъ Господь намъ богоугоднѣ совершить міроспасительную литургію», начинаетъ о. Іоаннъ.

Литургія началась; о. Іоаннъ еще болѣе преобразается. Отверсты царскія врата. Произнесенъ первый возгласъ. О. Іоаннъ неожиданно, порывисто беретъ на престольный крестъ и съ любовью цѣлуетъ его, обнимаетъ его руками, восторженно смотреть, уста его шепчутъ слова молитвы. Потомъ онъ раза три-четыре подъ рядъ лобызаетъ его, прикладываетъ его къ своему челу... Уста снова что-то шепчутъ.

Возгласы о. Іоаннъ произноситъ такъ же, какъ читаетъ канонъ на утрени. Въ голосѣ слышится и твердая вѣра, и надежда, и умиленіе. Взоръ обращенъ на горнее мѣсто. Иногда онъ произноситъ возгласъ, закрывши глаза и углубившись въ себя. Какъ сосредоточенъ, самособранъ во время богослуженія о. Іоаннъ, трудно даже и передать. Все время онъ погруженъ въ такія глубины души, что какъ будто онъ ничего не видитъ, ничего не слышитъ, что кругомъ его совершается. Онъ въ своемъ особомъ мірѣ. Онъ въ это время одинъ и не похожъ на другого. Служебника о. Іоаннъ почти не раскрываетъ, такъ какъ всѣ молитвы знаетъ на память. Читаетъ часто въ полголоса.

Первая часть литургіи у о. Іоанна – преимущественно, такъ сказать, часть молебная. Онъ въ это время больше всего сознаетъ себя, какъ молитвенника «за люди». Онъ постоянно помнитъ, что всѣ эти люди, эти плѣнные во власть грѣха и суеты – эти больные и

тѣлесно и духовно – ждуть его предстательства, надѣются, молятъ, чрезъ него ждуть великія и богатія милости.

О. Іоаннъ весь охваченъ сознаниємъ огромной отвѣтственности предъ этими немощными, ввѣрившими ему себя, благо своей души и тѣла, и точно спѣшитъ молиться за нихъ; молится порывисто, настойчиво, не просить, а требуетъ отъ Бога исполненія просьбъ этихъ несчастныхъ, съ властностью священника, поставленнаго Христомъ; онъ хватается за край ризы Господней, требуя милости душамъ, ввѣреннымъ ему отъ Господа.

Молитва необычайная, непобѣдимая, захватывающая!

Съ великаго входа начинается второй моментъ литургіи. О. Іоаннъ беретъ святую Чашу и относитъ ее, прибавляя отъ себя: «И изведоша Его вонь изъ винограда и ту убиша Его». Этой глубокой по мысли вставкой о. Іоаннъ вводитъ себя, какъ онъ говоритъ, «въ священныя воспоминанія послѣднихъ дней Христа Господа».

Всю вторую часть до пресуществленія Даровъ онъ отдается переживанію святыхъ картинъ Евангельскаго прошлаго. Съ этого времени, главнымъ образомъ, послѣ «Вѣрую», онъ въ Геосиманіи, въ Сіонской горницѣ, около Голгофы. Въ этой части литургіи о. Іоаннъ очень много вставляетъ отъ себя, иногда тайно, иногда вслухъ.

Всѣ эти моленія собраны имъ самимъ въ его книгѣ: «Моя жизнь въ Христѣ».

По поставленіи св. Даровъ на престоль, о. Іоаннъ читаетъ обычную молитву, прибавляя къ церковнымъ словамъ о ниспосланіи благодати на людей слѣдующія глубокосодержательныя слова: на всѣхъ разсадницѣхъ юношескихъ и отроческихъ, духовныхъ и мірскихъ, мужескихъ и женскихъ, градскихъ и сельскихъ, и на всемъ неучащемся юношествѣ; на всѣхъ разсадницѣхъ духовныхъ, монашескихъ – мужскихъ и женскихъ, – на нищихъ людяхъ Твоихъ, вдовицахъ, сирыхъ и убогихъ, – на пострадавшихъ отъ запаленія огненнаго, наводненія, бури и труса, – отъ недорода хлѣба и глада, – на всѣхъ заповѣдавшихъ мнѣ недостойному молиться о нихъ и на всѣхъ людяхъ Твоихъ.

Лобызая послѣ возгласа «возлюбимъ другъ друга» сослужащихъ священнослужителей въ оба плеча, о. Иоаннъ говорилъ:

– Христось посреди насъ живой и дѣйствующй.

Эти слова производять огромное впечатлѣніе.

„Я, говорить одинъ свидѣтель, стоялъ пораженный этими словами, и невольно думалъ. Да, вотъ среди насъ, а не тамъ, гдѣ то вдали, находится Христось Спаситель, находится не мертвый, не какъ отвлеченная какая доктрина, не какъ только историческая извѣстная личность, а живой, «живой и дѣйствующй». Онъ среди насъ. И даже «дѣйствующй». Жутко становилось, трепетомъ великимъ наполнилась невольно душа. Я готовъ былъ упасть предъ престоломъ».

«Я унесъ съ собой, читаемъ въ другомъ дневникѣ, навсегда впечатлѣніе этихъ словъ, какъ какое то сокровище, и, думаю, многихъ заставило всколыхнуться святымъ чувствомъ это «Христось посреде».

По прочтеніи символа вѣры, о. Иоаннъ прибавляетъ слѣдующую молитву: «Утверди въ вѣрѣ сей и вѣрою сею сердце мое и сердца всѣхъ православныхъ христіанъ; сея вѣры и сего чаянія жити достойно вразуми; соедини въ вѣрѣ сей вся великія христіанскія общества, бѣдственно отпавшія отъ единства св. православныя каѳолическія и апостольскія Церкви, яже есть тѣло Твое и ея же Глава еси Ты и Спаситель тѣла, – низложи гордыню и противленіе учителей ихъ и послѣдующихъ имъ, даруй имъ сердцемъ уразумѣть истину и спасительность Церкви Твоя и нелѣпно ей соединитися: совокупи Твоей святѣй Церкви и недугующихъ невѣжествомъ, заблужденіемъ и упорствомъ раскола, сломивъ силою благодати Духа Твоего упорство ихъ и противленіе истинѣ Твоей, да не погибнуть люте въ своемъ противленіи, якоже Корей, Даѳанъ и Авиронъ, противившіеся Моисею и Аарону, рабамъ Твоимъ. Къ сей вѣрѣ привлецы вся языки, населяющіе землю, да единымъ сердцемъ и едиными усты вси языцы прославляютъ Тебя единого всѣхъ Бога и благодѣтеля; въ сей вѣрѣ и насъ всѣхъ соедини духомъ кротости, смиренія, незлобія, простоты,

безстрастія, терпѣнія и долготерпѣнія, милосердія, соболѣзнованія и сорадованія».

Но вотъ приближаются священнѣйшія минуты литургій, и о. Іоаннъ снова новый!

«Горѣ имѣимъ сердца», – восклицаетъ о. Іоаннъ и затѣмъ прибавляетъ отъ себя: Самъ, Господи, вознеси долу приклоншіяся сердца наши!

«Благодаримъ Господа», – снова восклицаетъ о. Іоаннъ. Первые два слова молитвы: «Достойно и праведно поклонитися» произноситъ громко, а послѣднія тише, смолкая совершенно подъ конецъ. При тайномъ чтеніи молитвы послѣ словъ: «Ты отъ небытія въ бытіе насъ привелъ еси», добавляетъ для усиленія благодарнаго чувства: въ разумное бытіе и по душѣ безсмертное, т.е. привелъ еси; послѣ словъ «падшихъ насъ возставилъ еси «паки» – прибавляетъ: и стократно на кійждо день возставляеши согрѣшающихъ и кающихся. Послѣ словъ: «дондеже насъ на небо возвелъ еси и царство даровалъ еси будущее» прибавляетъ: Ты и въ самомъ причащеніи нашемъ животворящихъ Твоихъ Таинъ уже возводишь насъ на небо: ибо гдѣ Ты, тамъ небо и небо небесе, и даровавъ Себя Самого вѣрнымъ, Ты вмѣстѣ съ Собою уже даруеши и Царство Небесное – Царство будущее въ залогъ пречистаго Тѣла и Крови Твоей. При чтеніи молитвы «Съ сими блаженными силами», при словахъ: «Самъ Себе предаеше за мірскій животъ», «батюшка» прибавляетъ отъ себя для усугубленія чувствъ благодарности и умиленія слова: «паче же всѣхъ за меня грѣшнаго, да избавлюсь смертоноснаго грѣха и да живу во вѣки».

О. Іоаннъ отдается воспоминаніямъ. Онъ видитъ Христа Бога въ Сіонской горницѣ, кругомъ Его апостолы. Любимый Іоаннъ на персяхъ Его. Онъ свѣтлый и скорбный дѣлитъ хлѣбъ, поднимаетъ чашу. О. Іоаннъ спѣшитъ; его голось спѣшитъ радостно возгласитъ народу слова обѣтованія. «Здѣсь нужно кричать, говорить онъ, всѣмъ вслухъ громко, развѣ можно прятать такія слова?».

И онъ обертывается къ народу и говоритъ громко «Пріимите, ядите сіе есть Тѣло Мое, пійте отъ нея вси», – съ глубокою вѣрою восклицаетъ о. Іоаннъ. Произнося эти слова, онъ не разъ

прикасается перстомъ къ чашѣ, какъ бы даже съ силой ударяетъ по ней. Снова подчеркнуты слова: «за вы и за многія изливаемая». По собственнымъ словамъ о. Иоанна, священный трепеть пробѣгаетъ по всѣмъ членамъ, по всему существу, когда сердечнымъ ухомъ слушаешь эти слова. И этотъ трепеть отражается въ его голосѣ, въ силѣ, съ какой онъ произноситъ это «за вы». Такъ и слышится въ эти минуты въ голосѣ батюшки: за васъ пролита кровь, за васъ, за тѣхъ самыхъ, что вотъ стоите здѣсь въ данную минуту, а не за тѣхъ только, что стояли у креста. Она пролита не за отвлеченное какое то человѣчество, а за живыхъ людей, за каждого бѣдняка, убогаго, богатаго, знатнаго, мужчину и женщину. Твоя грудь едва прикрыта рубищемъ, и за тебя пролита кровь. Ты забылъ и отвергъ Бога, и за тебя пролита эта святѣйшая кровь. За ваши грѣхи, стоящіе здѣсь, страдалъ Христосъ!» (Два дня въ Кронштадтѣ).

– А вы, что вы платите ему?

Предъ произнесеніемъ словъ установленія, о. Иоаннъ для возвышенія чувства благодарности и изумленія произноситъ слова церковной пѣсни: «О божественнаго, о любезнаго и сладчайшаго Твоего гласа!». А что чувствуетъ онъ въ эти минуты? «Здѣсь бездна любви, – говоритъ онъ, – любви Божества къ роду человѣческому. Есть о чемъ подумать каждому безпристрастно углубляющемуся въ судьбы Божіи касательно рода человѣческаго».

«Твоя отъ Твоихъ», – возглашаетъ о. Иоаннъ, дѣлая особенное удареніе на словѣ «и за вся», произнося его болѣе протяжно, чѣмъ другія. Чувствуетъ его душа, какъ люди, собравшіеся во множествѣ въ этомъ храмѣ, нуждаются въ небесной помощи, и онъ горячо молится за всѣхъ.

Вотъ онъ держитъ въ рукахъ святой дискосъ и, касаясь губами его краевъ, молится.

Ощущается вѣяніе Духа Святаго, чувствуется, что о. Иоаннъ слышитъ приближеніе благодати и ждетъ ея и зоветъ.

Это третій самый великій моментъ литургіи: о. Иоаннъ мыслимо видитъ Господа на Голгоѣѣ, но въ славѣ воскресшаго побѣдителя. Онъ умираетъ за насъ, за наше воскресеніе и оружіе проходитъ въ душу; зарождаетъ скорбь за грѣхи человѣчества, которые возвели

на крестъ Господа, и радость о жертвѣ Его. Пастырь въ эти минуты самъ восходить на Голгоѳу за Господомъ и скорбь переходитъ въ радость воскресенія. Борьба слезъ и радостнаго восторга, постепенная побѣда торжественной радости надъ скорбью это есть то самое великое и страшное, что дѣлаетъ службу о. Иоанна необычайной.

О. Иоаннъ начинаетъ молитву пресуществленія: «Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа въ третій часъ апостоламъ ниспославый, Того, Благий, не отыми отъ насъ».

Въ первый разъ онъ произноситъ эти слова торжественно и побѣдно, но болѣе или менѣе спокойно.

Это еще только глубоковѣрующій священникъ.

Второй разъ голосъ приподнимается, дрожить. Въ немъ усиливается отгѣнокъ властности и радости. Мы слышимъ, что онъ уже знаетъ все, увѣренъ въ томъ, что сейчасъ совершится чудо, слышитъ приближающійся свѣтъ невечерній и съ радостью всматривается впередъ, готовый сказать – «осанна», грядетъ Господь, встрѣчайте.

Третій разъ читаетъ о. Иоаннъ: «Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа...». Его глаза, широко открытые, видятъ, кажется, Самого Господа, идущаго заклатися и датися въ снѣдь вѣрнымъ. Онъ не видитъ Христа и ангеловъ въ зрительныхъ образахъ (по крайней мѣрѣ, мы не знаемъ этого), но онъ чувствуетъ присутствіе Христа всѣмъ существомъ осязательнѣе, яснѣе, чѣмъ можно видѣть глазами. «Здѣсь Онъ, здѣсь», кажется, шепчуть его губы. И это «здѣсь» ясно читается въ его глазахъ.

Всѣ присутствующіе охватываются благоговѣйнымъ трепетомъ.

Взгляните кругомъ: священники сослужащіе блѣдные, взволнованные; они были свидѣтелями чуда...

Вотъ приобщается о. Иоаннъ Тѣла и Крови Христовыхъ. Лицо его измѣнилось. Нѣтъ болѣе на немъ и слѣда той утомленности и какой то скорби или грусти, какія можно было видѣть, когда онъ только что входилъ сегодня утромъ въ храмъ. Необыкновенная духовная

радость, необыкновенный миръ и небесный покой, необыкновенная сила и мощь отобразались теперь въ каждой чертѣ его лица. Его лицо какъ бы свѣтилось, какъ бы издавало какое сіяніе. О. Іоаннъ готовъ былъ снова трудиться безъ всякой усталости съ утра до самой поздней ночи, онъ запасся теперь силами на все предстоящее ему дневные труды и заботы. Лица, близко стоявшія къ нему, говорили, что такая перемена бываетъ съ нимъ каждый разъ, когда онъ приступаетъ къ св. Тайнамъ. Самъ онъ говорилъ, что онъ только въ св. Тайнахъ почерпаетъ силы для несенія труда, который несомнѣнно превышаетъ всякія человѣческія силы. И этимъ же ежедневнымъ причастіемъ онъ объяснялъ любовь къ нему народа.

Служба идетъ довольно быстро, если нѣтъ общей исповѣди. Если она есть, то служба затягивается.

О. Іоаннъ вышелъ изъ алтаря на амвонъ въ смиренномъ видѣ безъ митры и началъ говорить поученіе предъ исповѣдью. Онъ началъ его безъ обычныхъ нашихъ словъ – «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа».

– Грѣшники и грѣшницы, подобные мнѣ! Вы пришли въ храмъ сей, чтобы принести Господу Иисусу Христу, Спасителю нашему, покаяніе въ грѣхахъ и потомъ приступить къ св. Тайнамъ, такъ началъ свое поученіе о. Іоаннъ. Приготовились ли къ воспріятію столь великаго таинства?

И слово потекло свободно волной изъ любящаго сердца. Чѣмъ далѣе, тѣмъ больше слушатели поддаются воздѣйствию таинственнаго слова.

«Невольно обратили на себя мое вниманіе, пишетъ одна женщина, два господина, стоявшіе за рѣшеткой предо мной: одинъ сѣдой, другой молодой, оба изыскано и щегольски одѣтые; сначала старый о. Іоанна слушалъ съ снисходительнымъ видомъ, а молодой просто съ улыбкой, но по мѣрѣ продолженія о. Іоанномъ рѣчи, выраженіе лицъ ихъ дѣлалось серьезнымъ и сосредоточеннымъ: кончилось тѣмъ, что оба они не встали, а прямо упали на колѣни и навзрыдъ заплакали, закрывши лицо руками...

А онъ, вдохновитель и руководитель этого сердечнаго порыва, поднявшаго мгновенно тысячи душъ на подвиги искренняго покаянія, что дѣлалъ онъ въ это время?...

Онъ стоялъ на амвонѣ передъ образомъ Спасителя и пламенно, горячо молился, испрашивая у Господа милосерднаго прощенія всей массѣ громко кающагося и рыдающаго народа. Онъ смотрѣлъ на насъ своимъ глубокимъ взоромъ и вдругъ... крупныя слезы градомъ покатались по лицу о. Иоанна...

Онъ плакалъ о насъ!... Онъ своими чистыми слезами омывалъ скверну грѣховъ нашихъ!.. Гдѣ же еще есть лучшее доказательство святой, Евангельской любви къ ближнему?... Это ли не любовь глубокая всеобъемлющая, скорбящая, страдающая и чисто сердечными слезами омывающая грѣхи ближнаго своего?...

Да, о. Иоаннъ плакалъ, соединяя свои слезы съ нашими слезами, и, какъ истинно-добрый пастырь стала Христова, скорбѣлъ душею за овцы своя!..

И въ этотъ то моментъ волненіе рыдающаго народа достигло высшей степени!

Громадный соборъ наполнился стонами, криками и рыданіями; казалось, весь храмъ дрожалъ отъ потрясающихъ воплей народа!...

Потрясающая картина! Величественное и вмѣстѣ съ тѣмъ умилительное зрѣлище, ясно доказывающее, какъ сильна вѣра въ Бога и какъ великъ духъ русскаго народа, воздвигнутаго на добрый подвигъ покаянія вдохновенными наставленіями мудраго пастыря!..

Но вотъ среди воплей раздался голосъ о. Иоанна, просящаго народъ утихнуть.

Послушные его голосу, мы умолкли и съ радостною надеждою смотрѣли на лицо его.

«Покаялись ли вы? Желаете ли исправиться?» громко спросилъ онъ трепещущую толпу.

«Покаялись, батюшка! Желаемъ исправиться! Помолись за насъ!»
единодушно, искренно грянула толпа въ отвѣтъ и смиренно
наклонила головы, ожидая прощенья и разрѣшенья отъ грѣховъ,
черезъ своего духовнаго отца, имѣющаго власть отъ Господа вязать
и рѣшать грѣхи людскіе.

Вслѣдъ за тѣмъ о. Іоаннъ наложилъ на смиренно наклоненную
толпу эпитрахиль и свою властную, освященную руку въ знакъ
того, что раскаявшіеся грѣшники благодатію Божіею прощены и
разрѣшены отъ своихъ грѣховъ.

Радостный, освобожденный отъ тяжкаго бремени народъ вздохнулъ
свободно и со слезами радости смотрѣлъ на сіяющаго духовнымъ
торжествомъ добраго пастыря, сумѣвшаго всколыхнуть
спасительнымъ стыдомъ души кающихся и омыть своими слезами
загрязненныя души.

Затѣмъ послѣдоваль выносъ Пречистыхъ Животворящихъ Таинъ
Христовыхъ и послѣ громогласнаго прочтенія всѣми молитвы
«Вѣрую, Господи, и исповѣдую» началось благоговѣйное
причащеніе Тѣла и Крови Христовыхъ, благодатью входящихъ въ
очищенныя и примиренныя съ Богомъ души людскія. Болѣе двухъ
часовъ длилось причащеніе многочисленнаго народа и, наконецъ,
было окончено».

О. Іоаннъ – дома. Ему подаютъ почту, которую ему доставляютъ
нерѣдко цѣлыми корзинами. Какъ разнообразно и трогательно
содержаніе этой огромной корреспонденціи изъ всѣхъ концовъ
Россіи, изъ Франціи, Швеціи, Англіи, Америки!

«Два года болень горломъ, пища не проходитъ, питаюсь молокомъ
и водой, доктора отказались пользоваться, совѣтуютъ операцію.
Благословите, прошу отслужить молебень, ибо имѣю семь
человѣкъ дѣтей».

«Добрый батюшка, о. Іоаннъ! Прошу у васъ благословенія на
законный бракъ. Съ Екатериной или Прасковьею? Жду отвѣта».

– «Отецъ Иванъ, я прошу чуда ради неба, пишетъ французенка,
помолитесь о выздоровленіи матери». – «Весь нашъ народъ вѣрять
вамъ», пишетъ нѣмецъ и проситъ объ исцѣленіи своего мальчика».

«Помолитесь за меня», кратко молится кто то изъ Новой Зеландіи, не называя даже своего имени. Трогательно письмо девятилѣтняго мальчика изъ Швеціи: «Я черезъ газеты слышалъ, что вы умѣте лечить больныхъ молитвою, а потому прошу Васъ помочь моей мамѣ, потому что она заболѣла. Намъ оченьъ скучно однимъ дома, маму увезли въ госпиталь, у нея помѣшательство».

Просятъ помолитися о полученіи мѣста, объ умноженіи вѣры и объ искорененіи пороковъ, о прекращеніи вражды, о терпѣніи въ скорбяхъ и т.д. Нѣкоторые присылали о. Іоанну свои фотографическія карточки, обрѣзки волосъ, прося благословить ихъ, иные просили прислать имъ освященной воды, икону, или какой либо предметъ въ знакъ благословенія.

Помимо писемъ, во всѣхъ концахъ Россіи жаждутъ его личнаго общенія и молитвы. Не говоримъ о множествѣ пріѣзжавшихъ къ нему въ Кронштадтъ. Его зовутъ недугующіе душевно и тѣлесно и въ Петербургъ, и въ Москву, и въ Кіевъ, Харьковъ, Саратовъ, Ростовъ, Черниговъ, Вильну, Воронежъ, на Волгу и въ многіе другіе города. И вездѣ – одно и то-же! Вездѣ его пріѣздъ приводитъ въ движеніе весь городъ и заставляетъ переживать минуты высокаго духовнаго подъема. По цѣлымъ часамъ, часто по цѣлымъ ночамъ, благоговѣнно, какъ въ церкви, стоятъ люди всякаго званія, всякаго образованія и всѣхъ возрастовъ въ ожиданіи увидѣть его, услышать его голосъ, получить благословеніе. Всѣхъ приводитъ къ о. Іоанну одно и то же и несомнѣнно хорошее чувство. Оно заставляетъ людей, пріѣхавшихъ въ каретахъ, выйти изъ экипажа и стать рядомъ съ обыкновеннымъ сѣрымъ человѣкомъ; оно объединяетъ господъ и прислугу; оно побуждаетъ истерическихъ и капризныхъ женщинъ оставить свои капризы и притворство; оно поднимаетъ падшую женщину изъ грязи и дѣлаетъ ее человѣкомъ. Въ присутствіи о. Іоанна у самаго дурнаго, самаго одичалаго человѣка пробуждается совѣсть, а у всѣхъ неиспорченныхъ людей освѣжаются и оживляются лучшія, идеальныя стороны ихъ характера.

Вотъ о. Іоаннъ – у насъ въ Кіевѣ, въ апрѣлѣ 1893 г., на Аскольдовой могилѣ. Войдя въ церковь въ сопровожденіи кладбищенскаго іеромонаха, онъ нѣсколько минутъ пламенно молился. Его

настроеніе отразилось на окружающихъ. И вотъ, среди царившей общей тишины, къ о. Іоанну обратилась старуха-крестьянка и твердо громкимъ голосомъ сказала: «батюшка, о. Іоаннъ! благослови меня, грѣшницу, блудницу, воровку; благослови меня въ далекій путь-дороженьку, на тотъ свѣтъ». О. Іоаннъ благословилъ старуху. Вся сцена произвела большое впечатлѣніе на окружающихъ и своей неожиданностью, и тою искренностью, съ которою старуха, по своему, исполнила нравственный долгъ гласнаго признанія порочныхъ тайнъ своей жизни.

На другой день о. Іоаннъ посѣтилъ Левашовскій пансіонъ. Тутъ случилось событіе, которое произвело особенное впечатлѣніе на окружающихъ. Между присутствовавшими на молебнѣ, въ числѣ многихъ, оказалась дама, пріѣхавшая нарочно изъ Харькова съ цѣлью увидѣть о. Іоанна и получить отъ него благословеніе. Обстоятельства ея жизни дѣлали для нея особенно необходимымъ нравственное утѣшеніе, которое такъ умѣетъ подать о. Іоаннъ. Дама случайно попала въ Левашовскій пансіонъ и находилась среди густой толпы. Благословляя всѣхъ, о. Іоаннъ внезапно, какъ бы по какому-то внутреннему чутью, съ особымъ пыломъ устремился сквозь густую толпу прямо къ этой дамѣ и съ горячимъ участіемъ отнесся къ ней, обласкалъ ее, обнялъ и отличилъ особеннымъ вниманіемъ, на какое способно его необыкновенное сердце. Дама эта, полная радости и счастья, рассказывала всѣмъ о случившемся, пораженная пронизательностію о. Іоанна, считая случившееся съ нею прамо чудомъ, такъ какъ она еще не имѣла случая обмѣняться съ о. Іоанномъ хотя бы однимъ словомъ.

О. Іоанна привели въ больницу пансіона. Въ числѣ больныхъ ему указали на одну дѣвочку, которая страдала тяжелымъ тифомъ, и у которой незадолго предъ этимъ вскрытъ былъ обширный гнойникъ позади уха. Едва о. Іоаннъ взглянулъ на больную, рассказываетъ очевидецъ, вся его фигура внезапно озарилась огнемъ чувства. Онъ быстро подошелъ къ больной, палъ къ кровати и, стоя на колѣняхъ, приникъ къ лицу страдальцы, осыпая ее искреннѣйшими ласками и поцѣлуями. Тутъ сказала вся богато одаренная душа о. Іоанна. Какъ самая любящая мать, ласкалъ и утѣшалъ онъ болящую.

– Милое дитя, тебѣ не больно... страдальца ты моя, – говорилъ онъ.

Воцарилось совершенное безмолвіе, и вся сцена произвела глубочайшее впечатлѣніе. Возможно было вспомнить сказанныя слова, но нѣтъ средствъ передать тонъ, оттѣнки голоса и всѣ переливы несравненной мелодіи чувствъ, которыя вылились изъ души любвеобильнаго пастыря. Тутъ все сказалось: и пыль беззавѣтнаго святого чувства, и безграничная любовь, и захватывающая душу жалость, и скорбь у постели больного, и, наконецъ, несравненная симпатія, со всѣми оттѣнками могучаго чувства.

Будучи въ высшей степени чуткимъ ко всѣмъ лучшимъ проявленіямъ человѣческой природы, о. Іоаннъ приходитъ въ умиленіе отъ возвышеннаго настроенія народныхъ массъ, обнаруживаемаго въ его присутствіи. «О, милые кіевляне и кіевлянки! О, добрые кіевляне!» говорилъ онъ при видѣ высокихъ чувствъ у тысячъ людей. «И здѣсь тоже, что по цѣлой Россіи, тотъ же духъ, то же благочестіе».

Часто онъ бывалъ глубоко тронутъ проявленіями сердечности и благоговѣнія.

«Добрый русскій народъ, его любовь такъ и брызжетъ... Есть-ли въ свѣтѣ народъ искреннѣе и добрѣе русскаго народа», говорилъ онъ.

Намъ не рассказать всѣхъ случаевъ благодѣтельнаго воздѣйствія его на людей, приходившихъ съ нимъ въ общеніе.

Маловѣрные силою его вѣры становились вѣрующими, озлобленные жизнью возрождались къ живой, трудовой жизни его любовью, пьяницы становились трезвыми, болящіе исцѣлялись, не находившіе цѣли въ жизни его вдохновеніемъ обрѣтали въ ней высокой смыслъ. Навѣки незабвеннымъ останется для русскихъ людей то утѣшеніе, какое доставилъ великій пастырь-молитвенникъ своимъ общеніемъ въ предсмертные часы почившему Царю-Миротворцу Александру III. Не забудетъ этого утѣшенія русскій народъ, какъ помнитъ его и Державный Сынъ Миротворца.

Наряду съ этимъ духовнымъ благотвореніемъ обильною рѣкою льются изъ рукъ о. Іоанна жертвы матеріальныя. Есть-ли въ Россіи болѣе или менѣе значительный городъ, гдѣ не сохраняется память о

той или иной жертвѣ пастыря милостивца! А сколько такихъ сель!... Не одни «посадскіе» въ Кронштадтѣ, – неисчислимое множество нуждающихся получало отъ него помощь, часто прямо въ полученныхъ о. Иоанномъ пакетахъ, заключавшихъ сотни и тысячи рублей. Сколько храмовъ (а въ числѣ ихъ и этотъ храмъ-домъ (Домъ религіозно-просвѣтительнаго Общества въ Кіевѣ, гдѣ произнесена была рѣчь) особенно въ Сибири, школь, пріютовъ, богадѣлень и другихъ религіозныхъ, просвѣтительныхъ обществъ и богоугодныхъ заведеній или создано, или поддержано его всегда нескудною жертвой! Въ одномъ Кронштадтѣ, въ вѣдѣніи Андреевскаго соборнаго попечительства, состоитъ цѣлый рядъ учреждений: женская мастерская, сапожная мастерская, пенькощипная, амбулаторная лѣчебница, бесплатное народное училище, классъ ручного труда, зоологическая коллекція при народномъ училищѣ, бесплатная дѣтская бібліотека, книжная лавка, народная читальня, убѣжище для призрѣнія сиротъ, народная столовая, ночлежный пріютъ и т.д., всего по отчету 1896 г. двадцать пять учреждений, помѣщающихся въ собственныхъ громаднхъ зданіяхъ (Въ другихъ мѣстахъ Россіи нельзя не отмѣтить четырехъ обителей, основанныхъ о. Иоанномъ: Иоанновской въ С. Петербургѣ, Сурской на родинѣ его, Воронцовской въ Псковской губ. и Вауловскаго скита около Рыбинска)

Такова эта великая жизнь: спать часа три-четыре въ сутки, совершать богослуженіе ежедневно въ теченіе шести-семи часовъ, ѣсть «неизвѣстно когда», какъ выражались близкіе къ нему, и каждый день нести свою душу въ жертву мольбамъ, болѣзнямъ и всякому людскому горю, и такъ – долгихъ 53 года! Если бы мы не знали сотенъ разсказовъ о чудесахъ о. Иоанна, не чудо-ли, братіе мои, одна эта чудная, вся слившаяся въ одинъ порывъ любви, неизреченная жизнь! Непреложную истину сказалъ о немъ одинъ глубокій его почитатель: «если-бы о Иоаннъ не былъ полонъ вѣры въ милосердіе Божіе, онъ истекъ бы кровью, такъ сильна въ немъ чуткость къ чужой боли!». Самъ о. Иоаннъ приписываетъ ежедневному причащенію ту крѣпость, которая поддерживала его въ изумительныхъ его трудахъ. «Меня подкрѣпляетъ Господь, съ Которымъ я ежедневно соединяюсь чрезъ св. причащеніе; иначе гдѣ бы я могъ почерпать силы для такихъ постоянныхъ,

усиленныхъ трудовъ, которыми стараюсь служить во славу святаго имени Его и во спасеніе ближнихъ моихъ!».

Помимо кипучей пастырской дѣятельности въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, о. Іоаннъ находитъ время для литературной дѣятельности. Отъ него остались сборники проповѣдей и главное его сочиненіе – дневники, собранные вмѣстѣ подъ заглавіемъ, – «Моя жизнь во Христѣ» въ пяти томахъ, а также изданные подъ разными названіями: «Богопознаніе и самопознаніе, приобрѣтаемая изъ опыта». Спб., 1902 г., «Христіанская философія», Спб. и др. Дневникъ о. Іоанна представляетъ явленіе исключительное въ нашей духовной литературѣ.

«О, это удивительный дневникъ – дневникъ о. Іоанна! восклицаетъ писатель И. Щегловъ, глубокой поклонникъ великаго пастыря. Только убѣждаю васъ, остерегитесь просматривать его съ тѣмъ неряшливымъ и празднымъ любопытствомъ, съ которымъ обыкновенно пробѣгаете вы газету, или послѣднюю книжку журнала; иначе, пожалуй, онъ можетъ вамъ показаться безпорядочнымъ наборомъ словъ, складомъ прописныхъ сентенцій и цвѣтистыхъ фразъ. Къ произведеніямъ духовно-тонкимъ, рожденнымъ изъ глубочайшихъ тайниковъ человѣческаго сердца, должно приступать съ душой открытой и настроеніемъ чуткимъ, дабы между авторомъ и читателемъ сразу образовался неуловимый сочувственный тонъ, безъ чего иногда самыя возвышенныя и пламенныя страницы обидно блекнутъ и опошливаются. Вдобавокъ, языкъ «Дневника» оригинальный и образцовый, исполненъ зачастую тѣхъ полутемныхъ намековъ, которые всякій вѣрующій схватываетъ съ жадностью на лету, и которые для невѣрующаго всегда останутся одними ненужными загадками».

«Что такое дневникъ о. Іоанна? Это нескончаемый рядъ отрывковъ, большихъ и малыхъ, часто всего въ нѣсколько строкъ, очевидно, записанныхъ наскоро и одновременно и отражающихъ, какъ въ зеркалѣ рѣки солнце, и тѣни души Іоанновой. Иногда это – цѣлая импровизированная молитва, иногда это священные громы негодованія на людскую нечисть; въ одномъ мѣстѣ вы нападаете на вдохновенный слѣдъ религіознаго экстаза, въ другомъ вы прямо слышите вопль измученнаго и скорбящаго сердца. Въ общемъ, это

бѣглыя, нервныя, мѣстами недоговоренныя или растянутыя строки, сверкающія тамъ и здѣсь, какъ драгоценными перлами, проникновенными мыслями, блестками поэзіи и духовными озареніями, производятъ на васъ впечатлѣніе огромное и неотразимое.

Эта запись благодатныхъ мыслей и чувствъ, рождавшихся въ немъ вслѣдствіе того благодатнаго озаренія души, котораго онъ, по его собственнымъ словамъ, удостоился *«отъ всепросвѣщающаго Духа Божія въ минуты глубокаго къ себѣ вниманія и самоиспытанія, особенно во время молитвы»*.

Строки дневника – огненные строки. Ихъ силѣ нельзя противиться, даже если не хотимъ отдаться ихъ обаянію. Это – книга необыкновенная. Оно, конечно, и не можетъ быть иначе, замѣчаетъ одинъ жизнеописатель о. Іоанна: тайна обаянія дана въ тайнѣ происхожденія.

Послѣдніе годы жизни о. Іоанна были омрачены тяжелою скорбію, которой не могло не испытывать его чуткое сердце при видѣ неудачной войны, а особенно небывалой смуты въ дорогой ему родинѣ. Всѣми силами души возсталъ онъ противъ революціи, этой носительницы безвѣрія, безнравственности и анархіи, и призывалъ власть къ рѣшительной борьбѣ съ нею. Выражаясь нынѣшнимъ политическимъ терминомъ, онъ и до революціи былъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ кто-либо другой, сознательнымъ монархистомъ.

«Всякій разъ, говоритъ онъ въ одномъ своемъ словѣ (Полный годичный кругъ поученій. Безплат, иллюстр, приложение къ журн. «Прав.-Русское Слово» за 1902 г. стр. 585), когда заходитъ рѣчь о державѣ царствующихъ особъ на нашей земной планетѣ, естественно приходитъ къ мысли о Единомъ Вседержителѣ, содержащемъ рукою всесильною въ постоянномъ, нерушимомъ, прекрасномъ чинѣ всѣ безчисленные міры, предъ которымъ наша земля одна – точка».

Въ словѣ на день священнаго мвропомазанія Государя Императора Николая Александровича о. Іоаннъ, между прочимъ, говоритъ: «Съ давнихъ временъ цари и императоры наши называются самодержавными и единодержавными, и въ ихъ самодержавіи и

единодержавіи, вмѣстѣ съ православіемъ, заключается мощь, ширь и слава Россіи... Единодержавіе и самодержавіе въ государствѣ есть самая естественная и Богомъ указанная и узаконенная форма правленія, всего болѣе способствующая благоденствію и успѣхамъ государства и благу подданныхъ, да и благу мира прочихъ государствъ» (Тамъ же стр. 518, 551).

А насколько о. Іоаннъ былъ привязанъ къ Царской Семьѣ, о томъ свидѣтельствуеъ его слово на день тезоименитства Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, которое онъ заканчиваетъ слѣдующимъ знаменательнымъ благопожеланіемъ: «Да дасть Господь Государынѣ нашей послѣ царства земнаго – царство небесное, вѣчное, непоколебимое, ему же не будетъ конца, да умножить Господь Ея природную красоту благодатною красотю всякой христіанской мудрости и добродѣтели, да приложить Ей дни на дни и лѣта на лѣта, да будутъ дни Ея, какъ дни неба, *и да даруетъ Ей Господь возделанный даръ – чадо мужеско, наследника престола!*» (Полный кругъ поученій, стр. 559. Слово произнесено о. Іоанномъ до 1902 г.; не были-ли послѣднія слова провидѣніемъ благодатнаго пастыря?). Понятно, что о. Іоанну глубоко были противны мятежные замыслы противъ царскаго самодержавія. Среди колебанія многихъ изъ духовенства, онъ открыто выражаетъ свое сочувствіе патриотическимъ обществамъ, участвуетъ въ освященіи знамени Союза Русскаго Народа въ С.-Петербургѣ, вступаетъ въ число почетныхъ членовъ Союза и благословляетъ борцовъ за православную вѣру, Самодержавнаго Царя и русскую народность. Отрицательно относился онъ и къ закону о вѣротерпимости. «Нашъ народъ, сказалъ онъ корреспонденту одного англійскаго журнала (*The Guardian* № отъ 23 окт. 1907 г. См. Церк. Вѣд. 1907 г. № 42, стр. 1819) въ 1907 г., весьма невѣжественъ и неспособенъ сдѣлать разумное избраніе религіи, поэтому, гораздо лучше бы не давать ему повода сбиваться съ истиннаго пути».

За это великій старецъ подвергся систематической травлѣ со стороны т. назыв. «прогрессивныхъ» круговъ интеллигентнаго общества. Не могли простить ему и рѣзкаго осужденія, съ какимъ относился о. Іоаннъ къ графу Л. Толстому, вождю и вдохновителю современнаго невѣрія и сектантства, и къ его послѣдователямъ.

«Наша интеллигенція, сказали онъ тому-же корреспонденту, ни къ чему не годна, это – безбожные анархисты, подобно Льву Толстому, котораго они обожаютъ, а я рѣшительно осуждаю. Они меня поэтому страшно ненавидятъ и готовы стереть съ лица земли, но я не обращаю на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Я имъ бѣльмо на глазу». И въ періодической печати, и на сценѣ (пьеса «Черные вороны») начинается втоптываніе въ грязь высокаго имени Кронштадтскаго свѣтильника, которое связываютъ съ темною сектой «іоаниитовъ». Появленіе этой секты крайне огорчало о. Іоанна, и великимъ утѣшеніемъ было для него недавнее осужденіе ея Святѣйшимъ Синодомъ.

Всѣ, знавшіе отца Іоанна, привыкли видѣть его не по лѣтамъ бодрымъ и живымъ, но года 2-3 назадъ онъ заболѣлъ и какъ то сразу постарѣлъ. Въ прошломъ (1907) году о. Іоаннъ уже готовился къ смерти и соборовался, но Богъ воздвигъ его отъ одра болѣзни. Болѣзнь не давала ему покоя болѣе, нежели на 15-20 минутъ. И только во время богослуженія, часа на два, природа давала ему ослабу: болѣзнь какъ-бы оставляла тѣло. Несмотря на настойчивыя требованія врачей, онъ отказался отъ скромной пищи въ рождественскій постъ. 5 дек. 1907 г. посѣтили болящаго пастыря митрополитъ Московскій Владиміръ, епископы – Саратовскій Гермогенъ, и Орловскій Серафимъ съ прот. І. Восторговымъ. На вопросы высокихъ посѣтителей о здоровьи о. Іоаннъ смиренно отвѣчалъ:

– «Благодарю Бога моего за ниспосланныя мнѣ страданія, для предочищенія моея грѣшной души; оживляетъ меня святое причастіе».

Послѣдній годъ онъ тяжело хворалъ, но служилъ литургію каждый день и каждый день приобщался. 14 мая 1908 г. отецъ Іоаннъ осчастливленъ былъ слѣдующей высокомиловитой телеграммой Государя: «благодарю васъ, батюшка Іоаннъ Ильичъ, за письмо. Молю Бога со всѣми истинно-православными русскими людьми – да укрѣпитъ Онъ ваши силы тѣлесныя для продолженія свѣтлаго и тяжкаго служенія вашего Церкви Христовой. Николай» (Церк. Вѣдом. 1908 г. № 21). Послѣ лѣта 1908 г., которое о. Іоаннъ провелъ для поправленія здоровья въ Вауловскомъ скиту, болѣзнь

усилилась. 6 декабря отец Иоанн еще служил литургию, но потом послѣ 10-го дек. слегъ въ постель. Однако борьба жизни съ смертью не была окончена. На послѣдней недѣлѣ тяжко болящій пастырѣ собрался съ силами и отслужилъ въ Кронштадтскомъ соборѣ литургию, которая была уже послѣднею. Дня за три до смерти онъ поѣхалъ подышать свѣжимъ воздухомъ и простудился.

Незадолго до смерти о. Иоанн нѣсколько разъ справлялся, многоли дней осталось до 20 дек. Въ ноябрѣ онъ заблаговременно разослалъ всѣмъ почтальонамъ, разсылнымъ и другимъ людямъ, исполнявшимъ его порученія, праздничныя на Рождество: «а то и вовсе не получаютъ». Находясь въ забытїи, 18 дек. онъ спросилъ игуменью Иоанновскаго монастыря мать Ангелину: «которое сегодня число?». Ему отвѣтили «18-е». «Ну, хорошо, значить, еще 2 дня», сказалъ о. Иоаннъ и опять потерялъ сознание.

19 декабря, подъ вечеръ, отцу Иоанну было очень тяжело. За ночь съ нимъ сдѣлалось хуже. Причащаясь каждый день, онъ причастился въ послѣдній разъ въ 4 часа утра. Послѣ этого ему какъ будто стало легче, и онъ пытался даже встать, но вскорѣ впалъ въ забытїе. Наканунѣ вечеромъ, ночью и утромъ священникъ читалъ у его одра молитвы, каноны и наконецъ отходную. Въ 7 часовъ 40 минутъ утра онъ тихо отошелъ къ Тому, къ Кому всю жизнь стремился. Кончина была мирная.

Когда лѣтъ 13-15 тому назадъ была совершена закладка новаго морского собора въ Кроштадтѣ, еще на ней о. Иоаннъ какъ бы предсказалъ свою кончину. Послѣ привѣтственнаго слова по поводу торжества закладки онъ сказалъ: «а когда стѣны новаго храма подведутъ подъ кровлю, то меня уже не станетъ». Такъ и случилось.

21 дек. въ Иоанновскомъ женскомъ монастырѣ, на Карповкѣ, состоялось освященіе храма-склепа, устроеннаго для погребенія о. Иоанна. А 23 дек. многочисленнымъ сонмомъ священнослужителей во главѣ съ митрополитомъ Антоніемъ совершено было отпѣваніе тѣла почившаго, перевезеннаго наканунѣ изъ Кронштадта, при громадномъ стеченіи народа.

Такова, въ краткихъ и блѣдныхъ чертахъ, жизнь великаго пастыря русскаго народа. Винюсь предъ благосклонными моими читателями: не въ силахъ я изобразить эту жизнь достойно ея величія. Но уповаю, что и изъ того малаго, что сказано, достаточно можетъ быть уяснена личность о. Иоанна: и въ малой каплѣ легко узнать отражающееся великое солнце.

Кто такой – «отець Иоаннъ Кронштадтскій?».

Это – подлинное воплощеніе русскаго благочестія, это – истинно *народный* пастырь. Въ дивной гармоніи и полнотѣ сочетались въ немъ исконныя черты нашего роднаго благочестія и стремленіе къ таинственному единенію со Христомъ черезъ святое причастіе, и молитвенный духъ каждаго слова богослужебныхъ пѣсней и обрядовъ, и смиреніе, искренность, простота, широкое отъ души благотвореніе. Оттого такимъ роднымъ и быть, и останется всегда отецъ Иоаннъ для русскаго народа.

Его завѣтъ всѣмъ намъ – жить во Христѣ, въ частности, интеллигентной части Россіи его завѣтъ: не забывать, что не все въ жизни исчерпывается естественной ея стороною, есть и сверхъестественная, благодатная. Относительно путей къ усовершенствованію нашей общественной жизни – его завѣтъ: христіанская любовь, осуществляемая въ приходѣ, около храма Божія, въ жизни государственной – охрана православной вѣры и Церкви и преданность историческому началу самодержавія.

И Царь, и долгъ признательной любви призываютъ насъ почтить свѣтлую память великаго народнаго пастыря. Почтимъ же великаго молитвенника прежде всего молитвою объ упокоеніи его души, а затѣмъ – почтимъ выполненіемъ въ своей жизни оставленныхъ имъ завѣтовъ. А для этого будемъ изучать его славную жизнь, его несравненныя творенія. Въ этомъ изученіи, какъ и въ молитвѣ, откроется для насъ великая радость, рѣдкое утѣшеніе.

Когда молишься о немъ, какъ легко говорить: «*со святыми упокой!*». Когда углубляешься въ эту слетѣвшую съ неба на землю жизнь, когда вдумываешься и прочувствуешь страницы его писаній, и сейчасъ, когда пишешь эти строки, – какъ отрадно на душѣ, какъ сердце полно упованія!

Душа чувствуетъ близость къ нему...

Не здѣсь-ли, не съ нами-ли отецъ Іоаннъ?!

О, дай Господи, чтобы духъ его былъ съ нами и въ насъ и нынѣ, и присно!

О, пастырь нашъ добрый, въ скорбяхъ утѣшитель!

Для родины милой будь ангель-хранитель

На долгіе годы! И насъ вдохнови

Съ грѣхомъ и соблазномъ на трудную битву,

Творя предъ престоломъ святую молитву,

Великій подвижникъ Христовой любви!

Вышеизложенное представляет, съ незначительными дополненіями, рѣчь, сказанную въ торжественномъ собраніи православныхъ русскихъ людей г. Кіева 28 янв. 1909 г., посвященномъ памяти о. Іоанна. Не могу въ заключеніе не огласить происшедшаго на этомъ собраніи знаменательнаго случая, памятуя сказанное: «тайну цареву прилично хранить, а о дѣлахъ Божіихъ объявлять похвально» (Тов. 12, 11).

Въ собраніи раздавались множеству посѣтителей листки объ о. Іоаннѣ съ его портретомъ, отъ религ. -просвѣтительнаго Общества. Когда говорившій вторую рѣчь прот. Г. Прозоровъ упомянулъ о гоненіяхъ, какія духъ злобы воздвигалъ, особенно въ послѣдніе годы жизни, на о. Іоанна, у входныхъ дверей въ залъ послышался шумъ, и въ заднихъ рядахъ слушателей произошло смятеніе. Что же оказалось? Въ заднихъ рядахъ находились два слушателя-простеца, молодые люди. Одинъ изъ нихъ З.М., получивъ листокъ, дозволилъ крайне неприличную выходку по отношенію къ листку съ портретомъ священника Божія – о. Іоанна. Стоявшій съ нимъ рядомъ сдѣлалъ ему соотвѣтственное замѣчаніе. Но М. отнесся съ пренебреженіемъ къ упреку.

– «Смотри: Богъ накажетъ», сказалъ тотъ.

Только что произнесъ онъ эти слова, какъ легкомысленный оскорбитель отца Іоанна сразу упалъ. Находившійся въ залѣ докторъ, проф. Никольскій, осмотрѣлъ упавшаго и удостовѣрилъ наличность глубокаго обморока. Оказавшійся въ числѣ слушателей братъ М. сообщилъ, что упавшій никакимъ подобнымъ припадкамъ никогда ранѣе не подвергался. М. отвезенъ былъ на квартиру и лишь черезъ нѣсколько часовъ пришелъ въ себя. Многочисленные свидѣтели признали въ происшедшемъ явное наказаніе Божіе оскорбителю за дерзкое поношеніе отца Іоанна.

Св-Макаріевское Братство дѣйствуетъ въ приходѣ одной изъ бѣднѣйшихъ церквей на окраинѣ Кіева – Юрковицѣ, при церкви во имя священномученика Макарія, митрополита Кіевского.

Братство и Дамскій Комитетъ при немъ содержатъ дѣтскій дневной пріютъ на 80 чел., которыхъ обучаютъ, кормятъ и призрѣваютъ.

Братство содержитъ также бесплатную народную бібліотеку и оказываетъ денежную помощь нуждающимся прихожанамъ.

Адресъ Братства: Кіевъ, Юрковица, Предсѣдателю Братства, священнику о. Андрею Бурковскому.

Предсѣдательница Дамскаго Комитета – Мар. Георг. Пономаренко.
Б.-Владимірская ул., д. № 20.

Никита Петрович Гиляровъ-Платоновъ

Въ праздникъ двадцатипятилѣтія церковной школы, когда мысль простирается къ прошедшимъ судьбамъ ея, грѣшно было-бы не вспомнить добрымъ, хотя бы и краткимъ, словомъ человѣка, который является однимъ изъ первыхъ носителей самой идеи церковно-приходской школы. Этотъ человѣкъ – Н.П. Гиляровъ-Платоновъ.

Имя это нынѣ полузабыто. Въ наше судорожно мятущееся время, живущее интересами минуты, забываются творческіе умы, когда-то спокойнымъ и вдумчивымъ окомъ проникавшіе въ глубины народной жизни, нынѣ скрытыхъ, подъ современной грязною накипью и мутью. Между тѣмъ, какъ было-бы полезно намъ во многихъ вопросахъ, а особливо въ церковно-общественныхъ, прислушаться къ голосу такихъ людей, къ какимъ принадлежалъ Н. П.

Блестяще окончивъ курсъ наукъ въ Московской духовной академіи въ 1848 г. и получивъ въ видѣ особаго отличія за изслѣдованіе о философіи Гегеля прибавленіе «Платоновъ» къ своей фамиліи, Гиляровъ былъ оставленъ при академіи бакалавромъ по каедрѣ герменевтики и ученія о вѣроисповѣданіяхъ, ересахъ и расколахъ. По отзывамъ слушателей, онъ былъ талантливымъ, блестящимъ профессоромъ, но вельдствіе нѣкоторыхъ недоразумѣній съ митрополитомъ Московскимъ, извѣстнымъ Филаретомъ, долженъ былъ острить каедрѣ и нереѣхаль въ Москву. Нѣкоторое время онъ состояли цензоромъ, служа въ тѣ тяжелья времена добрымъ геніемъ для нѣкоторыхъ, главнымъ образомъ, славянофильскихъ изданій. Но тамъ онъ не удержался, благодаря нежеланію поступиться своими убѣжденіями въ угоду часто мелочнымъ и неосновательнымъ требованіямъ главнаго управления по дѣламъ печати. Въ 1866 г. благодаря содѣйствію м. Филарета, не перестававшаго цѣнить дарованія Н.П-ча, онъ получаетъ мѣсто управляющаго Московской Синодальной типографіей, и на этомъ узко-хозяйственномъ мѣстѣ, повидимому, не дающемъ простора

для начинаній идейнаго характера, онъ сумѣлъ много сдѣлать именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ. Филаретъ очень цѣнилъ его труды, но по смерти святителя прямой Н.П. не удержался на мѣстѣ и въ 1867 г. оставляетъ эту должность, къ которой успѣлъ привыкнуть. Этимъ кончилось его служебное поприще. Но Господь зналъ, куда Онъ направлялъ Гилярова. Вытѣсняя его, повидимому, съ такой несправедливостью изъ всѣхъ сферъ службы, судьба, какъ бы противъ его воли, направила его въ ту область, гдѣ онъ могъ бы принести болѣе всего пользы, гдѣ его способности и знанія развернулись во всю ширь, на ту кафедру, съ которой онъ вѣщалъ уже всему русскому образованному обществу въ продолженіе 20 лѣтъ.

Въ 1867 г. онъ начинаетъ издавать ежедневную газету подъ названіемъ «Современныя Извѣстія» и продолжаетъ изданіе до своей смерти въ 1887 году. Кажется, въ званіи редактора-издателя этой газеты и былъ болѣе всего извѣстенъ и теперь можетъ быть памятенъ Н.П. Гиляровъ.

Газета его сразу завоевала сочувствіе мыслящей части русскаго общества, преданной интересамъ родины. «Совр. Извѣстія» были серьезнымъ органомъ, ревниво охранявшимъ свою независимость, одинаково чуждымъ какъ угодливости власти, такъ и потворства вкусамъ толпы. О характерѣ публицистической дѣятельности вотъ что, между прочимъ, говоритъ біографъ Н.П. Гилярова.

«Въ созвѣздіи трехъ великихъ публицистовъ-москвичей онъ занималъ особое мѣсто, свѣтилъ особымъ своимъ свѣтомъ... М.Н. Катковъ не имѣлъ въ виду газетою ни воспитывать общество, ни разъяснять ему вопросы внѣшней и внутренней политики. Его статьи мѣтили на опредѣленныхъ правительственныхъ лицъ и опредѣленные правительственныя теченія. Нѣкоторая его статьи можно назвать какъ-бы открытыми письмами къ Государю.

И.С. Аксаковъ былъ представитель и продолжатель славянофильскаго ученія, хотя съ нѣкоторыми компромиссами, соответственно духу времени... Аксаковъ былъ публицистъ-гражданинъ.

Гиляровъ былъ *публицистъ-философъ*. Онъ болѣе всего дорожилъ своимъ міросозерцаніемъ, выработаннымъ съ великимъ напряженіемъ и, можно сказать, съ самоотверженіемъ. Примѣненіе своего міровоззрѣнія ко всѣмъ выдвигаемымъ жизнью вопросамъ было цѣлью его публицистической дѣятельности. Отъ принципа онъ не отступалъ и засимъ мало заботился о томъ, какое впечатлѣніе производятъ его писанія въ высшихъ сферахъ» (Сборникъ сочиненія Н.П. Гилярова-Платонова, т. 1, стр. XXXVIII, М. 1890 г.).

На задачу публициста Н.П. Гиляровъ смотрѣлъ строго и серьезно. Онъ былъ прогрессистомъ, но стараго, благороднаго склада. «Публицистъ, если хочетъ быть достойнымъ своего призванія, – писалъ онъ въ № 1 «Совр. Изв.» за 1869 г., обязанъ свѣтить дорогу обществу, и, конечно, не къ невѣжеству, не къ неправдѣ, не къ страданіямъ, не къ тому, что уже есть, или что достигнуто, а къ тому, чего нѣтъ и чего еще нужно достигать. Онъ долженъ искать несовершенство въ общественномъ устройствѣ, недостатокъ въ общественномъ быту; обязанъ найти для себя предметъ недовольства. Но это еще не всегда значить, возбуждать недовольство, волновать страсти, подкапываться подъ порядокъ. Здѣсь лежитъ ясно различимая черта: въ какихъ предѣлахъ вращается недовольство, къ кому обращаются съ требованіемъ исправленія, и какія предлагаются средства? *Публицистъ, не уважающій исторіи и преданій своего народа и коренныхъ основъ общественной жизни, которою онъ живетъ, столь же недостойнъ своего призванія, какъ поклонникъ суевѣрій и дикихъ инстинктовъ массы, или нахальный льстецъ властей*».

Отличительной чертой его публицистики было, между прочимъ, то цѣнное качество, что онъ едва-ли не былъ единственнымъ писателемъ, осторожно, умно и съ знаніемъ дѣла касающимся въ газетѣ вопросовъ вѣры и Церкви и тѣмъ сближавшимъ общество съ областью, считающейся какъ бы монополіею однихъ духовныхъ журналовъ, обращающихся только въ кругу духовенства (Желающихъ ознакомиться со взглядами Н.П. Гилярова-Пл. на вопросы церковные отсылаемъ къ сборнику статей его, печатавшихся въ «Соврем. Извѣтіяхъ» подъ заглавіемъ: «Н.П. Гиляровъ-Платоновъ. Вопросы вѣры и Церкви», М. 1905 г. изд.

К.П. Побѣдоносцева, подь редакц. кн. Н.В. Шаховскаго, 2 тома: 1-й т. – 1 руб. 25 коп., 2-й томъ – 1 руб. 30 коп.).

Много непріятностей и матеріальныхъ затрудненій доставило Н.П. чу изданіе газеты, при независимости направленія и нежеланіи спускаться до вкусовъ толпы. Нѣсколько разъ «Совр. Извѣстія» подвергались административнымъ карамъ; чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе дѣла приходили въ упадокъ. Н.П. пріѣхаль въ октябрѣ 1887 г. въ Петербургъ хлопотать о поддержкѣ своего изданія, но здѣсь ждалъ его смертный конецъ: 13 октября онъ внезапно скончался въ гостинницѣ Бельвию, совершенно одинокій. Похороненъ онъ въ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ въ Москвѣ.

Такова была жизнь этого замѣчательнаго русскаго человѣка. Съ внѣшней стороны это была жизнь неудачника, какъ онъ самъ о себѣ выражался. Но иною, кажется, и не могла быть жизнь Гилярова: такова судьба идеалистовъ – для практической жизни они не созданы. А Н.П. изъ духовной среды и школы слишкомъ много вынесъ того идеализма, который отличаль особенно въ прежнее время питомцевъ духовной школы. Но по силѣ творческаго ума, по разносторонности дарованій ему, несомнѣнно, принадлежить почетное мѣсто въ ряду самобытныхъ русскихъ мыслителей послѣ А.С. Хомякова, Ю.Ө. Самарина, Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ и друг. «Не пять, не десять талантовъ далъ Вамъ Богъ, писалъ М.П. Погодинъ Гилярову, а двадцать, тридцать и даже болѣе. Вы не знаете себѣ цѣны, что и хорошо только въ нѣкоторомъ смыслѣ, а не вообще».

Покинувъ каеэдру въ Московской духовной академіи въ концѣ 1855 г., Гиляровъ тѣсно примкнулъ къ славянофильскому кружку, представлявшему тогда цвѣтъ русскаго образованнаго общества. Онъ сталъ своимъ человѣкомъ въ семьѣ Аксаковыхъ и здѣсь въ горячихъ спорахъ съ Конст. Аксаковымъ и Хомяковымъ развивались и углублялись дорогія кружку идеи самобытности русской жизни и мысли. Значеніе въ этомъ Гилярова прекрасно выражено въ слѣдующихъ словахъ надгробнаго слова архимандрита Сергія, сказаннаго при отпѣваніи Гилярова. «Первые славянофилы устремились въ нѣдра православной Церкви и богословской науки и заимствуя изъ нея свѣтъ, просвѣщающій

всякаго челоѣка, грядущаго въ мѣр, сами принесли въ нее потокъ свѣжей глубокой мысли и чувства. На встрѣчу этому течению вышелъ Гиляровъ съ свѣжей, обильной струею мысли цѣльной, возвышенной, глубокой и прочувствованной и, заимствуя многое отъ нихъ, самъ не мало привнесъ къ нимъ, предохраняя ихъ отъ философіи по стихіямъ міра сего, а не Христа (отъ увлеченія философіей Гегеля)». Въ одномъ письмѣ Н.П. выразился слѣдующимъ образомъ: «самъ Хомяковъ сказалъ разъ, когда по обыкновенію спорилъ и съ нимъ: – а знаете-ли, господа, изъ всѣхъ насъ Никита Петровичъ всѣхъ одномышленноѣ со мной и ни съ кѣмъ между нами не бываетъ столько постоянныхъ и столь частыхъ споровъ». В другомъ письмѣ онъ говоритъ: «покойный Ю.Ө. Самаринъ склонялся предо мной, по моему мнѣнію, даже сверхъ заслуженнаго; для Хомякова и былъ даже *единственнымъ* челоѣкомъ, съ которымъ онъ признавалъ полное свое согласіе».

Взгляды такого выдающагося мыслителя, притомъ въ высшей степени независимаго, имѣють, какъ само собою понятно, исключительную цѣнность.

Въ юбилейные дни церковной школы для дѣятеля Церкви доставляетъ высокую отраду удостовѣрить, что этому выдающемуся уму едва-ли не первому принадлежитъ самая мѣсль о церковной школѣ. Въ ту эпоху, когда подъ вліяніемъ реформъ Александра II поставлены были на разрѣшеніе основные вопросы нашей общественной жизни, вопросъ о народномъ образованіи рѣшался этимъ великимъ мыслителемъ въ такомъ смыслѣ, въ какомъ онъ воплотился нынѣ въ церковно-приходской школѣ. Въ 1861 г., когда еще не выступалъ на свое поприще С.А. Рачинскій, когда еще въ верхахъ правительственныхъ не было слышно голоса К.П. Побѣдоносцева, въ пору увлеченія европейскимъ западомъ, Н.П. Гиляровъ подаетъ императрицѣ Маріи Александровнѣ записку подъ заглавіемъ «о первоначальномъ народномъ обученіи», въ которой онъ съ глубокимъ пониманіемъ русской жизни развиваетъ ту мысль, что образованіе можетъ принести народу пользу лишь въ томъ случаѣ, если оно будетъ поставлено подъ покровъ Церкви и поручено будетъ духовенству. Записка передана была государынѣ черезъ графиню Антонину Дмитріевну Блудову. 30 дек. 1861 г. графиня писала Гилярову слѣдующее: «Благодарю Васъ искренно

за записку о школахъ, которую читала съ истиннымъ душевнымъ наслажденіемъ». «Ваша записка была прочтена (писала она-же 3 янв. 1862 г.) самому Государю, который ею очень доволенъ, раздѣляетъ Вашъ образъ мыслей и какъ я достовѣрно узнала, *твердо убѣжденъ, что въ рукахъ духовенства должно оставаться образованіе первоначальное*». Графиня, знавшая близко настроеніе правительственныхъ круговъ, сомнѣвалась, однако, въ возможности легкаго и скорого осуществленія мысли Гилярова. «Не печатайте записку покуда (писала она 4 янв. 1862 г.), дайте сперва здѣсь ознакомить съ нею полезныхъ людей, а то наши петербургскіе журналы закидаютъ грязью и пожалуй собьютъ съ толку членовъ комитета (по народному образованію). Я вѣрю въ *конечное* торжество истины *современемъ*, но не вѣрю безусловно въ ея торжество современное среди отуманенныхъ горячихъ головъ, большею частью, кокетничающихъ съ безуміемъ, какъ Бабсть очень мѣтко выражается».

Дѣйствительно, мысль записки не получила тогда своего осуществленія: слишкомъ атмосфера правительственная была для нея неблагоприятна. Но нельзя не признать большой заслуги за Гиляровымъ и въ томъ, что свою мысль онъ довелъ до свѣдѣнія Государя и придворныхъ сферъ и тѣмъ могъ предотвратить слишкомъ далекія отклоненія отъ намѣченнаго имъ рѣшенія вопроса. Не говоримъ уже о томъ, что посредствомъ своего, органа и путемъ личныхъ сношеній онъ много могъ содѣйствовать распространенію своего взгляда въ серьезныхъ кругахъ общественныхъ. Такъ или иначе, онъ былъ однимъ изъ первыхъ выяснившихъ всю важность церковнаго характера народной школы и тѣмъ подготовлявшихъ общественное сознаніе къ мысли о церковно-приходской школѣ. Трудно опредѣлить размѣры такого воздѣйствія на общественную мысль, но, м.б., не безъ вліянія Н.П. Гилярова и К.П. Побѣдоносцевъ, бывший его почитателемъ, взялся рѣшительно за возсозданіе церковной школы, встрѣтивъ высокое покровительство въ этомъ дѣлѣ незабвеннаго Царя-Миротворца.

Мы, современники процвѣтанія церковной школы, не забудемъ того, кто одинъ изъ первыхъ поднялъ голосъ за родную школу! Царство небесное вѣрному рабу Христову Никитѣ, а среди насъ, его потомковъ, да будетъ ему вѣчная, свѣтлая память!

Приводимъ ниже указанную статью-записку Н.П. Гилярова о первоначальномъ народномъ обученіи съ нѣкоторыми сокращеніями (Кромѣ указанной нами книги «Вопросы вѣры и Церкви», сочиненія Н.П. Гилярова-Платонова изданы въ 2-хъ томахъ К.П. Побѣдоносцевымъ подъ заглавіемъ «Н.П. Гиляровъ-Платоновъ. Сборникъ сочиненій» М. 1899 г. Горячо рекомендуемъ эти сочиненія всѣмъ интересующимся церковно-общественными и научными вопросами: они заслуживаютъ, изученія).

О первоначальномъ народномъ обученіи.

Кому должно быть ввѣрено первоначальное обученіе народа? Духовенству. Отвѣтъ такъ несомнѣнень, что только намѣренное желаніе поколебать въ народѣ христіанскія начала, или же совершенное незнаніе народныхъ склонностей могутъ отвѣчать иначе...

Народъ самъ признаетъ духовенство законнымъ своимъ учителемъ. При первой возможности откладываетъ ежегодно какихъ нибудь пять рублей, простолюдинъ отдаетъ сына своего на обученіе священнику или діакону; при меньшихъ средствахъ онъ. обращается къ дьячку; и только въ крайней нуждѣ рѣшается обратиться къ какому нибудь отставному солдату; или своему брату крестьянину-грамотею. Не только въ селахъ, но даже въ городахъ, въ самой даже Москвѣ, въ домахъ священно-служителей найдете цѣлыя маленькія школы грамотности; крестьяне, мѣщане, купцы, охотно отдаютъ туда дѣтей, и охотно при этомъ платятъ деньги, не смотря на то, что тутъ же рядомъ стоитъ казенное училище, гдѣ учать совершенно даромъ и гдѣ выучиваютъ даже способомъ болѣе легкимъ и скорымъ, чѣмъ какой извѣстенъ простодушному церковно-служителю. Фактъ былъ-бы невѣроятенъ, если бы не былъ вполне достовѣренъ. Онъ доказываетъ, что въ народѣ существуетъ особенное воззрѣніе на грамотность. Грамота для народа есть дѣло, въ нѣкоторой степени, священное: она есть дверь, отверзаемая къ уразумѣнію божественнаго писанія. Книжная

мудрость, въ народномъ словоупотребленіи, почти равнозначительна богословію; начетчикъ означаетъ человѣка, изучившаго много книгъ священныхъ. Такимъ образомъ, понятіе о книжномъ обученіи у простолюдина неразрывно связывается съ понятіемъ объ истолкованіи слова Божія; въ простомъ учителѣ чтенія онъ ждетъ видѣть наставника въ законѣ Божиємъ. Поэтому-то, православный онъ или раскольникъ, онъ отдастъ дитя свое на обученіе преимущественно лицу, которое признаетъ за священное. Поэтому-то съ нѣкоторымъ недовѣріемъ смотритъ онъ на училище казенное, гдѣ учитель «баринъ», и гдѣ ученье начинается «побасенками». Безсознательно постигаетъ простолюдинъ, что назначеніе ученія здѣсь житейское, а не возвышенное, котораго онъ желаетъ. Осмѣлимся ли назвать эти народныя понятія предрасудками? А тѣмъ болѣе, осмѣлимся ли противостать имъ какими либо мѣропріятіями?

Но кого и способны мы будемъ дать народу, въ замѣнъ готовыхъ, естественныхъ его учителей?

Создадимъ ли особое званіе сельскихъ учителей, нарочито къ своему дѣлу приготовленныхъ? Рѣшиться на такую мѣру значило бы обнаружить удивительное незнаніе нашихъ общественныхъ отношеній. Приготовленіе къ званію сельскаго учителя должно состоять, безъ сомнѣнія, въ основательномъ ученіи. Итакъ, въ странѣ, гдѣ образованные люди столь рѣдки, что въ нихъ нуждается еще большинство мѣстъ административныхъ и судебныхъ, должны будутъ выискаться люди, которые захотятъ выслушать курсъ наукъ съ единственною цѣлію обречь себя незавидной долѣ сельскаго учителя! Или, что еще страннѣе, должны будутъ выискаться люди, которые, уже пріобрѣтши основательныя свѣдѣнія въ наукахъ, захотятъ ограничить свою дѣятельность столь скромнымъ поприщемъ, отказываясь отъ дѣятельности болѣе блестящей и болѣе выгодной! Такое предположеніе немыслимо. Очевидно, что къ созданію особаго класса сельскихъ учителей возможенъ будетъ только одинъ путь, который былъ предпринятъ нѣкогда къ образованію сословія домашнихъ учителей и сельскихъ писарей: путь принужденія и соблазна. Званіе сельскаго учителя будетъ дверью для выхода изъ податнаго состоянія, для избавленія себя отъ рекрутства и

тѣлесныхъ наказаній. Приготовленный къ занятіямъ сельскаго учителя крестьянинъ обязанъ будетъ прослужить въ этомъ званіи нѣсколько лѣтъ и, по истеченіи ихъ, будетъ вознагражденъ чиномъ или званіемъ почетнаго гражданина. Но пора понять, что ни крѣпостной трудъ каковымъ будетъ трудъ сельскаго учителя, ни соблазнительное подстрекательство къ выходу изъ простаго званія, на чемъ будетъ держаться все учрежденіе, не поведутъ ни къ чему доброму, особенно въ дѣлѣ воспитанія, гдѣ все должно истекать изъ любви, все должно быть проникнуто сердечнымъ одушевленіемъ. Будутъ ли сельскіе учителя любить свое дѣло? Нельзя любить дѣла, за которое взялся противъ призванія. Будутъ ли они любить народъ? Отреченіе отъ народа будетъ первымъ побужденіемъ ихъ ко вступленію въ учительство. Будутъ ли они любимы народомъ? Случайные выходцы изъ нижней среды всегда испытываютъ недоброжелательство своей прежней братіи. Будутъ ли учителя, по крайней мѣрѣ, довольны своимъ новымъ положеніемъ, вѣсомъ, который пріобрѣтутъ въ обществѣ. Но дѣйствительное ихъ положеніе никогда не будетъ соответствовать ихъ мечтаніямъ... И на этомъ основаніи строить зданіе народнаго просвѣщенія! («Наше глубокое убѣжденіе» – писалъ Гиляровъ въ первой статьѣ «Современныхъ Извѣстій» 1879 г. № 171: «начало будущей великой дезорганизаций лежитъ именно въ самой постановка народнаго обученія и особенно въ его бюрократической инициативѣ. Весь институтъ ложенъ; весь механизмъ заведенъ совершенно съ противоположной стороны; онъ не подниметъ народа или подниметъ, но скорѣе въ нежелаемую сторону, за то тѣмъ несомнѣннѣе послужитъ къ его разложенію. Сословіе учителей, искусственно создаваемое, не пророчитъ добраго. Что такое въ самомъ дѣлѣ эти недоноски во всякихъ смыслахъ, приподнятые надъ непосредственнымъ бытомъ, но недоведенные до быта цивилизованнаго, съ искусственно возбужденными отвлеченіями, идеалами и со скудной матеріальной обстановкой? Не закладывается-ли только новое сословіе недовольныхъ въ обѣ стороны? Не расчищается ли только почва для всякой пропаганды, и именно пропаганды утопической, лишенной практической подкладки и пракческаго позыва?»). Однимъ словомъ, можно сказать составителямъ проектовъ о народномъ образованіи: если хотите среди самого народа создать новый классъ людей,

презирающихъ народъ и ненавидимыхъ народомъ, классъ людей озлобленныхъ и завистливыхъ; если хотите внести новый развратъ въ селеніяхъ: если хотите имѣть новый элементъ государственнаго безпорядка: создайте особый классъ сельскихъ учителей.

Но не предоставитъ ли народу, въ дѣлѣ образованія, полную свободу? Пусть онъ учится у кого хочеть, и пусть кто хочеть заводить для него школу? – Когда дѣло идетъ объ устройствѣ едва начинающагося народнаго образованія, слова эти звучатъ горькою насмѣшкой. Это все равно, что умирающему отъ голода указать покрытое лебедой поле и сказать: я тебѣ не препятствую, кормись, чѣмъ хочешь, и выбирай пищу, какая тебѣ удобнѣе. Кромѣ духовенства, какіе существуютъ готовые учителя для народа? Отъ скуки можетъ иногда помѣщикъ или помѣщица заняться лично нѣсколькими крестьянскими «ребятишками»; но нельзя предсказывать, что такіе случаи будутъ слишкомъ часты; нельзя сказать и того, что крестьянинъ найдетъ для себя особенно удобнымъ пользоваться такими одолженіями помѣщика. Итакъ, какіе же учителя останутся? Остается сельскій писарь, – эта язва нашихъ сель, этотъ крестьянинъ-подьячій, въ одномъ лицѣ совмѣщающій пороки лихоимца-чиновника съ пороками развратнаго крестьянина. Останется выгнанный изъ службы приказный, промышляющій въ деревнѣ составленіемъ ябедническихъ просьбъ. Останется, наконецъ – и это самый благонадежнѣйшій представитель сельскихъ грамотеевъ – отставной солдатъ.

Свобода образованія есть начало истинное и неоспоримое. Но утверждать свободу образованія является надобность тамъ, гдѣ въ государствѣ нѣсколько противоборствующихъ и по существу равноправныхъ силъ стремятся овладѣть народною мыслию; гдѣ само государство есть случайное скопленіе разнородныхъ элементовъ. Тамъ государство, покровительствуя одной какой либо силѣ, одинаково нарушаетъ и справедливость и безопасность; самая жизнь государства, все спасеніе его зависитъ тамъ именно отъ умѣнья уравновѣшивать враждебныя стремленія предоставленіемъ каждому изъ нихъ полной свободы. Россія же, благодареніе Богу, живетъ не враждою разнородныхъ началъ и не имѣетъ нужды въ искусственномъ уравновѣшиваніи небывалыхъ

противоположностей. За исключеніемъ части общества, случайно презрѣвшей русскія начала, и за исключеніемъ раскола, двинушагося въ противоположную сторону, весь русскій народъ представляетъ сплошную массу. Весь онъ живетъ одною жизнію, стоитъ на одномъ просвѣтительномъ началѣ, движется по одному духовному направленію, которое дано церковію. Законодательству остается только давать всевозможный просторъ этому всеобщему направленію, вспомоствовать всѣми мѣрами его развитію, устранять лежащія ему на дорогѣ препятствія: и въ этомъ будетъ состоять у насъ свобода образованія. Другими словами, истинно понятая свобода образованія въ Россіи требуетъ мѣръ, которыя бы, согласно съ собственными склонностями народа, помогали ему глубже и сознательнѣе утверждаться въ церковномъ ученіи. Слѣдовательно, свобода – то образованія и требуетъ, чтобы обученіе народа ввѣрено было духовенству.

Нисколько не говоримъ противъ предоставленія правъ народнаго обученія и всякому желающему. Напротивъ, пусть и волостной писарь набираетъ учениковъ, если можетъ найти ихъ; пусть и солдатъ, и отставной приказный ищутъ питомцевъ; пусть даже исключенный студентъ свободно берется за учительство. Словомъ, пускай право обучать народъ будетъ предоставлено желающему: но духовенству поставьте это въ непремѣнную обязанность, и облегчите ему средства къ исполненію этой обязанности. Вѣрно, что тогда ни писарь, ни солдатъ, ни студентъ не будутъ имѣть ни одного ученика. Опасность сколько нибудь сильнаго соперничества грозитъ только со стороны раскола. Пусть однако и раскольническій старецъ свободно принимаетъ учениковъ; но рядомъ съ раскольническимъ училищемъ поставьте непремѣнно училище православное; приставьте къ нему священно-служителей особенно благонравныхъ и ревностныхъ. Несомнѣнно, послѣдствія будутъ тѣ-же: раскольническое училище опустѣетъ, и самый расколь падетъ въ скоромъ времени.

Нужно разъ убѣдиться въ той истинѣ, что если просвѣтительное вліяніе духовенства не являлось доселѣ въ столь полной мѣрѣ, какъ бы это желательно, и какъ обнаруживается оно въ другихъ странахъ, причиною тому не какой нибудь духовный разладъ между духовенствомъ и народомъ, а частію стѣсненное положеніе

народа и, главнымъ образомъ, стѣсненное положеніе, въ которое поставлено исторію духовенство.

Когда Петра I издалъ указъ, запрещающій монаху держать у себя въ келии перо и чернила, когда тотъ же государь указомъ повелѣлъ, чтобы духовный отецъ открывалъ уголовному слѣдователю грѣхи, сказанныя на исповѣди, духовенство должно было почувствовать, что отсель государственная власть становится между нимъ и народомъ, что она беретъ на себя исключительное руководительство народною мыслию и старается разрушить ту связь духовныхъ отношеній, то взаимное довѣріе, какое было между паствой и пастырями. Духовенство поняло, что дѣйствовать своимъ духовнымъ вліяніемъ для него отсель небезопасно.

Когда послѣдовало отнятіе церковныхъ имуществъ (не однихъ крестьянъ, но и земель), и за отнятые рубли духовенство вознаграждено было грошами; когда пріобрѣтеніе новыхъ имуществъ для церкви намѣренно обставлено было разными затрудненіями; когда надъ оставшимися имуществами контроль все болѣе и болѣе усиливался, распоряженіе ими все болѣе и болѣе централизовалось, когда часть церковныхъ имуществъ стала употребляться даже на потребу не чисто церковную: духовенство должно было почувствовать, что и у собственныхъ средствъ оно не хозяинъ, а только приставникъ; что оно не можетъ отсель ни задумать назначенія своимъ средствамъ, ни, тѣмъ менѣе, ручаться, что первоначальное назначеніе устоитъ долгое время. Духовенство поняло, что отсель властно оно, безъ всякой помѣхи, пригласить пожертвователя развѣ только на позлащеніе церковной крыши или возведеніе ограды, безъ увѣренности, впрочемъ, что крыша и ограда навсегда сохранятъ свое назначеніе (При двукратномъ сокращенія числа монастырей, нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, были обращены въ казармы и другія вовсе не церковныя зданія).

Когда духовенство видитъ, что законодательство, сначала можетъ быть намѣренно, а затѣмъ и безсознательно, слѣдуя старому порядку, съ обидною послѣдовательностью проводить такое правило: «духовное лицо православнаго исповѣдованія за свое служеніе не должно быть ничѣмъ вознаграждаемо, либо должно получать вознагражденіе несравненно меньшее, чѣмъ лица

свѣтскія, или лица духовныя, но неправославныя, стоящія на тѣхъ же самыхъ должностяхъ» (Нужно сравнить только: содержаніе профессоровъ и учителей въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ съ содержаніемъ профессоровъ и гимназическихъ учителей; содержаніе православныхъ духовно-учебныхъ заведеній вообще съ содержаніемъ же подобныхъ заведеній католическихъ; жалованье православныхъ священниковъ при полкахъ и жалованье лютеранскихъ пасторовъ на тѣхъ же самыхъ должностяхъ. Стоитъ обратить вниманіе и на то, что законоучителю вездѣ полагается жалованье меньшее, чѣмъ прочимъ наставникамъ въ томъ же заведеніи, и пр.): къ какому заключенію должно приходиться духовенство? Къ тому, безъ сомнѣнія, что оно есть сословіе, намѣренно униженное, на которое сама государственная власть смотритъ съ презрѣніемъ, и единственно за то, что оно вѣрнѣе другихъ осталось священнымъ началомъ своей родины. Какой же послѣ того ждатель увѣренности или одушевленія въ дѣйствіяхъ?

Происходитъ ли духовное движеніе въ народѣ, законъ велитъ ставить сейчасъ между духовенствомъ и народомъ полицейскую власть, съ обязанностію обиднаго надзора, и съ обязанностію не менѣе обиднаго содѣйствія. Устраиваетъ ли само правительство среди народа школу, оно назначаетъ туда законоучителя; но врядъ съ другими, ставитъ его въ положеніи чиновника, подвергнутого всѣмъ мелочнымъ формальностямъ администраціи. Самую домашнюю школу, куда крестьяне и мѣщане добровольно отдають дѣтей, духовное лицо принуждено таить отъ правительства; ибо законъ требуетъ, чтобы о каждой школѣ былъ подаваемъ отчетъ, а отчетъ предполагаетъ ревизію и вмѣшательство. Не достаточно ли однихъ этихъ причинъ, чтобы сдѣлать духовенство тѣмъ, чѣмъ оно есть, къ сожалѣнію, теперь? А именно: сословіемъ запуганнымъ, но вмѣстѣ жаднымъ и завистливымъ, униженнымъ, но притязательнымъ, лѣнивымъ и равнодушнымъ къ своему высшему призванію, а велѣдствіе того и не весьма безукоризненнымъ въ образѣ жизни.

И однако, изъ всѣхъ сословій просвѣщенныхъ или полупросвѣщенныхъ, наше духовенство, каково оно ни есть, есть сила наиболѣе хранительная въ государствѣ. И однако, не смотря на всѣ неблагоприятныя обстоятельства, духовная связь между нимъ и

народомъ неразорвана. Но чтобы укрѣпить эту благодѣтельную связь, нужно поднять, ободрить, поощрить духовенство. Стоитъ осмотрѣться вокругъ себя, что сдѣлано уже и теперь, при данномъ вообще нѣкоторомъ просторѣ общественнымъ силамъ. Не смотря на всѣ толки, раздающіеся въ свѣтской литературѣ о необходимости народнаго образованія; не смотря на воскресныя школы, открываемыя съ такими торжественными кликами: чрезъ все это, въ сущности, дѣльнаго достигнуто еще очень не много, и усердіе нашего общества, сначала казавшееся столь горячимъ, видимо хладѣетъ. А между тѣмъ духовенство считаетъ своихъ учениковъ уже сотнями тысячъ, и безъ шума продолжаетъ свое дѣло учительства, не имѣя матеріальныхъ средствъ и, надобно сказать правду, не встрѣчая ни малѣйшихъ признаковъ общественнаго сочувствія. Законодательство обязано всѣми силами споспѣшествовать этому благому движенію.

Пусть будетъ постановлено закономъ, что церковный причтъ, въ силу того самаго, что онъ есть причтъ, обязанъ безвозмездно принимать каждаго желающаго на обученіе чтенію, письму, начаткамъ Закона Божія и церковному пѣнію (а въ случаѣ надобности и другимъ элементарнымъ свѣдѣніямъ). Разумѣется, нельзя этого требовать сейчасъ, при настоящемъ содержаніи духовенства: это значило бы принудительно возлагать на него новое бремя, ничѣмъ не вознаграждая, и, слѣдовательно, только испортить все дѣло. Но, посредствомъ ли жалованья, посредствомъ ли общественныхъ сборовъ, или тѣмъ и другимъ способомъ вмѣстѣ, содержание духовенства должно быть увеличено. Тогда-то это увеличенное содержаніе пусть назначено будетъ не за исправленіе только церковно-служенія, но за церковно-служеніе и народное обученіе вмѣстѣ. Пусть та и другая обязанность, и въ глазахъ правительства, и въ глазахъ народа и въ глазахъ самого духовенства, будутъ нераздѣльны.

Нельзя также требовать, чтобы обученіе народа было принимаемо на себя священникомъ непосредственно: этому могутъ иногда препятствовать его обязанности по исправленію требъ. Непосредственныя занятія обученіемъ могутъ быть ввѣряемы діаконамъ (разумѣется, кончившимъ курсъ); а еще лучше, могутъ быть поручаемы, въ видѣ искусства, духовнымъ студентамъ,

готовящимся къ священному сану и возведеннымъ въ санъ иподіакона. Развитие этого учрежденія принесло бы между прочимъ ту пользу, что такими иподіаконами впослѣдствіи замѣнились бы нынѣшніе дьячки – самая неблаговидная часть теперешняго духовенства.

Въ каждомъ приходѣ должно быть, по крайней мѣрѣ, одно училище; по мѣрѣ надобности, могло бы ихъ открыться и нѣскольکو. Во всякомъ случаѣ, приходы, эти живые памятники и символы духовнаго единенія въ вѣрѣ, да образуютъ изъ себя также средоточія и просвѣщенія вообще. Приходскій священникъ, духовный отецъ всѣхъ поселянъ прихода, былъ бы естественнымъ надзирателемъ и руководителемъ всѣхъ приходскихъ училищъ.

Нужно стараться, чтобы самое мѣсто ученія устроилось близъ церкви или даже въ самомъ церковномъ зданіи. Желательно (хотя это и не всегда возможно), чтобы даже въ тѣхъ случаяхъ, когда потребуется возведеніе школы въ селеніяхъ, не имѣющихъ церкви, новоустроенное училище заключало нѣ себѣ малую церковь. Равнымъ образомъ желательно, чтобы и самыя церкви на будущее время устроились не иначе, какъ съ училищами. Пусть домъ ученія будетъ домомъ молитвы, и наоборотъ.

Для знающихъ народъ не по наслышкѣ не покажется удивительнымъ, когда скажемъ, что предполагаемое соединеніе церковей съ училищами и обязанностей церковныхъ съ обязанностями учительскими должно принести плоды неисчислимые. Оно возвыситъ нравственно самое духовенство; оно благотворно подѣйствуетъ на ходъ народнаго просвѣщенія; оно облегчитъ неимовѣрно само пріобрѣтеніе способовъ къ устройству школь.

Но необходимо, чтобы устраиваемое на такихъ основаніяхъ народное обученіе освобождено было отъ излишнихъ формальностей, отчетностей, регламентации. Довольно, если избранное духовенство будетъ съѣзжаться разъ въ годъ въ епархіальномъ городѣ, для разсужденія о потребностяхъ народнаго образованія и для взаимнаго отчета о прошлой учительской дѣятельности. Довольно, если епархіальное начальство будетъ наблюдать за духовенствомъ по исполненію учительскихъ

обязанностей, наравнѣ съ тѣмъ, какъ наблюдаетъ оно за исполненіемъ обязанностей чисто церковныхъ. Довольно, наконецъ, если затѣмъ будетъ представляемъ высшему правительству общій, чисто статистическій отчетъ о движеніи первоначальнаго народнаго обученія. Однимъ словомъ, правительство должно всячески помогать духовенству въ исполненіи занятій по народному обученію, но не опредѣлять хода занятій до мелочныхъ подробностей, ни требовать столь же мелочнаго отчета. Тѣмъ менѣе представляется нужды заводить какихъ либо особыхъ окружныхъ инспекторовъ, губернскихъ или областныхъ надзирателей и т.п. Деньги, и конечно немалыя, которыя были бы употреблены на содержаніе этихъ совершенно бесполезныхъ лицъ, несравненно съ большею пользою могли бы быть обращены на покупку книгъ и учебныхъ пособій.

Въ послѣдніе два года жажда къ просвѣщенію пробудилась въ народѣ съ неслыханною силою. Производимая въ быту его реформа дала ему почувствовать, что онъ призывается отсель къ самостоятельной дѣятельности на общественномъ поприщѣ; и онъ самъ спѣшитъ стряхнуть съ себя долгій сонъ невѣжества, хочеть новыми просвѣтленными взорами взглянуть на Божій міръ и на своя общественныя отношенія. Ясно, что теперъ вопросъ о народномъ обученіи, есть вопросъ уже не о частномъ, злѣ и не о частномъ благѣ, которое можеть разлить та ила другая система: здѣсь вопросъ о будущемъ цѣлой Россіи, вопросъ гораздо болѣе важный, чѣмъ всѣ вопросы о финансахъ, судопроизводствѣ, полиціи и вообще о государственныхъ учрежденіяхъ, Ибо, какъ ни плохи будутъ учрежденія, но когда духъ народа цѣлъ, государство останется непоколебимо; а когда послѣдовало въ народѣ нравственное разложеніе, тогда самыя превосходныя учрежденія, не удержатъ государство отъ гибели.

Духъ народа и его нравственныя силы держатся или преданіемъ, или обычаемъ, пока народъ не образованъ, или даются, направленіемъ просвѣщенія, когда, настала пора образованія. Для нашего народа наступастъ такая пора; онъ не хочеть идти болѣе ощупью, руководствоваться слѣпымъ преданіемъ и обычаемъ, онъ хочеть дѣйствовать сознательно и просить у старшихъ своихъ братьевъ указаній къ этой сознательной дорогѣ. Итакъ, весь

вопросъ въ томъ: дадимъ ли мы ему такихъ про водниковъ, которые будутъ для него не болѣе, какъ просвѣтителами въ собственномъ смыслѣ, то есть, помогутъ ему только сознательно утвердиться въ тѣхъ же преданіяхъ и обычаяхъ, которые до сихъ поръ онъ признавалъ слѣпо? Или же предоставимъ общественному меньшинству, колеблемому всякимъ вѣтромъ ученія, и въ настоящую минуту случайно настроенному противоположно исконнымъ русскимъ началамъ, вывести народъ на совершенно новую дорогу, которой и конца не видно?

Отъ рѣшенія этого вопроса, какъ мы сказали, зависитъ все будущее, Россіи, и надѣмся, что всякій, кто не лишень политическаго смысла, и кто понимаетъ всѣ грядущія послѣдствія народнаго освобожденія, вполнѣ согласится съ этимъ мнѣніемъ.

Свящ. М. А-ій. [Михаил Алабовский]

Протоіерей

Іоаннъ Іоанновичъ Мельниковскій

(Некрологъ).

20 числа минувшаго декабря скончался настоятель Александровской церкви при Сулимовскихъ богоугодныхъ учрежденіяхъ протоіерей І.І. Мельниковскій, одинъ изъ почтенныхъ представителей духовенства, г. Кіева.

По окончаніи курса Кіевской духовной семинаріи, покойный о. протоіерей 8-го октября 1867 г. былъ рукоположенъ въ санъ священника въ с. Хмѣльную, Черкаскаго уѣзда, гдѣ священствовалъ и впослѣдствіи состоялъ благочиннымъ до 1883 года. Въ этомъ году перемѣщенъ къ церкви Сулимовскихъ богоугодныхъ заведеній настоятелемъ и законоучителемъ мужской ремесленной и женской руководѣльной школъ. Въ теченіе 25 лѣтъ покойный состоялъ также законоучителемъ реального училища св. Екатерины и 20 лѣтъ – законоучителемъ 3-го городского Старо-Кіевскаго училища. За вполне успѣшное преподаваніе Закона Божія ревностному законоучителю неоднократно выражалась благодарность, какъ отъ Совѣта Кіевскаго благотворительнаго Общества, въ вѣдѣніи котораго состоятъ Сулимовскія заведенія, такъ и отъ епархіальнаго и учебнаго начальства. Со времени основанія, въ 1894 г. Кіевскаго религіозно-просвѣтительнаго Общества покойный пастырь сталъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ его членовъ и много потрудился, ведя народныя чтенія въ амбулаторіи граф. Игнатьевой, ночлежныхъ пріютахъ и друг. пунктахъ. Будучи человекомъ высокаго христіанскаго настроенія и милосерднымъ ко всякому нуждающемуся, почившій не мало потрудился на поприщѣ храмоздательства и благотворенія. Въ 1907 г. онъ имѣлъ утѣшеніе освятить устроенный его стараніями, при

помощи Божіей и привлеченныхъ имъ добрыхъ людей, особый храмъ при домѣ призрѣваемыхъ во имя Пресвятыя Богородицы «Утоли моя печали» для немощныхъ старухъ, не имѣющихъ возможности бывать въ Александро- Невской церкви.

Его почину и жертвамъ обязана своимъ устройствомъ и церковь во имя преп. Серафима Саровскаго въ городскомъ дачномъ поселкѣ «Пуша-Водица». Для нуждающихся воспитанницъ 1-го Кіевскаго духовнаго женскаго училища, гдѣ онъ состоялъ членомъ совѣта, имъ учреждена стипендія. Не отказывалъ онъ въ своей жертвѣ и другимъ благотворительнымъ учреждениямъ, преимущественно церковно-приходскимъ.

Кончина о. протоіерея была истинно-христіанской. Онъ нѣсколько лѣтъ страдалъ астмой. 20 декабря, не смотря на очень плохое самочувствіе, онъ съ великимъ трудомъ совершилъ литургію въ храмѣ «Утоли моя печали». Разоблачившись, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, но не имѣлъ силъ выйти на улицу. Его ввели въ комнату одной изъ призрѣваемыхъ. Онъ легъ на кровать, вздохнулъ два раза и отошелъ.

Погребеніе совершено было 22-го декабря преосвященнѣйшимъ Павломъ, епископомъ Чигиринскимъ, въ сослуженіи многочисленнаго собора священнослужителей и множества молящихся, духовныхъ дѣтей покойнаго. Были произнесены три надгробныхъ рѣчи: въ концѣ литургіи – прот. М.Е. Едлинымъ, и во время отпѣванія – свящ. А. Щитковскимъ и свящ. М. Алабовскимъ, рѣчь котораго далѣе помѣщается.

Да не забудутъ въ своихъ святыхъ молитвахъ пастыри Кіевской епархіи скончавшагося своего собрата, новопредставленнаго протоіерея Іоанна.

«Господи, кто обитаетъ въ жилищи Твоемъ? или кто вселится во святую гору Твою? Ходяй непорочень, и дѣлай правду, глаголяй истину въ сердце своемъ: иже не ульсти языкомъ своимъ, и не сотвори искреннему своему зла» (Пс. 14, 1-3).

Кого хоронимъ мы? Чьи бранные останки обступило нынѣ наше скорбное собраніе со свѣщами и кадилами, со слезами на лицѣ?

Какъ ни скромнѣе былъ почившій протоіерей о. Іоаннъ, какъ ни старался онъ спрятать высокія качества души своей, они были видны для окружающихъ, обнаруживаясь во всѣхъ дѣлахъ его и въ самой его наружности. Теплота, сколько ни укрывай ее, все проступить наружу и сдѣлается ощутимой. Такъ и жаръ души его, пламя христіанской любви, горѣвшее въ душѣ почившаго, свѣтили и грѣли во всей его жизни. Не миѣ-бы, сравнительно мало знавшему покойнаго, говорить о дѣлахъ его любви. Но надъ гробомъ того, кто самъ такъ много поучалъ, невольно влечешься къ слову. И то немногое, что знаю я о почившемъ, говорить о многомъ.

О немъ справедливо можно сказать приведенными мною словами Псалмопѣвца. Нынѣ вселяется *въ гору Господню* человекъ, ходившій *непорочно*, по мѣрѣ разумѣнія своего, дѣлавшій *правду*, по мѣрѣ силъ своихъ, въ сердце своемъ старавшійся не лгать ни предъ собою, ни предъ людьми, не говорившій *лести*, не причинявшій, по крайней мѣрѣ сознательно, *ближнему своему зла*.

Гдѣ-же источникъ этой душевной силы? Откуда почерпалъ онъ эту Христову любовь?

Источникъ этотъ – здѣсь, въ этомъ святомъ храмѣ, въ богослуженіи, въ молитвѣ. Немного преувеличу, если скажу, что храмъ и молитва были для почившаго его міромъ, и, наоборотъ, міръ былъ для него храмомъ. Свою теплую молитву онъ несъ изъ этого храма всюду, куда бы онъ ни шелъ. На ходу и сидя, за какимъ-либо другимъ дѣломъ онъ не переставалъ возноситься горѣ. Онъ былъ однимъ изъ немногихъ, постигшихъ тайну апостольскаго наставленія: «непрестанно молитесь». И какъ умѣлъ онъ молиться! Живо помню, какъ однажды мы взошли съ нимъ на хоры

Софійскаго собора, и онъ повергся предъ иконой Богоматери. «Царице моя преблагая, надеждо моя, Богородице...» произнесъ онъ, падая на колѣна, и затѣмъ, очевидно, про себя прочиталъ до конца извѣстную молитву. Но онъ такъ произнесъ эти слова, съ такою живою вѣрою въ близость Богородицы, «яко живѣй ей сущей» съ нами, какъ говорится въ другой молитвѣ Богоматери!

И мы имѣемъ доказательство силы его молитвы... Въ концѣ просительной ектеніи стоитъ самое важное для христіанина прошеніе: «о христіанской кончинѣ живота». Покойный всю жизнь свою просилъ Бога удостоить его помереть послѣ божественной литургіи въ храмѣ. И Господь услышалъ цѣложизненное прошеніе раба Своего. Съ трудомъ, но до конца совершилъ онъ въ день смерти евхаристическую жертву и тутъ-же около храма отошелъ къ Тому, кто сказалъ: *«ядый Мою плоть и пійи Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ... имать животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день»*. Онъ можетъ повторять теперь тѣ слова псалма, которыя говорилъ предъ литургіей: *«еще пойду посредь стѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси»* (Пс. 22, 4).

Свое пастырское служеніе почившій о. Іоаннъ понималъ широко. Это былъ неустанный пастырь-учитель. Земной поклонъ должно принести ему наше религиозно-просвѣтительное Общество, какъ своему пожизненному и усерднѣйшему члену – дѣятелю. Съ самага основанія Общества онъ близко къ сердцу принялъ его дѣло. Припоминается мнѣ совмѣстная съ почившимъ дѣятельность по веденію народныхъ чтеній въ лечебницѣ, носящей имя графини Игнатъевой. Я еще студентомъ участвовалъ въ качествѣ пѣвца, а онъ въ качествѣ пастыря-проповѣдника. Его задушевное, для всякаго доступное, живое слово несомнѣнно немало принесло слушателямъ – болящимъ той пользы, которую имѣютъ въ виду врачи, когда говорятъ больному: «вамъ нуженъ покой, избѣгайте всякихъ волненій». Много этого покоя, этого духовнаго бальзама пролилъ на душевныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на тѣлесныя раны почившій пастырь-цѣлитель!

Не въ дома – только, онъ несъ свое учительство на улицы. Думаю, не одному мнѣ приходилось наблюдать покойнаго о. Іоанна на

погостѣ Софійскаго собора окруженнымъ толпою богомольцевъ. По цѣлымъ часамъ стоитъ, бывало, онъ съ ними, рассказывая о томъ, что это за Софійскій соборъ, да какія въ немъ лежать мощи, да какъ пройти въ Лавру, да какъ князь Владиміръ принялъ «крещеную вѣру», и много-много находилось у него, о чемъ поразсказать. А толпа, тѣсно сомкнувшись, жадно внимаетъ этому неизвѣстному батюшкѣ, къ которому такъ и влечетъ благолѣпный видъ «отца духовнаго» и который такъ охотно удовлетворяетъ ненасытимому благочестивому любопытству. А въ заключеніе бесѣды этотъ батюшка, успѣвшій стать роднымъ для неизвѣстныхъ ему богомольцевъ, вынимаетъ изъ кармана душеспасительный листокъ и подаетъ съ благословеніемъ.

И то, что батюшка такъ и оставался неизвѣстнымъ для случайныхъ собесѣдниковъ, имѣло глубокой смыслъ. Вѣдь паломникъ пришелъ, можетъ быть, изъ за Волги, или изъ Сибири въ «святой городъ», можетъ быть, по обѣту, и принесъ сюда свои запросы, свои недоумѣнія. И если ему отвѣтили на эти запросы совершенно случайно попавшійся навстрѣчу священникъ, то, по его убѣжденію, этого священника «самъ Богъ послалъ», случая онъ здѣсь не увидитъ, и въ томъ листкѣ, который далъ ему священникъ, онъ будетъ искать, и справедливо, – Божьяго отвѣта на свои недоумѣнія.

Постоянное молитвенное настроеніе рождало въ почившемъ особенную простоту и дѣтское незлобіе – плодъ мира душевнаго. Эти качества, столь знакомыя всѣмъ знавшимъ о. Іоанна, между прочимъ, запечатлѣлись въ моей памяти трогательною картиною при послѣднемъ моемъ свиданіи съ покойнымъ. Это было въ собраніи пастырей.

О. Іоаннъ только что пожаловался мнѣ на свои немощи. Въ это время входитъ въ собраніе другой – старецъ протоіерей, которому перешло уже за 80 лѣтъ.

– Рано вамъ жаловаться на свои немощи, замѣтилъ я ему, посмотрите-ка на почтеннаго протоіерея.

А о. Іоаннъ обернулся къ входившему.

– А, да, произнесъ онъ съ чувствомъ, онъ глубокой старецъ. Я уже видѣлся съ нимъ, а пойду, еще поцѣлую его, люблю его!

И онъ подошелъ къ еле двигающему ногами старцу и и облобызаль его. Умилительно было видѣть эту картину. «Святая простота!» – думалось, глядя на этотъ обмѣнъ нѣжными знаками расположенія двухъ старцевъ.

Такъ, «святою простотою» прожилъ и умеръ дорогой намъ всѣмъ о. Иоаннъ.

Много, много можно было-бы рассказать и еще о почившемъ. Но не рассказать всего, что огненными буквами написано въ сердцахъ всѣхъ любившихъ его.

Всѣ эти призрѣаемыя здѣсь старушки, которыя, «яко губа напоемая», впитывали въ себя его простое учительное слово, эти дѣти, надъ воспитаніемъ коихъ въ духѣ вѣры Христовой онъ трудился съ отеческою заботливостью, прихожане этого святого храма – участники его молитвъ и всѣ далеко нынѣ отстоящіе отъ его праха, но любовью близкіе къ его духу, всѣмъ сердцемъ готовы сказать ему теперь: не забудемъ тебя, незабвенный! молитва твоя «*въ нѣдро твое возвратится*»; вотъ сейчасъ начнемъ и долго-долго, пока хватитъ любви нашей, будемъ повторять:

«Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего!».

Священникъ Михаилъ Алабовскій.

Церковно-приходская школа

и

всеобщее обученіе

«Камень, его же не въ ряду сотвориша зиждуици, той бысть во главу угла».

Есть изреченіе: «въ чьихъ рукахъ воспитаніе народа, въ рукахъ того власть». Поэтому, все, относящееся къ важному дѣлу воспитанія народа, заслуживаетъ исключительнаго вниманія всѣхъ, кому дорого благо родины.

За послѣднее время у насъ настойчиво говорятъ о необходимости скорѣйшаго введенія всеобщаго обученія. То и дѣло читаешь извѣстія, какъ, одно за другимъ, земскія собранія дѣлаютъ постановленія о введеніи всеобщаго обученія, вырабатываютъ школьную сѣть, ассигнують извѣстныя средства. Что касается Государственной Думы, то отношеніе ея къ народному образованію и воспитанію обнаружилось въ двухъ характерныхъ фактахъ, имѣвшихъ мѣсто за вторую ея сессию.

3 Ноября начались пренія по вопросу объ ассигнованіи 4.000,000 рублей на содержаніе учителей церковныхъ школь, и эти пренія показали, въ какой степени значительная часть Думы чужда надлежащаго пониманія вопроса о народномъ образованіи. Партіи кадетовъ, прогрессистовъ, трудовиковъ, социаль-демократовъ высказались противъ ассигнованія, такъ какъ онъ принципиально противъ церковной школы (за исключеніемъ, впрочемъ, невысказавшихся въ этомъ отношеніи прогрессистовъ). Характерно, что противъ церковной школы довольно длинную рѣчь произнесъ отъ имени польскаго кола Дымша: вотъ,

оказывается, кому особенно не нравится наша церковная школа! Полякамъ, которые всѣми силами стараются насадить побольше своихъ церковныхъ школь. Октябристы уклонились отъ принципіальнаго обсужденія церковной школы, согласившись, однако, на выдачу 4,000,000 руб. учителямъ. Въ заключеніе вопросъ для чего-то переданъ въ комиссію, гдѣ онъ находился уже съ марта мѣсяца. Нельзя не видѣть въ такомъ рѣшеніи стремленія къ откладыванію рѣшенія вопроса, достаточно яснаго и не терпящаго отлагательства.

На ряду съ этимъ идетъ въ Думѣ подготовка къ введенію всеобщаго обученія. Одинъ изъ думскихъ дѣятелей, фонъ-Анрепъ составилъ проэктъ всеобщаго обученія. По этому проэкутѣ безчисленныя еврейскіе хедеры, татарскіе медресэ и ментэбэ, нѣмецкія, армянскія, польскія и всѣ прочія частныя инородческія школы должны содержаться не на частныя средства, а на государственный счетъ. Русскія же народныя церковныя школы должны быть, по этому проэкутѣ, лишены какой бы то ни было помощи и поддержки со стороны государства. Нужно заметить, что почти всѣ эти инородческія школы, изъ коихъ однихъ еврейскихъ хедеровъ болѣе 100,000 – вѣроисповѣдныя, т.е. церковныя. Итакъ, инородческія церковныя школы, по мнѣнію г.г. Анреповъ, заслуживаютъ государственной помощи, а православно-русскія церковныя школы почему-то ея недостойны! Особое думское совѣщаніе по всеобщему обученію пошло еще дальше: отвергнувъ проэктъ фонъ Анрепа объ оставленіи существующихъ церковныхъ школь, оно рѣшило въ трехлѣтній срокъ уничтожить всѣ православно-русскія церковныя школы, передавъ ихъ въ гражданское вѣдомство (Церк. Вѣдом. за 1908-й г., Прибавленія, стр. 2387).

Указанныя мѣропріятія обнаруживаютъ явно недоброжелательное отношеніе Государств. Думы къ церковной школѣ, съ одной стороны, и неправильную постановку вопроса о всеобщемъ обученіи, съ другой.

I.

Нѣтъ спора: скорѣйшее обученіе для нашей страны, гдѣ, по даннымъ переписи 1897 г., неграмотныхъ 78 % (изъ 128 милліоновъ населенія неграмотныхъ 101 мил. – См. Менделѣва. Къ познанію Россіи, изд. 5, стр. 51) является дѣломъ первостепенной важности. Но важень этотъ вопросъ не потому только, что грамотный земледѣлецъ скорѣе неграмотнаго примѣнитъ въ своемъ хозяйствѣ полезныя нововведенія, не потому, что хорошо грамотный солдатъ лучше неграмотнаго, не потому, что неграмотный крестьянинъ не можетъ быть вполне дѣятельнымъ членомъ земства и Государственной Думы, не потому, наконецъ, что грамотность необходимая ступень въ развитіи наукъ и культуры вообще. Это все, конечно, важно. Но неизмѣримо важнѣе въ данномъ вопросѣ то, какъ сохранить и воспитать въ народѣ здоровый духъ, какъ достигнуть того, чтобы крестьянинъ прежде, чѣмъ онъ станеть хорошимъ земледѣльцемъ, воиномъ, гражданиномъ, остался хорошимъ *человѣкомъ*: подъ хорошимъ разумью *православнаго русскаго* чловѣка.

У насъ, въ интеллигентныхъ кругахъ, и въ печати, особенно такъ назыв, прогрессивнаго направленія, считается почти аксіомой, что для усовершенствованія чловѣческой жизни наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ является широкое распространеніе знанія. Между тѣмъ, опытъ жизни говоритъ намъ, что далеко не всякое образованіе способствуетъ возвышенію нравственности. Изданный въ 1907 г. нашимъ министерствомъ юстиціи «Сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ за 1904-й годъ» даетъ возможность доказывать слѣдующія 4 положенія.

1. Грамотность и образованіе не только *не предохраняютъ отъ преступности*, но % преступности среди грамотныхъ и образованныхъ даже повышается. Въ 1895 г. грамотные составляли 35 ½ % осужденныхъ въ общихъ судебныхъ установленіяхъ и 30,1 % въ мировыхъ, а въ 1904 г. тѣже числа были: 42,8 и 36,6 %, т.е. число грамотныхъ увеличилось въ общихъ судахъ на 7,3%, въ мировыхъ – на 6,5%. Грамотные и получившіе образованіе вмѣстѣ даютъ осужденныхъ въ общихъ уголовныхъ судахъ 45%. А такъ какъ по переписи 1897 г. грамотныхъ съ образованными оказалось

только 21 % всего населения, то следовательно, грамотные, составляя 1/5 населения, дают однако почти столько же осужденных (9/20), сколько остальные 4/5 (именно 11/20, т.е. меньше лишь на 1/10).

Нельзя объяснить увеличения преступности среди грамотных и образованных приростом населения, ибо население возрастает не в одинаковой прогрессии с преступностью: процент осужденных, получивших образование, удвоился за десятилетие, но население не удвоилось. Очевидно, существует какое-то соотношение между распространением грамотности и образования, с одной стороны, и повышением процента преступности среди грамотных и образованных – с другой.

2. Распространение грамотности и образования *понижает возраст преступности*, или, иначе говоря, процент грамотных и образованных осужденных понижается по мере перехода от младших возрастов к старшим.

3. Среди грамотных обнаруживается большая склонность к повторению преступления, т.е. среди них оказывается больше рецидивистов. Ламброзо объясняет это распространением образования среди тюремных обитателей (Lambroso. Die Ursachen und Bekämpfung des Verbrechens, Berlin, S. 101 и 267).

4. Грамотность и образование не предохраняют сами по себе от преступности, но *изменяют формы* ее проявления, так что степень образования влияет на род и характер совершаемого преступления. Наибольшее число образованных в общих судебных установлениях было осуждено за преступления против порядка управления – третья часть общего их числа; между тем из числа неграмотных за названные преступления было осуждено только 13%. Зато, среди образованных осужденных чаще встречаются, чем среди неграмотных, следующие преступления: служебные, мошенничество, присвоение и подлоги, оскорбление чести и угрозы, нарушения общественной безопасности, преступления печати и т.п. Среди неграмотных наиболее распространены преступления против телесной неприкосновенности, насильственное похищение и истребление чужого имущества, а также святотатство, преступление против

женской чести, сокрытие трупа новорожденного и под. (Интересующихся цифровыми данными для подтверждения последних трех положений отсылаемъ къ обстоятельной брошюрѣ проф. М.А. Остроумова «Современное положеніе народнаго образованія въ отношеніи къ религіи», 8-й выпускъ учительск, бібліотеки по вопросамъ шк. восп. и обученія, откуда мы заимствовали вышеприведенныя данныя).

Такимъ образомъ, если прежде статистикою пользовались для доказательства того положенія, что невѣжество есть мать преступленія и что съ распространеніемъ школьнаго образованія преступность среди населенія падаетъ, теперь статистическими данными можно доказывать противоположную мысль, что, несмотря на распространеніе школьнаго образованія и грамотности, преступность возрастаетъ.

Приведенныя статистическія данныя показываютъ, что не всякое образованіе есть благо, и что характеръ образованія имѣетъ первостепенное значеніе. Что же касается народнаго образованія, то оно требуетъ къ себѣ въ этомъ отношеніи особой осмотрительности со стороны его руководителей. Въ то время, какъ интеллигентные родители въ состояніи разбираться въ достоинствѣ и характерѣ даваемого ихъ дѣтямъ образованія, крестьяне по темнотѣ своей мало способны къ этому и вынуждены довѣряться въ этомъ отношеніи другимъ. А это налагаетъ на совѣсть всѣхъ насъ, образованныхъ руководителей крестьянина, обязательство безъобманно рѣшить непосильную для него самую задачу его образованія. Грозное прещеніе Господа на «соблазняющихъ малыхъ сихъ» должно неотступно стоять въ нашей душѣ, когда мы рашаемъ вопросъ о народномъ обученіи.

II.

Какова же должна быть постановка начальнаго народнаго образованія? Какая школа соотвѣтствуетъ народному духу, а потому и наиболѣе способна послужить его духовному совершенствованію?

Духъ каждаго народа обнаруживается въ его исторіи, и нужно рѣшиться на сознательное извращеніе истины, чтобы отрицать, что духъ русскаго народа заключается въ глубокой преданности православной вѣрѣ и православной Церкви, и въ неразрывно связанныхъ съ нею чувствахъ любви къ Царю и отечеству. Не станемъ въ данномъ случаѣ приводить указанія исторіи нашего отечества, приведемъ лишь мнѣнія лучшихъ нашихъ мыслителей и писателей, которымъ никто не откажетъ нъ глубинѣ проникновенія въ существенныя стороны русскаго народнаго духа. Они даютъ намъ согласный отвѣтъ на вопросъ, какое просвѣщеніе прежде всего и больше всего нужно нашему народу и какой учитель долженъ быть ему данъ преимущественно предъ другими.

«Есть примиритель всего внутри самой земли нашей, пишетъ Н.В. Гоголь, – примиритель, который покуда еще не всѣми видимъ – наша Церковь. Уже готовится она вдругъ вступить въ полныя права свои и засіяетъ свѣтомъ на всю замлю Въ ней заключено все, что нужно для жизни истинно-русской во всѣхъ ея отношеніяхъ, начиная отъ государственнаго до простаго семейственнаго, всему настрой, всему направленіе, всему законная и вѣрная дорога. По мнѣ, *безумна и мысль ввести какое нибудь нововведеніе въ Россіи, минуя нашу Церковь, не испросивъ у нея на то благословенія.* Нельпо даже и къ мыслямъ нашимъ прививать какія бы то ни было европейскія идеи покуда, не окрестить ихъ она свѣтомъ Христовымъ... Въ Церкви просторъ не только душѣ и сердцу челоѣка, но и разуму, во всѣхъ его верховныхъ силахъ... Мы повторяемъ теперь еще безсмысленно слово «просвѣщеніе». Даже и не задумались надъ тѣмъ, откуда пришло это слово, и что оно значить. Слова этого нѣтъ ни на какомъ языкѣ; оно только у насъ. Просвѣтитъ не значить научить, или наставить, или образовать, или даже освѣтитъ, но всего насквозъ высвѣтлитъ челоѣка во всѣхъ его силахъ, а не одномъ умѣ, пронести всю природу его сквозъ какой то очистительный огонь. Слово это взято изъ нашей Церкви, которая уже почти тысячу лѣтъ его произносить, несмотря на всѣ мраки и невѣжественныя тьмы, отовсюду ее окружавшія, и знаетъ, зачѣмъ произносить. Недаромъ архіерей, въ торжественномъ служеніи своемъ, подъемля въ обѣихъ рукахъ и троесвѣщникъ, знаменующій Троицу Бога, и двусвѣщникъ, знаменующій Его сходявшее на землю Слово въ двойномъ естествѣ Его, и Божескомъ и

человѣческомъ, всѣхъ ими освѣщаетъ, произнося: «свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ» (Изъ письма къ В.А. Жуковскому «просвѣщеніе». Полн. собр. сочиненій Н.В. Гоголя, изд. А. Маркса, т. VII, стр. 76, 77 и 78). «Мы владѣемъ сокровищемъ, которому цѣны нѣтъ, – говорить онъ же въ другомъ мѣстѣ (Нѣсколько словъ о нашей Церкви и духовенствѣ. Изъ письма къ гр. А.П. Т-му. Соч. Н.В. Гоголя, изд. А. Маркса, т. VII, стр. 36 и 37), и не только не заботимся о томъ, чтобы это почувствовать, но не знаемъ даже, гдѣ положили его. У хозяина спрашиваютъ показать лучшую вещь въ его домѣ, а самъ хозяинъ не знаетъ, гдѣ лежитъ она. Эта Церковь, которая, какъ ціломудренная дѣва, сохранилась одна только отъ времени апостольскихъ въ непорочной первоначальной чистотѣ своей, эта Церковь, которая вся съ своими глубокими догматами и малѣйшими обрядами наружными какъ бы снесена прямо съ неба для русскаго народа, которая одна въ силахъ разрѣшить всѣ узлы недоумѣнія и вопросы наши, которая можетъ произвести неслыханное чудо въ виду всей Европы, заставивъ у насъ всякое сословіе, званіе и должность войти въ ихъ законныя границы и предѣлы и, не измѣнивъ ничего въ государствѣ, дать силу Россіи, изумить весь міръ согласною стройностью того же самаго организма, которымъ она доселѣ пугала, – и эта Церковь нами незнаема! И эту Церковь, созданную для жизни, до сихъ поръ не ввели въ нашу жизнь!»!

Приведемъ по тому же вопросу ярко и рельефно выраженныя мысли знаменитаго нашего мыслителя – гражданина И.С. Аксакова, которому горячо пришлось отстаивать существенную основу воспитанія и обученія народнаго въ виду царившаго въ тогдашнихъ школахъ крайне утилитарнаго и реального направленія, вводившагося нѣкоторыми тогдашними педагогами (напр. бар. Корфомъ и др.): «народъ долженъ быть воспитанъ въ духъ церковномъ, т.е. въ сознаніи и чувствѣ принадлежности своей къ тому «организму любви» (какъ выразился Ю.Ө. Самаринъ, опредѣляя понятіе Хомякова о Церкви), объемлющему и воплощеннаго Бога и вѣрующее въ него челоѣчество, единому во времени и въ пространствѣ, которое называется Церковью, и котораго внѣшнимъ выраженіемъ, при всей своей земной исторической случайности, является видимый церковный строй. Съ этимъ церковнымъ строемъ крестьянскій мальчикъ находится и

безъ того въ привычной бытовой связи посредствомъ обрядовъ, общественнаго въ храмѣ богослуженія и совершенія священныхъ таинствъ – слѣдовательно, школѣ остается только осмыслить и освѣтить для него эти бытовые узы, укрѣпить ихъ въ его чувствѣ и сознаний, еще крѣпче связать его съ храмомъ, который для народа былъ и пребываетъ сокровищницею высшихъ нравственныхъ назиданій и благихъ эстетическихъ наслажденій. Велико значеніе храма и всего богослужебнаго чина въ жизни народной. Вступая въ храмъ, крестьянинъ вступаетъ, такъ сказать, на почву вселенскую, почву всемірнаго братства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на почву національно-историческую, чувствуетъ себя едино не только со всѣми «православными христіанами» вообще, настоящими, прошлыми и будущими, съ призванными и любовно призываемыми, хотя еще и не просвѣтленными, но и въ частности (что чувствуется имъ еще оцутительнѣе, реальнѣе) со всею русскою семьею, настоящею и прошлою, не только съ современниками, но и съ отдаленнѣйшими предками. Внимая въ церкви «глаголы жизни», онъ внемлетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отеческому преданію. Но темень онъ – крестьянинъ, тщетно напрягаетъ слухъ, – смыслъ множества словъ, символическое значеніе обрядовъ, послѣдовательность и полнота Божьяго откровенія отъ него ускользаютъ при богослуженіи. И говоритъ онъ себѣ: неученье – тьма, а ученье – свѣтъ. И съ радостью встрѣтитъ онъ всякую школу, которая воистинну поведетъ его къ свѣту, приподниметъ его въ высшій духовный міръ, сдѣлаетъ ему доступнымъ разумѣніе Слова Божія» (Сочиненія И.С. Аксакова, Обществ. вопросы по церков. дѣламъ Т. IV, стр. 731-732).

Объ основѣ воспитанія и образованія народнаго у того же писателя находимъ слѣдующія мысли: «основою народнаго воспитанія, а потому и образованія можетъ и должна быть только религія, – святая христіанская религія, какъ ученіе Церкви. Только она, святая христіанская вѣра, подаетъ все, что нужно, что на потребу, не только простолюдину, но и всякому человѣку – во всѣхъ состояніяхъ и на всѣхъ ступеняхъ развитія. Какъ солнечный свѣтъ доступенъ равно всѣмъ и каждому безъ исключенія, такъ и свѣтъ Христовъ изливается въ равной мѣрѣ на богатыхъ и нищихъ, на знатныхъ и незнатныхъ, на ученыхъ и невѣжественныхъ, на мудрыхъ и простецовъ, на культурныхъ и некультурныхъ – онъ

устраняеть всякое неравенство, всякое различіе между людьми, всякое разстояніе, ихъ раздѣляющее – сословное, бытовое, обусловленное развитіемъ и образованіемъ, созданное разностью времени, цивилизація, культуры... Религія христіанская разрѣшаетъ всѣ противорѣчія, обезвреживаетъ всякое знаніе, напротивъ, святить его и освѣщаетъ истиннымъ свѣтомъ» (Тамъ-же, стран. 743, 744).

«Дѣло народнаго училища у насъ значительно облегчается властными указаніями самой нашей народной жизни, а также самымъ внутреннимъ и внѣшнимъ строемъ православной Церкви. Центръ тяжести Русской земли все же въ немъ, въ нашемъ смиренномъ и покорномъ народѣ, и ни въ одной странѣ не имѣеть народъ того значенія, хотя бы и пассивнаго, какое въ концѣ концовъ выпадаетъ на долю нашему въ видѣ побѣды его долготерпѣнія. Въ Россіи было бы невысказано зрѣлище выбрасыванія изъ школъ распятій, иконъ, священныхъ книгъ и вытравливанія изъ учебниковъ имени Божія (Авторъ имѣеть въ виду Францію). Союзъ Церкви со школою требуется у насъ самимъ народомъ; безъ этого союза, при всеобщемъ нерасположеніи народа къ школѣ, дѣло образованія народнаго у насъ не пойдетъ и идти не можетъ. Но этотъ союзъ Церкви со школою во Франціи, въ Италіи, напримѣръ, имѣеть другое значеніе, чѣмъ у насъ, и налагаетъ клерикальный характеръ на все обученіе, т.е. содѣйствуетъ усиленію власти духовенства, передаетъ народъ въ подчиненіе партіи клерикальной, стремящейся къ преобладающему положенію въ государствѣ. Нашему же православному понятію о Церкви и церковности чуждо всякое понятіе о клерикализмѣ. Православный народъ святой Руси самъ живетъ въ Церкви, а не у ея ограды, и каждый изъ народа признаетъ и разумѣеть себя частью Церкви, сыномъ ея. Духовенство для него – пастыри, а не командиры душъ... Кто въ отношеніи къ православной христіанской религіи не отдѣляетъ себя отъ народа, для того и задача народной школы обозначается сама собою. Эта задача прежде всего – просвѣтитъ народную мысль свѣтомъ познанія вѣры, развитъ и укрѣпитъ въ немъ сознательное отношеніе къ религіозной истинѣ и къ церкви... Лишь такимъ образомъ освятится для народа наука, лишь утвердятся на этой почвѣ, охотно и плодотворно восприметъ онъ ее» (Стр. 748).

Не менѣ ясны сужденія нашего писателя и о томъ, кто долженъ быть преимущественно учителемъ и руководителемъ дѣла начального народнаго обученія и въ такой тѣсной, органической связи, въ которой стоитъ школа съ Церковью. «Чего же лучше, какъ приурочить школу къ приходскому храму, – говоритъ онъ: званіе учителя только бы возвысилось въ глазахъ народа, еслибъ былъ учитель въ то же время и священнослужитель, и отецъ духовный. Если бы учителемъ было иное лицо, пастыри могли бы быть наилучшими инспекторами училищъ, потому что вѣдь нельзя же ни въ принципѣ, ни въ самой практикѣ отрицать у пастыря не только право, но и обязанность: наблюдать надъ тѣмъ, какъ и въ какомъ духѣ воспитываютъ паству, за которую онъ отвѣчаетъ предъ Богомъ... (стр. 783) Нѣтъ ничего естественнѣе, приличнѣе, законнѣе и болѣе согласнаго съ желаніемъ народнымъ, какъ завѣдываніе первоначальною народною школою лицомъ духовнаго званія.

Съ точки зрѣнія народной грамоты должно прежде всего вводить учащагося въ область познанія высшей ролигiозной истины: ученье – свѣтъ, отблескъ свѣта божественнаго: ученіе вообще – не забава, не шутка, а душезидательное, важное дѣло, укрѣпляющее, просвѣтленіемъ разума, связь человѣка съ Богомъ. Извѣстный типъ школьника и то, что называется школьничествомъ, между крестьянскими мальчиками, тамъ гдѣ школа идетъ хорошо, вообще не извѣстны: напротивъ того, вы тотчасъ же отмѣтите въ такой деревнѣ, въ толпѣ мальчишекъ учениковъ школы: при всей рѣзвости, эти маленькіе мужики держатъ себя уже иначе: сквернословіе напримѣръ, почитаютъ для себя уже неприличнымъ, въ храмѣ стоятъ съ особенною чинностью. Сначала всегда съ нѣкоторымъ недоувѣріемъ относится крестьянинъ къ школѣ земской или частной, управляемой малоизвѣстнымъ ему свѣтскимъ лицомъ, до тѣхъ поръ, пока не убѣдится вполне въ ея церковно-православномъ направленіи. Но если во главѣ, школы, хотя бы и не приходской, случайно поставленъ священникъ, то отъ желающихъ попасть именно въ такую школу, минуя даже ближайшія, отбоя нѣтъ» (Стр. 266, 269).

Если мы обратимся къ сочиненіямъ нашего лучшаго, глубокаго, истинно-русскаго психолога и педагога К.Д. Ушинскаго, и въ нихъ

найдемъ тѣ же мысли о цѣли воспитанія в образованія вообще, о значеніи религіознаго и народнаго элемента въ начальномъ обученіи и призванія духовенства къ этому дѣлу «Духъ школы, ея направленіе, ея цѣль должны быть обдуманы и созданы нами сообразно исторіи нашего народа, степени его развитія, его харктеру, его религіи». Къ рѣшенію вопроса о народномъ образованіи авторъ призываетъ всѣхъ, кто хочетъ послужить истинному просвѣщенію народа, но преимущественное пред почтеніе въ дѣлѣ учительства отдаетъ духовенству. «По коренному смыслу христіанской религіи, – говоритъ онъ, – духовный пастырь долженъ быть не только служителемъ алтаря, не только проповѣдникомъ Слова Божія, но наставникомъ и учителемъ. На обязанности его лежитъ не только принятіе въ нѣдра Церкви новаго христіанина посредствомъ таинства крещенія, но и введеніе его въ смыслъ христіанскихъ истинъ и въ нравственный храмъ христіанства. Оставляя въ сторонѣ небесное назначеніе религіи, какъ приготовительницы христіанства къ будущей жизни, мы полагаемъ, что христіанскій пастырь имѣетъ назначеніе умственно и нравственно возвышать людей и въ этой жизни и открывать источникъ того благодѣтельнаго вліянія, которое христіанская религія оказала на умственное и нравственное развитіе человѣческихъ обществъ; словомъ, что духовные пастыри наши должны приготовить въ насъ не только членовъ Церкви, но и дѣятельныхъ гражданъ христіанскаго государства» (Собраніе педагогич. сочиненій К.Д. Ушинскаго, 1875 г. Спб. ст. «О нравств. элементѣ въ рус. воспитаніи», стр. 242, 243).

«Кому должно быть ввѣрено первоначальное обученіе народа»? спрашиваетъ Н.П. Гиляровъ-Платоновъ, одинъ изъ малоизвѣстныхъ, но замѣчательныхъ по силѣ творческаго ума, нашихъ писателей, и отвѣчаетъ:

«Духовенству. Отвѣтъ такъ несомнѣнень, что только намѣренное желаніе поколебать въ народѣ христіанскія начала, или же совершенное незнаніе народныхъ склонностей могутъ отвѣчать иначе» (Н.П. Гиляровъ-Плат. Сборникъ сочиненій, т. II. статья «о первоначальномъ народномъ обученіи»). Кстати слѣдуетъ отмѣтить, что идея возрожденія церковно-приходскихъ школь принадлежитъ, повидимому, никому иному, какъ Г.-Платонову. Въ концѣ 1861 г.

имъ была составлена записка подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, поданная имъ чрезъ граф. А.Д. Блудову Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Записка была прочтена Государю и удостоилась Высочайшаго одобренія «Госусударь ею очень доволенъ», писала граф. А.Д. Блудова Г.-Платонову 3 янв. 1862, г, «раздѣляетъ Вашъ образъ мыслей и, какъ я достовѣрно узнала, твердо убѣжденъ, что въ рукахъ духовенства должно оставаться образованіе первоначальное». См. сборникъ сочин., т. II, стр. 127 и 128).

Мы могли-бы прибавить и другія мнѣнія въ дополненіе къ тѣмъ, кои привели, но и приведенныхъ, думаемъ, вполне достаточно для того, чтобы вывести отвѣтъ на поставленный нами вопросъ: какова должна быть постановка начальнаго народнаго образованія?

Выводъ напрашивается самъ собою, и мы выразимъ его прекрасными словами человѣка, который не теоретически только сознавалъ истину этого вывода, но и оправдалъ его блестящимъ опытомъ своей дѣятельности. Этотъ человѣкъ – незабвенный Сергій Александровичъ Рачинскій, въ основанныхъ имъ школахъ давшій идеальный типъ церковно-приходской школы. Въ своей книгѣ «Сельская школа», которую нужно рекомендовать, какъ настольную для всѣхъ дѣятелей по народному образованію въ Россіи, онъ спрашиваетъ: «Чѣмъ должна быть начальная школа въ Россіи по преимуществу сельская? Простымъ-ли приспособленіемъ для наученія крестьянскихъ ребятъ чтенію и письму, элементарному счету, словеснымъ символамъ господствующаго вѣроисповѣданія? Или средствомъ для пріобщенія народныхъ массъ къ тому теченію мыслей, къ тому нравственному строю, который мы считаемъ истиннымъ и нужнымъ, который властвуетъ надъ нашими умами, надъ нашими сердцами?».

«Вопросъ этотъ не допускаетъ двухъ отвѣтовъ. Нѣтъ сознательной школы, которая не преслѣдовала-бы вторую изъ указанныхъ цѣлей... Всегда и повсюду, изъ-за грамоты и счета, изъ-за бѣдныхъ крохъ положительнаго знанія, какія можетъ сообщить начальная школа, выглядываетъ нѣчто неизмѣримо глубокое, нѣчто жизненное и роковое, нѣчто совершенно несоизмѣримое съ видомъ этой кучки безграмотныхъ ребятъ, собранныхъ вокругъ элементарнаго учителя... Не слѣдуетъ заблуждаться: сельская школа, и

вообще, школа начальная, эта темная, элементарная, повсемѣстная школа всегда была и будетъ не зеркаломъ официальныхъ распоряженій и программъ, ни стремленій лицъ, у кормила правленія стоящихъ, а зеркаломъ глубочайшихъ движеній общественнаго и церковнаго духа, его затменій или просвѣтлѣній, его дремоты или подъема». Изъ всѣхъ силъ, дѣйствующихъ нынѣ на поприщѣ народнаго просвѣщенія, наиболѣе способною охранить народный духъ должно быть признано, по мнѣнiю С.А. Рачинскаго, – сельское духовенство. «Примѣръ школьной дѣятельности земствъ за минувшее тридцатилѣтiе, говоритъ онъ (Сельская школа, стр. 261, 262, 263), неопровержимо доказываетъ, сколь *неумѣстно и опасно* предоставлять руководство школой учреждениямъ неизбежно отражающимъ переменчивыя настроенія минуты. Школа должна стоять внѣ этихъ случайныхъ часто безпорядочныхъ вѣянiй. *Она должна стоять на основѣ твердой и вѣчной.*

Кое что по школьному дѣлу дѣлается министерствомъ народнаго просвѣщенія... Весьма существенную, хотя и менѣе видную роль играетъ въ школьномъ дѣлѣ и частная инициатива... Но изъ всѣхъ этихъ силъ *единственная, способная дѣйствовать* повсемѣстно, *въ духѣ единомъ и желательномъ*, въ предѣлахъ точно очерченныхъ и естественныхъ, въ связи съ прошлымъ, съ благотворнымъ влiянiемъ на будущее есть сельское духовенство. Этой силой слѣдуетъ намъ пользоваться прежде всего, ее надлежитъ намъ всѣми мѣрами укрѣплять и воспитывать, очищать и направлять; ибо:

Лучшiй изъ мыслимыхъ руководителей начальной школы есть добрый священникъ.

Самый желательный изъ доступныхъ намъ сельскихъ учителей есть дiаконъ, подготовленный долгимъ учительствомъ.

Школы низшаго разряда никому, кромѣ священника поручены быть не могутъ» (Сельская школа, стр. 254, 255).

Вотъ, – неподдѣльный голосъ русской жизни. Кто хоть немного знаетъ русскую, особенно великорусскую, деревню, тотъ долженъ сказать, что въ приведенныхъ словахъ. С.А. Рачинскаго заключается чистая истина. Мы обращаемъ вниманiе особенно на его слова: «школа должна стоять на основѣ твердой и вѣчной». Въ

самомъ дѣлѣ: чтобы оставаться вѣрной историческимъ началамъ, создавшимъ духовную силу и политическое могущество русскаго народа, народная школа должна стоять именно на твердой основѣ, чуждой измѣнчивыхъ вліяній времени. Въ силу этого порукой за сохраность народнаго характера школы не можетъ служить завѣдываніе ею министерствомъ народнаго просвѣщенія, ибо въ немъ дѣло народнаго образованія подчинено противорѣчивымъ личнымъ взглядамъ смѣняющихся его руководителей. Основой народнаго образованія можетъ служить только Церковь, какъ учрежденіе вѣчное, вѣрное самому себѣ и родное русскому народу.

«Вотъ уже 20 лѣтъ, говоритъ К.Д. Ушинскій, какъ мы болѣе или менѣе вращаемся въ кругу административныхъ распоряженій по дѣлу образованія. И какихъ только переменъ въ этихъ направленіяхъ не насмотрѣлись мы!... Не дай Боже, чтобы эта бесплодная игра въ направленіе была приложена и къ дѣлу народной школы... Если мы начнемъ и нашу народную школу также водить по разнымъ направленіямъ, то не быть пути и изъ этого великаго дѣла: оно не подвинется ни на шагъ впередъ, и тогда въ какія нибудь сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ мы можемъ стать въ болѣе отсталое положеніе въ отношеніи образованныхъ государствъ Европы, чѣмъ то, въ которомъ стояли при началѣ реформы Петра Великаго» (Собраніе пед. соч., ст. «Общій взглядъ на возникновеніе наш. народн. школь», стр. 563 и 564).

Сказанное требуетъ дополненія. Въ какую же житейскую форму должно вылиться воздѣйствіе Церкви православной на народное образованіе? Одно время у насъ много толковали о «мелкой земской единицѣ», придумывали «всесословную волость» и другія болѣе или менѣе искусственныя организаціи. Лишь немногіе (Папковъ, Шараповъ и нѣк. др.) горячо доказывали необходимость возрожденія и усовершенствованія исконной нашей организаціи – прихода. Нынѣ съ уравниемъ крестьянъ въ правахъ съ прочими сословіями государства, а также въ зависимости отъ предполагаемаго преобразованія земельнаго ихъ быта, должно ожидать развитія въ крестьянской средѣ какъ общественной самодѣтельности, такъ и личной инициативы. Крайне важно, чтобы въ поискахъ за осуществленіемъ своихъ пробудившихся стремленій, къ «самоорганизаціи» нашъ народъ былъ направленъ

на свой исконный путь, а не поведень былъ кривыми путями, измышленными для него бюрократическою теоретичностью. При настоящихъ условіяхъ крестьянской жизни невозможно представить себѣ земской единицы, болѣе обеспечивающей цѣлость народнаго духа, чѣмъ приходъ, этотъ союзъ христіанскихъ совѣстей, объединяющій крестьянъ вокругъ храма во Имя Господне и, такимъ образомъ, поставляющій ихъ подъ непрестанное воздѣйствіе страха Божія. Всякая иная организація, вродѣ «всесословной волости», по нашему мнѣнію, опасна возможностью вліянія на крестьянъ тѣхъ элементовъ, которые пользуются превосходствомъ своего образованія для искорененія въ простомъ народѣ всего того, чѣмъ живеть его душа, и въ послѣдніе годы довели нашъ добродушный народъ до такихъ злодѣйствъ, каковы помѣщичьи погромы. Вліяніе этихъ отщепенцевъ, вышедшихъ изъ насъ, но никогда не бывшихъ нашими, грозитъ постепеннымъ, медленнымъ, но вѣрнымъ извращеніемъ народной души – самымъ страшнымъ изъ всѣхъ возможныхъ для Россіи бѣдствій. Никакія «Цусимы» и революціи, какъ-бы онѣ ни были тяжки, не страшны для нашей родины, пока живъ духъ народный: онъ осилитъ временно налетѣвшія на него болѣзни. Вотъ почему нельзя достаточно настаивать на томъ, чтобы дѣло народнаго образованія было предоставлено никому иному, какъ приходу.

Какъ разъ со стороны церковной власти и дѣятелей Церкви въ послѣднее время усилились заботы объ оживленіи приходской жизни. Определеніемъ Святѣйшаго Синода 18 ноября 1905 г. за № 5900 духовенству рекомендуется образованіе «приходскихъ совѣтовъ» – органовъ, вѣдающихъ приходскую жизнь, которымъ синодальнымъ определеніемъ отъ 25 янв. – 6 февр. 1906 г. за № 488 предоставлено право брать подъ свое попеченіе и церковно-приходскія школы. Наряду съ этимъ среди самихъ пастырей замѣчается, подъ вліяніемъ грозныхъ уроковъ нынѣшней смуты, стремленіе къ устраненію разныхъ недочетовъ въ приходской жизни и исканіе новыхъ путей къ ея упорядоченію и усовершенствованію. Сюда нужно отнести, между прочимъ, замѣтное увеличеніе и усовершенствованіе приходскихъ братствъ, попечительствъ, разнаго рода благотворительныхъ приходскихъ заведеній и т.п. Намъ извѣстно не малое число фактовъ, по Кіеву и

Юго-Западному краю, указывающих на это отрадное явление в церковной жизни.

Итакъ, два начала: вѣчно пребывающее – *Церковь*, и исторически сложившееся – *приходъ*, должны лежать в основѣ народнаго образованія. Только церковно-приходская школа имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы быть настоящей народной школой, которая послужитъ прочной основой благосостоянія народнаго и крѣпости государственной.

Быстрый ростъ церковно-приходскихъ школъ со времени Высочайшаго утвержденія правилъ объ этихъ школахъ 13 іюня 1884 г., а также весьма значительный притокъ народныхъ жертвъ на эти школы, в свою очередь, съ достаточною убѣдительностью указываютъ, в какомъ направленіи должно идти у насъ развитіе народнаго образованія.

Къ 1907 году, по официальнымъ даннымъ, всѣхъ начальныхъ школъ для дѣтей (т.е. кромѣ школъ второклассныхъ, церковно-учительскихъ и воскресныхъ) в вѣдѣннн Св. Синода состояло 41,233, в томъ числѣ: двухклассныхъ – 640, одноклассныхъ – 24,990 и школъ грамоты – 15,603. Учащихся в этихъ школахъ было 1,998,529 чел., т.е. почти два милліона; запопучителей – 41,587 и учителей – 48,433. Помимо начальныхъ школъ, в вѣдѣннн Св. Синода состояло – 447 школъ второклассныхъ и церковноучительскихъ, назначенныхъ для приготпленія учителей для церковныхъ школъ, и воскресныхъ школъ для взрослыхъ – 209.

Школа церковная, нерѣдко убогая, но около храма, съ церковнымъ воспитаніемъ на первомъ планѣ, сдѣлалась уже родной народу.

Народъ русскій, люди всякаго званія и состоянія, начиная съ знатнѣйшихъ лицъ и кончая простымъ бѣднымъ крестьяниномъ, понесъ свои посильныя жертвы на созидаемья в союзѣ съ Церковью школы. Насколько жертвы эти были значительны, видно изъ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ, заимствуемыхъ нами ихъ официальнаго источника. (Записка о церков. школахъ. Изд. Училищ. Совѣта при Св. Синодѣ, стр. 5).

За первые 10 лѣтъ существованія церковно-приход. школъ (съ 1884 г. до 1894 г.) казенное пособіе церковнымъ школамъ поступило в

суммѣ 1,395,000 руб., а вмѣстѣ съ пособіемъ изъ суммъ губернскаго земскаго сбора – 3,209,740 руб; мѣстныя же средства (т.е. отъ церквей, монастырей, духовенства, братствъ, попечителей, сельскихъ и городскихъ обществъ и т.п.) за то же время поступили въ количествѣ 13,649,370 руб. т.е. въ 4 раза большемъ. Въ общей же сложности за все время существованія возрожденной церковной школы съ 1884 г. до 1906 г. включительно, народныя жертвы для поддержанія и развитія ея достигли весьма внушительной суммы 82,000,000 рублей.

Эти 82 милліона имѣютъ исключительную цѣнность и чрезвычайное принципиальное значеніе. Въ этихъ пожертвованіяхъ по справедливости слѣдуетъ видѣть выраженіе сочувствія народа церковно-приход. школѣ. Столь значительныхъ жертвъ нельзя было бы добыть школѣ ни воздѣйствіемъ начальства, ни авторитетомъ отдѣльныхъ, хотя бы и выдающихся, лицъ, а единственно открытымъ общимъ сочувствіемъ ей глубокихъ слоевъ и огромныхъ массъ населенія.

Это сочувствіе ясно показываетъ, что направленіе, даваемое народному образованію школой церковной есть историческое, родное для народа. Въ теперешнее время нерѣдко можно слышать такое возраженіе противъ нашихъ утвержденій: «отчего вы не дадите народу въ дѣлѣ образованія полную свободу? Если вы заботитесь о цѣлости народнаго духа, то предоставьте это ему самому: пусть онъ учится, у кого хочеть и пусть, кто хочеть заводить для него школу!»!

Отвѣтимъ на это словами Н.П. Гилярова-Платонова. «Свобода образованія, говоритъ онъ, – начало истинное и неоспоримое. Но утверждать свободу образованія является надобность тамъ, гдѣ въ государствѣ нѣсколько противоборствующихъ и по существу равноправныхъ силъ стремятся овладѣть народною мыслию; гдѣ само государство есть случайное скопленіе разнородныхъ элементовъ. Тамъ государство, покровительствуя одной какой-либо силѣ, одинаково нарушаетъ и справедливость и безопасность; самая жизнь государства, все спасеніе его зависитъ тамъ именно отъ умѣнья уравновѣшивать враждебныя стремленія предоставленіемъ каждому изъ нихъ полной свободы. Россія же, благодареніе Богу,

живеть не враждою разнородныхъ началъ и не имѣть нужды въ искусственномъ уравниваніи небывалыхъ противоположностей. За исключеніемъ части общества, случайно презрѣвшей русскія начала, и за исключеніемъ раскола, двинушагося въ противоположную сторону, весь русскій народъ представляетъ сплошную массу. Весь онъ живеть одною жизнію, стоитъ на одномъ просвѣтительномъ началѣ, движется по одному духовному направленію, которое дано Церковію. Законодательству остается только давать всевозможный просторъ этому всеобщему направленію, вспомошествовать всѣми мѣрами его развитію, устранять лежащія ему на дорога препятствія: и въ этомъ будетъ состоять у насъ свобода образованія. Другими словами, истинно понятая свобода образованія въ Россіи требуетъ мѣръ, которыхъ бы, согласно съ собственными склонностями народа, помогали ему глубже и сознательнѣе утверждаться въ церковномъ ученіи. Слѣдовательно, свобода-то образованія и требуетъ, чтобы обученіе народа вѣрено было духовенству» (Сборникъ сочин., т. 1, стр. 132 и 133).

IV.

Когда идетъ рѣчь о введеніи всеобщаго обученія и притомъ спѣшно, какъ этого хотять многіе, то весьма существенною стороною дѣла является вопросъ о матеріальныхъ средствахъ, потребныхъ для осуществленія этого грандіознаго предпріятія. Если бы поборники скорѣйшаго введенія всеобщаго обученія лучше взвѣсили эту сторону дѣла, думаемъ, они не стали бы на тотъ путь, который намѣчается указанными нами въ началѣ предположеніями Государственной Думы.

Приведемъ по этому предмету высокоавторитетное мнѣніе чловѣка, которому никто не откажетъ въ глубоко серьезномъ, вдумчивомъ отношеніи къ нуждамъ родины недавно скончавшагося проф. Д.И. Менделѣва. «Конечно, лучше бы было, говорить онъ, если-бы образованіе, хотя бы первоначальное, въ особенности приноровленное къ жизненнымъ потребностямъ, т.е.

не только къ грамоть и счету, но и къ какимъ-нибудь практическимъ дѣламъ, было широко распространено въ Россіи, но ставить задачу «всеобщаго народнаго начальнаго обученія» на такую настоятельность, какую ему придаютъ *въ настоящее время* у насъ очень многіе, я, признаюсь, не согласенъ прежде всего по той причинѣ, во-первыхъ, что для этого нужны большія народныя средства, а во-вторыхъ, что пожалуй еще важнѣе нужны хорошо подготовленные и приноровленные учителя, которые внушали бы начинающимъ ученіе благія начала, а ни того, ни другого пока нѣтъ... Поэтому стремиться къ такъ называемому «всеобще-обязательному образованію», т.е. къ бесплатному обученію всѣхъ дѣтей, не могущихъ получить на свои средства начальнаго образованія, должно всемѣрно, но пути къ этому одни; надо сперва увеличивать условія накопленія достатка въ народѣ (чтобы – безъ особыхъ налоговъ стремились учиться и могли это выполнять) и постепенно готовить хорошихъ учителей для элементарныхъ или народныхъ школъ» (Къ познанію Россіи, стр. 51, 52).

Нельзя не признать вполне основательной мысль покойнаго ученаго о томъ, что при нашей бѣдности и обремененности государственнаго бюджета внѣшними займами осуществить такое великое предпріятіе, какъ всеобщее обученіе, возможно только при условіи наличности въ народѣ, достигшемъ извѣстной степени благосостоянія, достаточно сильнаго и сознательнаго стремленія къ образованію, стремленія, которое побуждало бы, народъ принести свои посильныя жертвы. Одними государственными средствами выполнить всеобщее обученіе для Россіи едва-ли когда явится возможность. Что мы не преувеличиваемъ, въ доказательство того сошлемся на слѣдующія краснорѣчивыя цифры, полученныя нами изъ официального источника.

Какъ извѣстно, нынѣ земствами и другими органами народнаго образованія повсемѣстно ведутся усиленныя работы по составленію проектовъ школьной сѣти, въ цѣляхъ подготовленія къ введенію всеобщаго обученія. Между прочимъ, для Кіевской губерніи, самой населенной въ Россіи (по переписи 1897 г. въ ней числится 3,559,000 жит.) выяснились слѣдующія данныя касательно стоимости введенія всеобщаго обученія.

Число всѣхъ дѣтей школьнаго возраста (8, 9, 10 и 11 л.) въ губерніи, за исключеніемъ городовъ, приблизительно (взято 10% общаго числа населенія) принято въ 351,345 чел. Изъ этого числа въ настоящее время (къ марту 1908 г.) учится: въ министерскихъ училищахъ – 29,386 чел., въ земскихъ – 7,587 чел., въ церковно-приходскихъ школахъ – 70,293 чел., при чемъ въ это число не входятъ учащіеся въ школахъ грамоты, которыхъ въ Кіев, губ. до 400. Итого число учащихся дѣтей въ селахъ губерніи – 107,266 чел. Въ школы остается 244,079 душъ. Чтобы осуществить всеобщее обученіе, необходимо открытіе еще 2168 училищъ, въ которыхъ должно помѣститься 5126 комплектовъ учащихся (комплектъ – единица въ 50 чел. учащихся, въ соотвѣтствіи съ которой рассчитаны: стоимость зданія, оборудованія, содержаніе учительскаго персонала (на 50 чел. дѣтей 1 учитель) и т.д.). Открытіе необходимаго числа школъ рассчитано земствомъ на 21 годъ. Въ 1909 г. Губернскимъ Земствомъ предположены къ открытію 33 школы съ 87-ю комплектами; содержаніе ихъ съ постройкою зданій, но безъ оборудованія, составитъ расходъ въ 291,083 р. Съ 1910 г. начинается болѣе планомѣрное осуществленіе школьной сѣти. Съ этого года земство открываетъ ежегодно вновь по 112 школъ на 264 комплекта въ теченіе 15 лѣтъ, затѣмъ по 111 школъ на 261 комплектъ въ теченіе послѣдующихъ четырехъ лѣтъ и, наконецъ, на 21-мъ году земству для завершенія плана придется выстроить послѣднія 11 школъ на 35 комплектовъ, что въ общемъ итогѣ въ періодъ съ 1909 г. по 1929 г. включительно и составитъ 2168 школъ съ 5126 комплектами, потребныхъ согласно проекту для осуществленія въ Кіевской губерніи всеобщаго обученія.

Весь расходъ на школьное строительство за время осуществленія сѣти составитъ 23,324,217 руб., а на содержаніе школъ – 51,993,975 р., а всѣ расходы на начальное образованіе къ концу завершенія школьной сѣти составятъ сумму 75,318,193 руб. Изъ этой суммы: имѣетъ поступить отъ земства – 18,369,865 р. и отнесено на счетъ казны – 56,948,328 руб.

Но вышеуказанная сумма расходовъ на всеобщее обученіе въ губерніи (75,318,193 руб.) является ниже дѣйствительной, ибо въ расчетахъ земства не приняты въ соображеніе приростъ населенія въ губерніи за 20 лѣтъ выполненія школьной сѣти. По

вычислениям проф. Д.И. Менделѣва, ежегодный приростъ населенія въ Россіи долженъ быть принятъ никакъ не менѣе 1,5% общаго его числа. При такомъ приростѣ населеніе Россіи черезъ 46 $\frac{1}{2}$ лѣтъ должно удвоиться. Прилагая указанныя нормы къ населенію Кіевской губ., мы найдемъ, что съ 1897 г., когда оно равнялось 3,559,000 чел. къ 1908 году должно возрасти не меньше, чѣмъ на 700,000 чел., т.е. составить цифру въ 4,259,000 чел. Возьмемъ для удобства вычисленій круглую сумму въ 4,000,000 душъ. За 20 лѣтъ выполнения школьной сѣти эти четыре милліона должны дать прироста не менѣе 1 $\frac{1}{2}$ милліона, такъ что къ 1928 г. населеніе Кіевской губ. должно исчисляться въ 5 $\frac{1}{2}$ милліоновъ. Такъ какъ земствомъ число дѣтей школьнаго возраста исчисляется по нормѣ 10% къ составу населенія, то приростъ населенія въ 1 $\frac{1}{2}$ милліона долженъ дать 150,000 дѣтей школьнаго возраста, для которыхъ потребуется 3000 комплектовъ (150000 : 50) т.е. по 150 комплектовъ ежегодно (3,000: 20).

Полагая стоимость ежегоднаго содержанія каждаго комплекта, согласно земскимъ расчетамъ, приблизительно въ 700 руб., получимъ ежегодный расходъ на содержаніе въ 105,000 руб. А за всѣ 20 лѣтъ на одно содержаніе этихъ комплектовъ потребуется солидная сумма въ 22,050,000 руб. (1-й годъ – 105,000 руб. 2-й – 210,000, 3-й – 315,000 и т.д. прибавляя каждый годъ по 105,000 руб.). Да на постройку помѣщеній съ оборудованіемъ, полагая согласно съ земскими расчетами по 4500 руб. на комплектъ, понадобится 13,500 руб. Итого, весь расходъ на обезпеченіе школами прироста населенія составитъ 35,550,000 руб.

Такимъ образомъ, въ дѣйствительности расходъ на всеобщее обученіе, если его хотять вводить не на одинъ годъ, а поддерживать постоянно, за 20 лѣтъ для одной Кіевской губерніи долженъ выразиться въ суммѣ не менѣе 111-ти милліоновъ рублей.

Не принимая въ расчетъ прироста населенія, земство надѣется, что на удовлетвореніе школами этого прироста пойдутъ средства изъ такихъ источниковъ, какъ средства, отпускаемыя другими вѣдомствами, сельскими обществами и частными лицами. Не знаемъ, кого разумѣетъ земство подъ «другими вѣдомствами»: что касается вѣдомства духовнаго, то оно будетъ продолжать свое дѣло

народнаго образованія, насколько позволять ему средства, а другія вѣдомства при крайней напряженности финансовыхъ силъ страны въ очень слабой степени могутъ придти на помощь. Что же касается надежды на сельскія общества, то уже и теперь выясняется, насколько такая надежда мало основательна. 16-20 февр. текущаго года въ Кіевѣ происходили занятія съѣзда директоровъ народныхъ училищъ, учительскаго института и учительскихъ семинарій Кіевскаго учебнаго округа. И вотъ что выяснилось, между прочимъ, на съѣздѣ. Въ виду того, что по закону 3-го мая 1908 г. (объ отпускѣ 6,900,000 руб. на нужды начальнаго образованія), крестьянскія общества совершенно освобождаются отъ всякихъ обязанностей по содержанію училищъ, многія общества рѣшительно стали уклоняться и отъ обязательствъ, принятыхъ или ранѣе по содержанію министерскихъ училищъ.

Другія общества не въ состояніи нести такіе расходы вслѣдствіе цѣлаго ряда неурожайныхъ годовъ, а нѣкоторыя вслѣдствіе чрезмѣрнаго вздорожанія рабочихъ рукъ при ремонтѣ школьныхъ зданій и строительныхъ матеріаловъ, дровъ на отопленіе и т.д. Поэтому, зданія многихъ министерскихъ училищъ въ земскихъ губерніяхъ пришли въ ветхость, требуютъ капитальнаго ремонта. Не удовлетворяются многія хозяйственныя нужды этихъ училищъ. Все это вмѣстѣ взятое вредно отражается на состояніи министерскихъ училищъ, открытыхъ въ свое время, какъ образцовыя. Съѣздъ не нашель другого выхода изъ такого ненормальнаго положенія, кромѣ ходатайства предъ министерствомъ о новыхъ единовременныхъ и ежегодныхъ кредитахъ на хозяйственныя и строительныя нужды министерскихъ училищъ. (Газ. «Кіевлянинъ», 1909 г. № 55).

Надежду на крестьянъ, такимъ образомъ, нужно оставить и вышеуказанный расходъ на обучеше прироста населенія долженъ лечь на казну и земство, и въ небольшой части, на частныхъ лицъ.

Мы указали сумму расхода на всеобщее обученіе для одной лишь Кіевской губерніи, и эта сумма уже поражаетъ насъ своей грандіозностью по сравненію съ скромнымъ бюджетомъ земства. Что же должно сказать о стоимости всеобщаго обученія во всей Россіи? Мы не знаемъ, какими расчетами руководствовался г.

фонь-Аврепъ, составитель думскаго проэкта всеобщаго обученія но, по его проэку, осуществленіе всеобщаго обученія потребуеть колоссальной суммы въ *1,084,000,000 рублей!* Гдѣ намъ взять этотъ – легко сказать! – миллиардъ, когда потребности государства быстро увеличиваются, а между тѣмъ чуть не половина нашего бюджета сѣдаетъ уплата по займамъ, все растущимъ, вся страна находится въ глубокомъ экономическомъ потрясеніи отъ войны и смуты, а неурожаи и другія бѣдствія довершаютъ разрушеніе нашего государственнаго блгосостоянія?

Нѣтъ, если о скорѣйшемъ просвѣщеніи народа думаютъ серьезно, а не въ угоду только моднымъ общественнымъ теченіямъ, то нельзя не принимать въ соображеніе стоимости этого просвѣщенія, какъ совѣтуеть Д.И. Менделѣевъ. И въ этомъ отношеніи на сторонѣ церковной школы – большое преимущество: она гораздо дешевле министерской и земской. Въ то время какъ содержаніе одной министерской одноклассной школы напр. въ Кіевск. губ. въ 1904 году обходилось въ 757 р. 63 к., содержаніе такой же церковной школы стоило въ 3 раза меньше – 246 р. 2 к., содержаніе двуклассной министерской – 2041 р. 48. церковной – 952 р. 82, т.е. въ два раза дешевле. Не хотимъ скрывать: иногда, (далеко однако не такъ часто, какъ думаютъ), эта дешевизна бываетъ въ ущербъ постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ церковной школѣ, но нельзя не признать за завѣдующими этой школой умѣнья съ малыми средствами достигать многого. Въ рукахъ пастырей, завѣдующихъ школами, находятся такіе способы къ добыванію средствъ, которые доступны только людямъ мѣстнымъ и лицамъ духовнаго сана: будучи близко знакомы съ своей паствой, и мѣстными экономическими условіями, они знаютъ, на кого изъ вліятельныхъ прихожанъ и какъ подѣйствовать, чтобы расположить къ пожертвованіямъ на школьное дѣло, и какъ экономнѣе израсходовать полученныя средства. Нерѣдко средства на школу даются крестьянами натурою, (матеріаломъ, работою), что всегда для крестьянина легче, чѣмъ жертва деньгами. Созданіе и веденіе школы въ приходѣ имѣетъ то преимущество предъ веденіемъ дѣла министерствомъ, что это свое, мѣстное дѣло: тутъ нѣтъ надежды на казну, на которую крестьянинъ всегда готовъ сложить всякую лишнюю обузу, каковою онъ считаетъ нерѣдко и школу. Если дѣло зародилось на мѣстѣ, по инициативѣ священника, если къ нему

примкнули прихожане, по убѣжденію пастыря, то крестьяне относятся къ дѣлу со стороны экономической весьма строго. Они могутъ пожертвовать до нѣкоторой степени стороной учебно-воспитательной, менѣе имъ понятной, лишь бы соблюсти всю возможную въ содержаніи школы экономію. Бѣдень нашъ мужичокъ, и по необходимости тугъ, онъ на всякую копѣйку, вынимаемую имъ изъ своего тощаго кошелька. Но нельзя сказать, чтобы, вообще, наша деревня не имѣла средствъ на школу: доходы, получаемые ежегодно нашимъ акцизнымъ вѣдомствомъ, показываютъ, что деньги могли бы найтись, лишь бы убѣдить крестьянина отдать ихъ не въ кабакъ, а на школу. Вотъ тутъ-то вліяніе добраго пастыря незамѣнимо. Благодаря этимъ разнообразнымъ вліяніямъ многихъ, затерянныхъ по разнымъ угламъ нашей обширной родины, безвѣстныхъ пастырей, и притекають къ школѣ лепты народныя, которыхъ, какъ мы видѣли, набралось за 23 года существованія церковной школы 82 милліона рублей.

V.

Говоря о способахъ удешевленія народнаго образованія, нельзя не коснуться отношенія, установившагося въ нашихъ правительственныхъ и общественныхъ кругахъ къ такъ называемымъ школамъ грамоты, этому дешевѣйшему типу народной школы. Принято относиться къ нимъ съ пренебреженіемъ, какъ къ неудовлетворяющимъ нормальнымъ педагогическимъ и гигиеническимъ требованіямъ. Обыкновенно, онѣ игнорируются при составленіи статистическихъ данныхъ по народному образованію, и почти всѣ земства при составленіи проэктвъ введенія всеобщаго обученія школь грамоты совсѣмъ не принимаютъ въ расчетъ, причисляя все множество дѣтей, въ нихъ обучающихся, къ «остающимся безъ обученія». А сколько укоровъ раздавалось и раздается по адресу духовенства изъ-за этихъ школь!

Между тѣмъ, такое отрицательное отношеніе къ нимъ является совсѣмъ незаслуженнымъ. То – правда, что онѣ часто бываютъ

далеки от той нормы требований, которая предъявляется ко всякой школе в отношении педагогическомъ и гигиеническомъ. Но, ради Бога, – отъшнитесь хоть на минутку отъ заученныхъ, теоретическихъ требований и взгляните трезвыми глазами на русскую дѣйствительность! Откуда рождаются эти школы? Вѣдь они не созданіе богатаго помѣщика, построившаго школу, но потомъ не захотѣвшаго почему-либо поддерживать ее на должной высотѣ: ему это справедливо было бы поставить въ вину. Наши школы грамоты – плодъ стремленій нашего крестьянина къ свѣту (Совершенно справедливую мысль, продиктованную знаніемъ жизни, высказалъ въ Государственной Думѣ при обсужденіи вопроса объ ассигнованіи 4-хъ милліоновъ руб., на жалованіе учителямъ церк. школъ депутатъ отъ Минской губ. Павловичъ: «церковно-приходскія школы, сказалъ онъ, явились поистинѣ открытымъ шлюзомъ, куда хлынула волна русскихъ дѣтей для удовлетворенія своей потребности въ образованіи». Церк. Вѣдом., 1908 г. Прибавл. № 49, стр. 2398), и цѣну этихъ стремленій можно представить себѣ, лишь принявъ въ соображеніе, какъ мало подчасъ крестьянинъ имѣетъ условій, благопріятствующихъ его стремленіямъ. Нельзя, поэтому, не цѣнить и всячески не поддерживать это святое стремленіе. Если къ священнику приходятъ его прихожане изъ приписной къ его селу деревни и умоляютъ открыть хоть школу грамоты за неимѣніемъ средствъ на одноклассную школу, умоляютъ въ виду того, что зимой ихъ дѣтямъ невозможно ходить за три-четыре версты въ сельскую школу, скажите, – достанетъ ли духу у пастыря отказать въ этомъ своимъ овцамъ, для просвѣщенія которыхъ онъ и поставленъ? Достанетъ ли у него духу сказать: а хватитъ ли, моль, у васъ средствъ платить по 300 р. въ годъ учителю, а имѣется-ли у васъ требуемое школьной гигиеной кубическое содержаніе воздуха и свѣта на cadaго ученика? Станетъ ли онъ имъ это говорить, когда они начнутъ ему доказывать, – да онъ и самъ это хорошо знаетъ, – что они не могутъ содержать «городского учителя», а нашли своего грамотѣя по сходной цѣнѣ, да и хату нашли недорогую для помѣщенія школы? Нужно понять эту психологію пастыря и тогда станетъ ясенъ отвѣтъ на вопросъ: можно ли винить въ этомъ случаѣ пастыря? И можно ли винить его овецъ за то, что они хотятъ

добиться свѣта черезъ щель, не имѣя возможности добыть его черезъ окно?

«Большинство людей, не имѣющихъ къ школьному дѣлу никакого оффиціального отношенія, говорить С.А. Рачинскій, никогда не прилагавшихъ къ нему рукъ, но имѣющихъ на него вліяніе въ силу мѣстнаго своего вѣса, относятся къ школамъ грамоты отрицательно и презрительно. Происходить это оттого, что у всѣхъ въ памяти, отчасти еще на глазахъ, деревенская школа стараго типа, съ пьянымъ проходимцемъ учителемъ, случайно забредшимъ въ деревню и плѣнившимъ безграмотныхъ родителей своею рѣчистью и дешевизною... Но въ дѣлѣ столь новомъ, какъ правильное подчиненіе школъ грамотности школъ церковно-приходской, намъ надлежать имѣть въ виду не то, чѣмъ была до сихъ поръ деревенская школа, возникшая случайно, безъ всякаго руководства и контроля, но то, чѣмъ она можетъ и должна быть, то, чѣмъ она стала въ тѣхъ случаяхъ, когда на нее обращено было должное вниманіе. Къ лучшимъ моимъ школьнымъ впечатлѣніямъ и воспоминаніямъ принадлежать посѣщенія школъ грамотности новаго типа, съ учителемъ – мѣстнымъ крестьяниномъ изъ лучшихъ учениковъ мѣстной доброй школы» (Сельская школа, стр. 287 и 288).

«Принято, говорить онъ-же въ другомъ мѣстѣ, ставить въ укоръ духовенству явную неудовлетворительность множества школъ грамотности, нынѣ существующихъ и подлежащихъ его надзору. Укоръ этотъ несправедливъ. Плохія эти школы созданы не духовенствомъ, а мѣстною нуждою, помимо всякихъ правительственныхъ распоряженій. Учителя ихъ выбраны мѣстными крестьянами. Духовенство не въ правѣ закрывать эти школы, если, какъ это и бываетъ въ большинствѣ случаевъ, онѣ приносятъ хотя малую долю пользы, не замѣнивъ ихъ школами болѣе совершенными. А такая замѣна требуетъ времени» (Тамъ-же, стр. 250).

Сказанное достаточно ясно показываетъ, насколько несправедливо отпошеніе къ школамъ грамоты со стороны, напр. земствъ, изъ коихъ почти всѣ, въ томъ числѣ и кievское, отказываютъ въ субсидированіи этихъ школъ. Вслѣдствіе этого, многія школы

грамоты въ Кіевской губ, закрылись, чѣмъ, думаемъ, нанесень серьезный вредъ дѣлу народнаго образования, ибо всякая школа грамоты является естественнымъ проводникомъ болѣе совершенной школы и временной ея замѣстительницей.

Необходимо принять въ соображеніе и слѣдующее замѣчаніе, которое дѣлаеть такой компетентный знатокъ вопроса, какъ завѣдывающій статистическимъ отаѣломъ Училищ. Совѣта при Св. Синодѣ, П.П. Лупновъ. «Если мы подѣлимъ Россію, говорить онъ, на 265 тысячъ школьныхъ районовъ (по числу необходимыхъ для введенія всеобщаго обученія школь), съ школьнымъ радіусомъ въ три версты, то окажется, что довольно много селеній не попадетъ въ эти районы; напримѣръ, въ Иркутской губ. на каждую школу пришлось бы 626 квадр. версть, въ Тобольской 444, въ Волынской 122 версты, а не 28,3, какъ это полагалось бы при 3 верстахъ радіуса; съ другой стороны, нѣкоторыя селенія, захваченныя школьнымъ радіусомъ, не будутъ имѣть достаточнаго для одноклассной школы числа учащихся, наконецъ, несомнѣнно, найдутся селенія, для которыхъ окажется гораздо удобнѣе имѣть свою хотя бы и маленькую и не совсѣмъ устроенную школу, чѣмъ посылать дѣтей въ сосѣднюю, хотя бы и большую и болѣе благоустроенную школу».

Какъ насаждать грамотность въ такихъ, т.е. не попавшихъ въ школьные районы или недостаточно населенныхъ пунктахъ? Устройство здѣсь одноклассной школы съ учителемъ въ 360 рублей не грозитъ ли непроизводительнымъ расходомъ денежныхъ суммъ? Думается, что школа грамоты въ такихъ случаяхъ была бы умѣстнѣе и цѣлесообразнѣе, чѣмъ школа одноклассная.

Обстоятельство это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что въ Россіи за послѣднее время замѣчается переходъ населенія къ хуторному хозяйству, поощряемый и правительствомъ. Хуторная система хозяйства, конечно, еще болѣе затруднить доступъ населенія къ начальной школѣ: разселенные на большихъ пространствахъ хуторяне, окажутся въ отношеніи къ школѣ въ такомъ же положеніи, въ какомъ теперь находится населеніе деревень въ отношеніи къ приходскому храму и приходской школѣ, а учрежденія, вѣдающія народное образование, будутъ поставлены

въ положеніе полной невозможности учреждать школы вездѣ, гдѣ въ этомъ есть или будетъ потребность. И здѣсь во многихъ случаяхъ маленькая школа грамоты будетъ доступнѣе населенію, чѣмъ одноклассная съ 4-хъ лѣтнимъ курсомъ школа съ числомъ учащихся не менѣе 50-ти человекъ» (Церк. Вѣдом., 1908 г. № 43. Прибавленія, стр. 2096 и 2007).

VI.

Что касается вообще многочисленныхъ нападокъ на церковную школу, и болѣе совершеннаго типа, чѣмъ школа грамоты, то на это должно прежде всего сказать, что нападки эти являются въ большой степени преувеличенными и нерѣдко проистекають отъ недостаточнаго знакомства съ церковными школами или отъ умышленнаго извращенія истины. По Кіевской губерніи, напр., документально можетъ быть доказано, что постановка учебно-воспитательнаго дѣла въ церковныхъ школахъ нисколько не ниже, чѣмъ въ школахъ министерскихъ и земскихъ. Если же встрѣчаются недостатки въ школахъ церковной, какъ, напр. скудость помѣщенія и оборудованія, малообеспеченность и иногда сравнительно болѣе низкій уровень учительскаго персонала и т.п., то нужно имѣть въ виду, что отъ всякой церковной школы невозможно требовать одинаковыхъ результатовъ съ школой свѣтской, при несоотвѣтствіи условій, въ которыя поставлена дѣятельность той и другой.

Но намъ возразятъ съ другой стороны: высотѣ раскрываемой вами совершенно правильной идеи церковно-приходской школы не соотвѣтствуетъ наличное нравственное состояніе нашего духовенства, что священники истинно добрые слишкомъ рѣдки, что большинство священниковъ къ школьному дѣлу относится равнодушно, что многіе изъ нихъ приносятъ этому дѣлу одинъ вредъ.

Нѣтъ спора. Среди священниковъ, какъ и среди всякаго другого сословія, есть люди равнодушные, есть люди, приносящіе вредъ школьному дѣлу. Но многіе изъ нихъ («Ссылаюсь, говорить С.А. Рачинскій, на сужденіе всѣхъ безпристрастныхъ наблюдателей, уже

не одинъ десятокъ лѣтъ слѣдящихъ за внутреннею жизнью нашихъ сель и весей. Каждый изъ нихъ несомнѣнно скажетъ, что число сельскихъ священниковъ, проникнутыхъ стремленіемъ къ плодотворной, истинно пастырской дѣятельности, разительно *возрастаетъ*, что увеличивается число священниковъ *учительныхъ* и въ церкви и въ школѣ, что именно въ школьномъ дѣлѣ изъ ихъ числа стали появляться дѣятели выдающіеся, о коихъ прежде не было и помину». Сельская Шк. стр. 245) хорошо сознавая всю пользу приходской школы, этой незамѣнимой помощницы въ пастырскомъ дѣлѣ, безкорыстно и терпѣливо отдаютъ школѣ свои силы, а нерѣдко и свои скудные средства. Не признавать этого – значить, смѣло говоримъ, грѣшить противъ этихъ народныхъ труженниковъ. Къ 1907 году начальныхъ (т.е. кромѣ второклассныхъ и церковно-учительскихъ) школъ церковныхъ было 41,442 съ 2,012 тысячами учащихся. Кто же ведетъ эти школы, какъ не пастыри Церкви? Однихъ законоучителей (изъ лицъ духовныхъ) на указанное число школъ состояло 35,814 чел., а въ общее число учителей – 48,433 входило членовъ причта 4788 чел.

Поучительны въ данномъ случаѣ слова человѣка, на самомъ себѣ испытавшаго недостатки духовенства въ школьномъ дѣлѣ. Это все тотъ-же С.А. Рачинскій («Много пришлось мнѣ вытерпѣть огорченій отъ неумѣлости и небрежности иныхъ священниковъ», признается онъ въ одномъ мѣстѣ (Сельск. шк., стр. 245), Сильно болѣлъ онъ душой и по поводу довольно распространеннаго въ духовенствѣ порока – пьянства: отъ него остались горячо написанныя письма о трезвости къ духовнымъ лицамъ и къ студентамъ духов. академій). «Мнѣ могутъ возразить, пишетъ онъ въ заключеніе одной изъ своихъ статей, что я постоянно говорю лишь о священникахъ достойныхъ, и что поэтому мои разсужденія столь же мало убѣдительны, какъ и разсужденія враговъ церковной школы, основанныя на подразумѣваемомъ предположеніи, что всѣ священники – негодны. Но дѣло въ томъ, что силы положительныя всегда дѣйственнѣе силъ отрицательныхъ, если только обстоятельства данъ имъ должный просторъ Повторяю: не изъ негодяевъ, не изъ героевъ состоитъ большинство всякой общественной группы, а изъ людей колеблющихся и слабыхъ, бездѣятельныхъ и косныхъ. Задать тонъ этому большинству можетъ только избранное меньшинство, имѣющее возможность

широкой и плодотворной дѣятельности. Существованіе, быстрый ростъ такого меньшинства въ средѣ нашего сельскаго духовенства не можетъ быть отвергнуто наблюдателемъ внимательнымъ и безпристрастнымъ. Поддержка этого меньшинства, предоставленіе достойнаго поля его просвѣтительной дѣятельности есть прямая обязанность каждаго изъ насъ, православныхъ христіанъ, есть единственный путь, намъ доступный, для умноженія числа пастырей добрыхъ, для усиленія ихъ плодотворнаго вліянія на всю духовную среду.

И, если мы дѣйствительно православные христіане, развѣ не поддержать насъ въ этомъ дѣлѣ наша вѣра въ несокрушимость Церкви въ смыслѣ союза и духовенства и мірянъ, въ благодать священства, въ помощь Божию, никогда не оставляющую насъ въ дѣлѣ, предпринятомъ во имя святое Его (Сельск шк., стр. 255 и 256).

Въ дополненіе къ этимъ прекраснымъ словамъ высокопросвѣщеннаго мыслителя-христіанина приведемъ мнѣніе нашего великаго писателя, нынѣ чествуемаго всей Россіей по случаю 100 лѣтія со дня его рожденія, Н.В. Гоголя. Въ письмѣ его къ одному молодому помѣщику, среди другихъ очень разумныхъ совѣтовъ касательно устройства хозяйства и отношеній къ крестьянамъ, мы находимъ такія не лишеныя современнаго значенія строки.

«Кстати о священникѣ. Ты напрасно хлопчешь объ его перемѣнѣ и затѣваешь просить архіерея, чтобы онъ далъ тебѣ болѣе знающаго и опытнаго: такого священника онъ тебѣ не дастъ, потому что такой священникъ повсюду нуженъ. Выбрось даже изъ головы, чтобы могъ отыскаться священникъ, вполне отвѣчающій твоему идеалу. Никакая семинарія и никакая школа не можетъ такъ воспитать священника. Въ семиріи онъ получаетъ только начальное основаніе своего воспитанія, образуется же вполне въ дѣлѣ жизнью. Будь самъ ему наставникомъ, ты же понялъ такъ хорошо обязанности сельскаго священника. Если священникъ дурень, то этому почти всегда виноваты сами помѣщики. Опи, намѣсто того, чтобы пригрѣть его у себя въ домѣ, какъ роднаго, поселить въ немъ

желаніе бесѣды лучшей, которая могла бы его чему нибудь поучить, бросать его среди мужиковъ, молодого и неопытнаго, когда онъ еще и не знаетъ, что такое мужикъ, поставять его въ такое положеніе, что онъ еще долженъ потворствовать и угрожать имъ, намѣсто того, чтобы уже съ самага начала имѣть надъ ними нѣкоторую власть, и послѣ этого вопіюють, что у нихъ священники дурные, что они приобрѣли мужицкія ухватки и ничѣмъ не отличаются отъ простыхъ мужиковъ. Да я спрашиваю: кто не огрубѣть даже изъ приготовленныхъ, и воспитанныхъ? А ты сдѣлай вотъ какъ. Заведи, чтобы священникъ обѣдалъ съ тобой всякій день. Читай съ нимъ вмѣстѣ духовныя книги. А самое главное, – бери съ собой священника повсюду, гдѣ ни бываешь на работахъ... Къ нему будетъ больше уваженія со стороны мужиковъ, когда они увидятъ, что онъ идетъ съ тобою объ руку. Сдѣлай такъ, чтобы онъ не нуждался въ домѣ своемъ, чтобы былъ обезпеченъ относительно собственнаго своего хозяйства, и черезъ то имѣлъ бы возможность быть съ тобою безпрестанно. Повѣрь, что онъ такъ привыкнетъ къ тебѣ, что ему будетъ скучно безъ тебя. А привыкнувши къ тебѣ, онъ отъ тебя нечувствительно наберется и познанія вещей, и познанія человѣка, и много всякаго добра» (Сочиненія Н.В. Гоголя, изд. Маркса, т. VII, стр. 120 и 121).

То, что Н.В. Гоголь говоритъ здѣсь о крайней важности для священника образованной, понимающей его и благожелательной ему среды, вполне примѣнимо и къ нашему времени. А между тѣмъ, – гдѣ-же теперь эта среда? Гдѣ эти помѣщики, которые относились бы къ священнику такъ, какъ совѣтуетъ Гоголь и какъ дѣйствительно бывало въ доброе, старое время? Увы, ихъ становится все меньше и меньше. А та среда, которая имѣется нынѣ въ деревнѣ, по большей части такова, что нисколько неспособна бываетъ предохранить священника отъ одичанія. Наряду съ исчезновеніемъ или выселеніемъ въ города образованнаго дворянства мы видимъ размноженіе другой сельской интеллигенціи, отъ Церкви оторванной, часто духовенству враждебной, неисклѣпимо невѣжественной, потому что она считаетъ свое невѣжество развитіемъ.

Нужно-ли удивляться послѣ этого, что въ рядахъ нашего сельскаго духовенства много людей порочныхъ, еще болѣе равнодушныхъ и

небрежныхъ въ исполненіи своихъ обязанностей? «Никто, конечно не возьмется утверждать, говоритъ С.А. Рачинскій, чтобы въ рядахъ духовенства процентъ недостойныхъ былъ больше, чѣмъ въ сословіи, напр. педагогическомъ, врачебномъ, судебномъ и т.д. Статистикѣ эти вещи не подлежатъ. Полагаю, однако, что люди зрѣлаго жизненнаго опыта сойдутся на заключеніи, что не намъ, мірянамъ, бросать въ духовенство первый камень. Тѣмъ не менѣе, прибавляетъ онъ, естественно и законно желаніе видѣть въ духовенствѣ не нравственный сколокъ съ прочихъ сословіи, а примѣръ для ихъ назиданія, видѣть на немъ, въ предѣлахъ немощи человѣческой, ту соль земли, безъ коей послѣдняя остается бесплодною и мертвою» (Сельск, шк., стр. 242). И въ концѣ концовъ онъ все таки приходитъ къ заключенію, что никому другому, помимо духовенства, школы низшаго разряда поручены быть не могутъ.

Мы прибавимъ, что совмѣстная съ приходскимъ, напр., совѣтомъ работа по приходу и школѣ способна въ свою очередь оказать благотворное вліяніе на отношеніе священниковъ къ школѣ: преданныхъ дѣлу ободрить, равнодушныхъ пробудить, недостатки немощныхъ восполнить и исправить, ибо приходскій совѣтъ (или приходское братство, попечительство и т.п.) представляетъ уже до нѣкоторой степени общественную среду съ большей или меньшей степенью воздѣйствія.

VII.

Но намъ скажутъ: у насъ прихода-то нѣтъ, кому воздѣйствовать?

Не станемъ приводить фактовъ замѣчаемаго – слава Богу, оживленія, хотя и медленнаго, въ приходской жизни: помимо наблюденій, имѣемъ небольшой личный опытъ устройства и небезполезной дѣятельности приходскаго братства, среди простого народа. Но изложеніе всего этого завело-бы насъ далеко. На поставленное возраженіе, а также на многія другія возраженія, почерпаемая изъ наличной дѣйствительности, скажемъ одно: согласны, что въ дѣйствительности далеко не все соотвѣтствуетъ

идеѣ церковно-приходской школы, но въ рѣшеніи такого коренного и важнаго вопроса, какъ народное обученіе, нужно исходить не изъ того, что *есть*, а изъ того, что *должно быть*.

«Вопросъ о народномъ обученіи, справедливо указываетъ Н.П. Гиляровъ-Платоновъ, есть вопросъ не о частномъ злѣ и не о частномъ благѣ, которое можетъ разлить та или другая система: здѣсь вопросъ о будущемъ цѣлой Россіи... ибо какъ ни плохи будутъ учрежденія, но когда духъ народа цѣль, государство остается непоколебимо; а когда послѣдовало въ народѣ нравственное разложеніе, тогда самыя превосходныя учрежденія не удержать государство отъ гибели.... Весь вопросъ въ томъ: дадимъ ли мы ему такихъ проводниковъ, которые будутъ для него не болѣе, какъ просветителями въ собственномъ смыслѣ, то есть, помогутъ ему только сознательно утвердиться въ тѣхъ же преданіяхъ и обычаяхъ, которыя до сихъ поръ онъ признавалъ слѣпо? Или же, предоставимъ общественному меньшинству, колеблемому всякимъ вѣтромъ ученія, и въ настоящую минуту случайно настроенному противоположно исконнымъ русскимъ началамъ, вывести народъ на совершенно новую дорогу, которой и конца не видно?» (Сборникъ сочин., т. II. изд. К.П. Побѣдоносцева, стр.130 и 140).

Если вы убѣжденно присоединяетесь къ первому, если вы признаете идею церковно-приходской школы правильной, если вы твердо сознаете, что построенная не на церковной основѣ начальная школа не дастъ истиннаго просвѣщенія народу, и если вы видите, что такая начальная школа все еще остается въ идеѣ, то, очевидно, выводъ долженъ получиться для васъ не тотъ, что нужно пренебречь и самой идеей изъ за несовершенства ея воплощенія, а – тотъ, что нужно все усилія употребить для того, чтобы привести наличныя условія дѣйствительности въ должное соотвѣтствіе съ идеей. Если духовенство не на высотѣ своего положенія, – позаботьтесь объ улучшеніи его матеріальнаго обезпеченія, столь затрудняющаго его служеніе, о преобразованіи духовной школы и т.п. Если вы не видите живой приходской жизни, содѣйствуйте открытію приходскихъ учреждений и употребляйте всякія другія къ тому мѣры. Если, вообще, вы находите въ церковной жизни что-либо несоотвѣтствующее достоинству Церкви, – поработайте для искорененія этого, не будьте равнодушными къ нуждамъ Церкви,

подобно многимъ интеллигентамъ, осуждающимъ Церковь и перстомъ не желающимъ двинуть для ея врачеванія. Пусть всякій изъ насъ, кто чѣмъ можетъ, посодѣйствуетъ наиболѣе совершенному осуществленію всѣми нами признаваемой идеи!

VIII.

Возвращаясь к указаннымъ нами въ началѣ статьи мѣропріятіямъ Государственной Думы въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія, къ какому заключенію мы должны придти на основаніи всего сказаннаго?

Очевидно, прежде всего, что отношеніе Думы къ церковно-приходской школѣ является мало продуманнымъ и прямо тенденціознымъ. Многимъ, повидимому, не нравится мысль о передачѣ дѣла народнаго образованія Церкви, и причина этого, – такъ сказать, въ нецерковности самихъ членовъ Думы. Церковь для нихъ – не родная сфера, а нѣчто постороннее. Слѣдя за речами думскихъ ораторовъ, видишь у иныхъ затаенное опасеніе клерикализма. Этотъ давній предрасудокъ, навѣянный на наши образованные классы западно-европейскимъ воспитаніемъ, не имѣетъ у насъ подъ собою никакого реальнаго основанія. И говорить противъ этого много не стоитъ. Это – сплошное и прискорбное недоразумѣніе. Просмотрите нашу исторію и вы увидите въ ней нѣсколько моментовъ, когда церковная власть являлась первенствующей въ государствѣ, но никогда она не пользовалась этимъ своимъ положеніемъ для захвата свѣтской власти въ свои руки, наоборотъ, всегда поддерживала и укрѣпляла верховную власть царскую. Такъ было въ старину, тѣмъ болѣе – теперь. Что касается лѣвыхъ элементовъ Думы, то ихъ боязнь Церкви – этого наиболѣе могучаго оплота противъ всякаго безначалія вполнѣ понятна. Полякъ Дзюбинскій передачу начальныхъ школъ духовенству такъ и назвалъ «опасностью» и предостерегалъ Думу отъ «захвата духовенствомъ всего дѣла народнаго образованія».

Что касается выбора типа начальной школы при введении всеобщего народного обучения, то из двух ныне существующих школъ свѣтской (министерской, земской) и церковно-приходской, предпочтеніе несомнѣнно должно отдать послѣдней.

Вопросъ объ объединеніи начальныхъ школъ въ одномъ вѣдомствѣ имѣетъ свою исторію, на которую и указывалъ въ своей рѣчи мирнообновленецъ Львовъ (отъ Саратов. губ.). Еще въ 1887 году Высочайше утвержденными 12 мая мнѣніемъ Государственного Совѣта министру народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурору Св. Синода поручено было совмѣстное разрѣшеніе вопроса: нѣ какомъ вѣдомствѣ должно сосредоточиться завѣдываніе начальными училищами. Порученіе это подтверждено Высоч. утвержд. мнѣніемъ Г. Совѣта 8 іюля 1893 г. Въ маѣ мѣсяць 1895 г. Государств. Совѣтъ вновь обратилъ вниманіе на необходимость разрѣшенія этого вопроса. Но въ 1897 году, при обсужденіи ходатайства оберъ-прокурора Св. Синода о дополнительномъ ассигнованіи средствъ на устройство и содержаніе церковно-приходскихъ школъ, законодательная власть признала, что дело начальнаго народнаго образованія представляетъ такія обширныя и важныя задачи, достиженіе которыхъ не можетъ быть посылно для одного какого-либо сословія, учрежденія или вѣдомства. Находя, поэтому, что надлежитъ одинаково заботиться о возможномъ развитіи дѣятельности какъ Св. Синода, такъ и министерства народ. просвѣщенія по насажденію начальнаго образованія, Государств. Совѣтъ высказался въ томъ смыслѣ, что порученія, возложенныя на оберъ-прокурора Св. Синода и министра нар. просв. въ 1887 и 1893 г.г., должны почитаться отмѣненными.

Съ тѣхъ поръ вопросъ оставался безъ движенія, пока снова не былъ поднятъ въ Государств. Думѣ. Вся лѣвая часть Думы доказывала необходимость передачи всѣхъ начальныхъ школъ министерству народ. просвѣщенія. Но истина прорывалась и въ разсужденіяхъ даже этой части Думы. Саратовскій депутатъ Львовъ, доказывавшій необходимость «объединенія» школъ, т.е. уничтоженія церковной школы, не замѣчая, какъ онъ самъ противорѣчитъ себѣ, призналъ, что «свѣтскихъ школъ въ Россіи существовать не можетъ; не можетъ существовать такихъ школъ, какія существуютъ во Франціи, гдѣ Евангеліе и крестъ удалены изъ школъ, гдѣ дѣло

обученія Закону Божию является дѣломъ частнымъ, родителей. Такихъ школъ въ Россіи быть не можетъ: не можетъ потому, что народъ нашъ настолько глубоко религіозенъ, что онъ прямо не принялъ-бы такихъ школъ, онъ отвергнули бы ихъ» (Церк. Вѣдом. 1908 г., Прибавленія, № 50 стр. 2445). Если «свѣтскихъ школъ въ Россіи существовать не можетъ», то ясно, что слѣдовало-бы говорить объ объединеніи не церковныхъ школъ съ свѣтскими (земскими), а наоборотъ: такъ выходитъ по здоровой логикѣ. Но по логикѣ лѣваго оратора вышло какъ разъ наоборотъ.

На паперекоръ здоровому смыслу, и вопреки указаніямъ дѣйствительности лѣвые думцы находятъ возможнымъ отдавать предпочтеніе земской школъ. Между тѣмъ, окружающая дѣйствительность за послѣдніе годы дала слишкомъ достаточно доказательствъ крайняго упадка учебной, и особенно воспитательной стороны въ этой школъ. Достаточно привести характеристику, даваемую земской школъ официозною «Россіей» «Какая разлица, спрашиваетъ газета, между земской и церковно-приходской школой? Конечно, эта разлица огромная, если считать желательной, или хотя бы допустимой такую земскую школу, какъ школа, гдѣ преподавали учителя, вродѣ тѣхъ, которыми щегольнули такъ называемые «трудовики» въ первой Думѣ, гдѣ грамотѣ обучали по прокламаціямъ, гдѣ священникамъ платили двойную плату за каждый пропускаемый ими урокъ, и гдѣ священникъ, который не желалъ пропускать уроковъ, подвергался оскорбленіямъ, гдѣ фактическими руководителями школы являлась бѣжавшіе съ каторги политическіе убійцы, проживавшіе подъ видомъ неизвѣстнаго званія неизлечимыхъ больныхъ въ земскомъ сумасшедшемъ домѣ, гдѣ негласный «комитетъ 28» разсылалъ «смертные приговоры» учителямъ, заподозрѣннымъ въ нежеланіи слѣдовать «директивамъ» (Церк. Вѣдом за 1968 г., Прибавл. № 47. стр. 2295 и 2296).

Но довольно! Можно было-бы и еще нѣчто сказать, но и сказаннаго, полагаемъ, достаточно для всякаго имѣющаго уши, чтобы слышать и – разумъ, чтобы понимать. Охотно готовы признать, что въ сказанномъ много найдется недостатковъ; молимъ Господа, чтобы и посильное, скромное наше слово не оставлено было безъ плода Единымъ Возвращающимъ.

Одно осмѣлимся признать за собой въ предлагаемомъ трудѣ – искреннее желаніе блага дорогой родинѣ и боголюбивому русскому народу. А поставленнымъ надъ народомъ для устроенія его благоденствія и разсуждающимъ объ его образованіи намъ хотѣлось-бы сказать: подальше отъ этого святого дѣла – нечистыя руки! Подальше инородческая вражда и домашняя измѣна! Это дѣло – рѣшать тѣмъ, у кого грудь волнуется святыми чувствами любви къ Богу, Царю и родинѣ, А этимъ послѣднимъ мы хотѣли-бы сказать: соберите весь свой смыслъ государственный и рѣшите святое дѣло такъ, чтобы не сказалъ о васъ судь родной исторіи: «камень его же не въ ряду сотвориша заждущии, той бысть во главу угла».

Свящ. М. Алабовскій.

Благотворительный съездъ въ С.-Петербургѣ и откликъ на него изъ Кіева

8–13-го марта текущаго года въ С.-Петербургѣ состоялся первый всероссійскій съездъ дѣятелей по общественному призрѣнію и частной благотворительности.

Къ участию въ съездѣ приглашались представители благотворительныхъ вѣдомствъ, представители благотворительныхъ учреждений, какъ правительственныхъ, такъ и земскихъ и городскихъ, представители частныхъ благотворительныхъ обществъ, а равно и частныя лица, интересующіяся вопросами благотворительности.

Программа съезда состояла изъ 6-ти вопросовъ: 1) распредѣленіе обязанностей по общественному призрѣнію между правительственными и общественными учреждениями; 2) основная первоначальная единица организаціи общественнаго призрѣнія (всесословная волость, приходъ или что-либо другое); 3) какіе у насъ возможны источники матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для надлежащей постановки общественнаго призрѣнія; 4) мѣры для упорядоченія частной благотворительности (установленіе взаимодѣйствія частныхъ благотворительныхъ обществъ, созданіе особыхъ органовъ контроля надъ расходомъ суммъ этихъ обществъ и проч.); 5) о постановкѣ профессиональнаго обученія дѣтей, призрѣваемыхъ въ воспитательно-благотворительныхъ заведеніяхъ; 6) о возрастномъ предѣлѣ содержанія дѣтей въ воспитательно-благотворительныхъ заведеніяхъ.

Въ качествѣ представителей Кіевскихъ городскихъ участковыхъ попечительствъ были: г-жа Дьякова и гласный Думы Кучинскій. Къ сожалѣнію, изъ представителей церковно-благотворительныхъ учреждений г. Кіева никого на сѣздѣ не было. Между тѣмъ благотворительный сѣздъ представляетъ изъ себя явленіе, заслуживающее серьезнаго вниманія, какъ первая общественная попытка упорядоченія дѣла благотворительности, которое должно быть предметомъ особой заботливоста пастырей Церкви и вообще прихода.

Въ печати слишкомъ мало вниманія удѣлено благотворительному сѣзду, и мы не знаемъ, какая судьба постигла нижеслѣдующій докладъ. Въ виду, позволяемъ думать, церковно-общественнаго интереса этого доклада предлагаемъ его вниманію читателей цѣликомъ.

Докладъ этотъ, составленный свящ. М. Алабовскимъ, былъ подписанъ еще нѣсколькими лицами, вполне раздѣлявшими главную его мысль: протоіереемъ Н.М. Клицинымъ (предсѣдателемъ св. Николаевскаго Братства при Кіево-Вознесенской церкви), діакономъ Н.Э. Дурдуковскимъ (членомъ совѣта того же Братства), М.А. Солнцевой (членомъ Дамсек. Комитета при Борисоглѣб. Братствѣ), Н.И. Черницкимъ (членомъ совѣта св. Николаевскаго Братства, членомъ совѣта Лукьянов. город. попеч. о бѣдныхъ, почет. чл. Борисоглѣб. Братства, чл. Правленія Дома трудолюбія), А.Л. Карновичемъ (чл. совѣта Лукьян. участк. попеч. о бѣд. и чл. совѣта ев. Николаевскаго Братства), проф. П.В. Никольскимъ (чл. совѣта Лукьянов. уч. поп. о бѣд., почетн. членомъ св. Макарьевскаго Братства при Кіево-Юрковец. церкви) и В.І. Богородицкой (завѣдующей дѣт. дней. приютомъ св. Ольги).

Не имѣя, къ сожалѣнію, возможности принять личное участіе въ трудахъ открывающагося 8-го марта съѣзда русскихъ дѣятелей по столь важному государственному дѣлу, болѣе или менѣе для насъ близкому, мы, нижеподписавшіеся, считаемъ необходимымъ высказать свое мнѣніе по одному изъ основныхъ вопросовъ благотворительности, именно-по вопросу объ основной первоначальной единицѣ организацій общественнаго призрѣнія, поставленному въ программѣ съѣзда вторымъ.

Наше глубокое убѣжденіе состоитъ въ томъ, что таковою единицей въ нашемъ отечествѣ долженъ быть приходъ. Въ подтвержденіе этого положенія могутъ быть приведены слѣдующія соображенія.

1. Приходъ является самой желательной первоначальной единицей общественнаго призрѣнія, прежде всего, съ точки зрѣнія самой идеи христіанской благотворительности. Считаемъ внѣ сомнѣній и споровъ положеніе, что въ основу всего дѣла благотворительности въ Россіи должно быть положено христіанское понятіе о ней. Руководящимъ взглядомъ для дѣятелей общественнаго призрѣнія и частной благотворительности долженъ быть не тотъ, какой выработанъ язычествомъ, магометанствомъ, іудействомъ, или просто естественно-гуманитарнымъ міровоззрѣніемъ, а тотъ, который съ такою несравненною высотой выраженъ въ св. Евангеліи и вообще въ ученіи православной христіанской Церкви. А по православно-христіанскому понятію о благотвореніи, нашедшему себѣ прекрасное выраженіе въ милосердіи русскаго народа, этого по преимуществу жалостливаго народа, благодѣяніе есть *жертва «Бога для», «Христа ради»,* единственнымъ побужденіемъ для которой является исключительно христіанское братолюбіе, а не какія нибудь постороннія, своекорыстныя соображенія. Очевидно, въ такомъ пониманіи благотвореніе можетъ быть наилучше осуществлено только въ приходѣ, какъ живомъ союзѣ объединенныхъ около храма Божія лучшихъ христіанъ данной мѣстности. Во всякой другой организаціи скорѣе могутъ имѣть мѣсто благотворенія для виду или изъ-за почестей, чѣмъ въ приходѣ.

Предпочтеніе прихода другимъ видамъ первоначальныхъ организацій благотворительности не только завѣщано намъ родной

исторіей, но и указывается примѣромъ западно-европейскихъ государствъ, особенно протестантскихъ, гдѣ приходъ является давней и прекрасно развитой ячейкой благотворительнаго дѣла.

2. Приходъ, далѣе, является самой желательной первоначальной единицей общественнаго призрѣнія и съ точки зрѣнія практическаго осуществленія идеи христіанской благотворительности. Въ приходѣ наиболѣе обезпечена возможность отличить настоящую бѣдноту отъ поддѣльной и, такимъ образомъ, успѣшно вести борьбу съ такимъ укоренившимся зломъ, какъ профессиональное нищенство. Здѣсь и сами прихожане знаютъ другъ друга, и стоящій во главѣ прихода священникъ, по характеру своего служенія, имѣеть возможность близко ознакомиться съ экономическимъ положеніемъ своихъ прихожанъ. Здѣсь извѣстны какъ тѣ, кто имѣеть возможность помочь, такъ и тѣ, кому надо помочь. Знаніе мѣстныхъ условій подскажетъ приходу и наиболѣе раціональныя мѣры и способы для осуществленія благотворительныхъ задачъ.

3. Во главѣ первоначальной единицы общественнаго призрѣнія долженъ стоять приходскій совѣтъ, приходское братство или попечительство, съ непремѣннымъ участіемъ по дѣламъ благотворительности представителей земствъ, городовъ и администраціи. Подробности веденія дѣла требуютъ болѣе тщательнаго обсуждения, сообразно мѣстнымъ условіямъ, и мы не беремъ на себя ихъ опредѣлять. Полагаемъ лишь, что такое живое дѣло, какъ благотворительность, крайне не желательно было бы связывать слишкомъ мелочной регламентаціей. Въ частности, считаемъ нужнымъ указать, что для большей плодотворности дѣла въ высшей степени важно, чтобы во главѣ всего благотворительнаго дѣла въ губерніи было поставлено не свѣтское лицо, а всего лучше епархіальный архіерей, подобно тому, какъ во главѣ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества стоитъ митрополитъ Петербургскій.

4. Противъ высказаннаго нами могутъ возразить: при сосредоточеніи благотворительности въ рукахъ прихода, игнорируются интересы иновѣрныхъ бѣдняковъ, а потому нужно взять первоначальную единицу – не вѣроисповѣдную, а

государственную. На это, прежде всего, должны замѣтить, что русское государство православное, а потому созданіе новыхъ формъ государственной жизни въ нашемъ отечествѣ должно сообразоваться, предпочтительно предъ другими религіями, съ ученіемъ православной Церкви, подъ ея покровомъ и при ближайшемъ ея воздѣйствіи. Предоставленіе дѣла благотворительности православному приходу нисколько не можетъ нанести ущерба интересамъ иновѣрцевъ, ибо православная Церковь никогда не отличалась нетерпимостью къ инымъ вѣрамъ и всегда была чутка къ истинной нуждѣ, хотя бы и иноплеменника или иновѣрца. Въ интересахъ справедливости, въ приходахъ съ смѣшаннымъ въ вѣроисповѣдномъ отношеніи населеніемъ нужно предоставить право участія въ приходскомъ совѣтѣ по дѣламъ благотворительнымъ и представителямъ инославныхъ исповѣданій и иновѣрцевъ. Такое общеніе представителей разныхъ вѣръ въ дѣлѣ, для всѣхъ равно понятномъ, создавало бы почву для того «соединенія всѣхъ», о которомъ молится ежедневно православная Церковь и которое не можетъ не быть желательнымъ и для государства. Въ такомъ видѣ приходъ, сохраняя всѣ свои преимущества, приметъ характеръ единицы не только вѣроисповѣдной, но и государственной.

Въ доказательство того, что высказанныя нами соображенія не представляютъ изъ себя отвлеченныхъ умствованій, а подтверждаются опытомъ, прилагаемъ двѣ таблицы, изображающія въ цифрахъ дѣятельность двухъ первоначальныхъ единицъ общественнаго призрѣнія въ г. Кіевѣ, свѣтской и церковной, именно городскихъ участковыхъ попечительствъ о бѣдныхъ (табл. 2) и церковно-приходскихъ братствъ и попечительствъ (таблица 1). Изъ сопоставленія цифръ явствуетъ, что дѣятельность приходскихъ организацій гораздо шире и плодотворнѣе, чѣмъ дѣятельность городскихъ участковыхъ попечительствъ, несмотря на то, что районъ попечительствъ гораздо больше, чѣмъ приходовъ, и число попечительствъ (11) болѣе числа приходскихъ обществъ (8).

Число членовъ приходскихъ обществъ почти въ 7 разъ превосходитъ число членовъ попечительствъ (3515: 514). Если общая сумма средствъ попечительствъ превышаетъ нѣсколько общую сумму средствъ приходскихъ обществъ, то это нельзя

приписать энергии въ добываніи средствъ хотя и немногихъ членовъ попечительствъ дѣло въ томъ, что 4/5 всѣхъ средствъ (41,923 руб.) попечительства получили изъ городской кассы, а мѣстными дѣятелями добыта лишь 1/5 (10,353 р. 93 к.), тогда какъ въ приходскихъ обществахъ дѣло обстоитъ наоборотъ: получено въ качествѣ субсидій отъ города и правительственныхъ учреждений – 5, 510 р. 13 к., а мѣстными усиліями добыто 45,131 р. 67 к., т.е. въ 8 разъ больше. Въ то время, какъ попечительства ограничиваются почти исключительно простой выдачей пособій, приходскія общества разнообразятъ свою дѣятельность сообразно мѣстнымъ потребностямъ. Все это для насъ – кievлянъ съ непререкаемою очевидностью говоритъ за то, что единственно жизненною единицей общественнаго призрѣнія не только въ городахъ, но особенно въ селахъ, у насъ можетъ быть только приходъ.

Священникъ М. Алабовскій.

Что губить нашу жизнь вѣрнѣ холеры?

(о пьянствѣ)

*У кого вой? У кого стонъ? У кого ссоры? У кого горе? У кого раны
безъ причины? У кого багровые глаза? – У тѣхъ, которые долго
сидятъ за виномъ, (Книга Притчей Сол. Гл. 28, стихи 20-30).*

Водка первый врагъ крестьянина.

I.

Въ одномъ селѣ Бердянскаго уѣзда (Таврической губ.) два мужика на масляной сошлись выпить. Были они между собой родственниками. Каждый пришелъ съ малолѣтней дѣвочкой. Началась выпивка; дѣти – тутъ-же.

Во время выпивки, какъ водится, началась ссора. А ссора перешла въ драку. Во время драки одинъ мужикъ бросилъ въ другого сковороду съ горячей яичницей, да попалъ не въ него, а въ свою пятилѣтнюю дочь и обварилъ ее до смерти.

Ополоумѣвшіе отъ водки мужики не обратили вниманія на предсмертныя муки несчастной малютки, которая корчилась тутъ же въ ужасныхъ мученіяхъ. Они продолжали наносить другъ другу удары, пока на крики не прибѣжали люди и не розняли дерущихся.

Дѣвочка умерла.

На другой день, когда отецъ очнулся отъ пьянства и узнать о томъ, что случилось вчера, онъ не вынесъ угрызеній совѣсти и сошелъ съ ума. Долго бродилъ онъ по селу съ криками: «гдѣ моя Еленка?»

Каждого, кто только ни попадался ему на встрѣчу, онъ останавливалъ, взглядывалъ на прохожаго безумными глазами и, горько рыдая, кричалъ:

– Гдѣ моя Еленка?! Скажи, скажи, Еленка моя гдѣ?!

Несчастнаго посадили въ сумасшедшій домъ.

Но и тамъ онъ не можетъ успокоиться. И по сей часъ спрашиваетъ всѣхъ и каждого:

– Гдѣ моя Еленка?! Гдѣ-жъ Еленка?!

Но ему никто ничего не отвѣчаетъ...

Не-правда-ли: тяжелая исторія! Въ пьяной дракѣ отецъ убилъ родную, любимую дочь. Онъ любилъ ее, быть можетъ, онъ ею только и жилъ, только и дышалъ ею. И своими руками вырылъ для нея могилу. А за ней вырылъ и для себя: развѣ сумасшедшій домъ не таже могила?!

Но это всего лишь одна исторія, попавшая въ газету и ставшая намъ извѣстной. А сколько подобныхъ и, можетъ быть, болѣе ужасныхъ случаевъ вспомнишь ты, мой читатель, сколько неслышныхъ вздоховъ, сколько незримыхъ слезъ и страданій несется къ Небу съ проклятіемъ вину!

Въ разныхъ преступленіяхъ кражахъ, грабежахъ, убійствахъ водка является главной причиной.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ пьянство не такъ распространено, количество преступленій очень невелико. А въ тѣхъ государствахъ, гдѣ пьянство развито, тамъ и число преступленій возрастаетъ до невѣроятныхъ размѣровъ. Значить, на преступленія не столько толкаетъ нужда, не столько гонитъ злоба на людей, месть, чувство гнѣва, сколько вино. Такъ бы, безъ вина, можетъ быть, и перебился въ нуждѣ, залилъ-бы голосомъ разума злобу, укротилъ бы нехорошее чувство злобы, мести врагу. А спознавшись съ виномъ, начнешь въ нуждѣ воровать, а въ злобѣ и мести дойдешь до убійства. Если бы закрыть всѣ кабаки, трактиры, пивныя, которыя осквернили городскія улицы, развратили и опозорили деревни и села, – повѣрьте, много преступленій не было бы совершено.

Ученые люди высчитали, что въ разныхъ заграничныхъ странахъ изъ 100 преступниковъ 75 – пьяницы. Они сосчитали, что чѣмъ меньше народъ пьетъ вина, тѣмъ менѣе среди него преступленийъ.

Но и безъ ученыхъ вычисленийъ видно, что и у насъ, въ Россіи меньше было бы зла, если бы не проклятое пьянство. Мы опоены! Опоень городъ, опоена деревня, и лучшія силы страны погибають въ этой пьяной трасинѣ.

Забитый нуждою крестьянинъ только и видитъ свѣта, что въ кабацѣ, только и признаетъ такой отдыхъ, когда можетъ напиться до безчувствія. Сначала онъ ходитъ въ кабацъ потихоньку, крадучись и отъ семьи, и отъ добрыхъ людей, потомъ начинаетъ ходить, никого не стѣсняясь, а – потомъ... въ той семьѣ, гдѣ раньше были миръ да любовь слышны стоны и слезы: пьяница колотитъ свою несчастную жену, вырываетъ у голодной семьи свои трудовые гроши, что-бы пропить до конца свою совѣсть.

Правда, въ деревнѣ нашей некуда и пойти въ часы досуга: нѣтъ у насъ ни чтеній, ни читалень, ни даже чайныхъ, нѣтъ народныхъ газетъ и журналовъ. Да и потребности въ нихъ тоже почти нѣтъ. Конечно виноваты мы, болѣе образованные люди, что не помогаемъ въ этомъ крестьянину. Но и онъ самъ не безъ вины. Если онъ самъ не захочетъ, ничто не можетъ его соблазнить на пьянство.

Кто только заговоритъ о деревнѣ, тотъ не можетъ умолчать о главной бѣдѣ нашей деревни о пьянствѣ. Развертываю нумеръ газеты и читаю сообщеніе изъ Хотимска, Могилевской губ. и – рѣчь опять о пьянствѣ.

«Въ послѣдніе 3–4 года, пишетъ корреспондентъ, мѣстные крестьяне съ благосклоннаго попустительства мѣстныхъ властей при посредствѣ жидовъ, почти открыто творящихъ беззаконія, положительно спились. Пьянствуютъ крестьяне въ одиночку въ жидовскихъ притонахъ, пьянствуютъ и «міромъ». Особенно сильно развивается, такъ называемое, общественное пьянство; трудно подсчитать, сколько пропивается «міромъ» общественныхъ денегъ, которыя могли-бы оказать большую поддержку тѣмъ же крестьянамъ въ другомъ дѣлѣ. Каждое постановленіе общества непремѣнно скрѣпляется водкой: выбираютъ-ли старшину или

старосту, – выборы заканчиваются винопитіемъ; сдѣланъ-ли учеть старостѣ, безъ водки не обойтись; молебень-ли отслужень на озимомъ хлѣбѣ или надъ скотомъ, опять вино; пастуха найметь общество, опять вино; понадобится сторожъ ночной, полевой или лѣсной и т.п., – вездѣ и постоянно главную роль играетъ тоже пьянство; вора поймають, – какое наказаніе придумать? Съ него обществомъ налагается штрафъ водкой... Остаются отсѣчки въ лугахъ или клочки пахатной земли куда ихъ дѣвать? Исходъ одинъ – пропить» (Рус. Знамя, 1910 г. № 168).

Говорить-ли о томъ, какъ справляются въ крестьянскомъ быту свадьбы, крестины и другія торжества?! Всѣмъ извѣстно, сколько водки тутъ выпивается, сколько здоровья растрачивается, сколько ссоръ, дракъ и всякаго зла совершается.

Въ послѣдніе года деревня заволновалась. Деревня вдругъ поднялась, закричала о своемъ разореніи, о томъ, что подати и налоги ее доконали вконецъ, что земли мало, а если и есть какая, то совѣмъ «никуда негодящая»... То тамъ, то здѣсь вспыхивали на небѣ зарева сжигаемыхъ крестьянами помѣщичьихъ усадебъ начались по селамъ грабежи, крестьяне насильно захватывали барскія владѣнія, косили чужіе луга, жали хаѣбъ, не ими посѣянный. Почему это? Говорять, некуда податься мужику, бунтуеть не онъ, а голодь, что деревня разорена и проч.

Вѣрво! Деревня разорена. Да разорили – то ее не подати и налоги, а безпробудное пьянство. Крестьяне послѣднюю корову продавали не ради недоимокъ, а ради кабака и кабаку.

Скажете: это – неправда! Охъ, какъ-бы я былъ радъ тоже сказать: неправда! Да не могу: послушайте-ка!

Въ 1907 году у насъ былъ голодь, ѣсть было нечего по деревнямъ; казалось, гдѣ ужъ тутъ пить?! Думали, что пьянство само собой сократится, потому что денегъ на водку нѣтъ. Что-жъ вы думаете? Въ этотъ голодный годъ нашъ русскій народъ ухитрился пропить не только не меньше предыдущаго года, а больше рублей на 51 миллионъ.

А вотъ еще примѣръ, очень поучительный.

Въ 1905 году Тульская губернія пропила 5 миллионъ руб. Въ 1906 году она была въ числѣ голодающихъ и получила отъ казны пособія 1 миллионъ 400 тысячъ руб. Въ это-же время, т.е. въ 1906 году она пропила 6 миллионъ 200 руб., значить на 1 миллионъ 200 тысячъ больше предыдущаго года. И выходитъ, что **пропила она столько, сколько пропивала и раньше, да еще почти все пособие**, выданное крестьянамъ на хлѣбъ въ голодный годъ.

Иной скажетъ: да вѣдь мужикъ пѣть съ горя! Нѣтъ, не съ горя скажу я, а отъ распушенности своей. Почему это, въ са момъ дѣлѣ, съ горя непременно нужно водку пить? Отчего же съ горя не бороться съ горемъ – нуждой, а для этого набираться силъ и умѣнья? Когда меня тянетъ подъ гору, развѣ я стану себѣ на руки навѣшивать гири; а не напротивъ-ли, всѣ силы употреблю выкарабкаться изъ пропасти?

Слова нѣтъ: надо государству заботиться о томъ, чтобы крестьянину нашему легче жилось, да оно и заботится объ этомъ. Но и самому мужичку нужно бороться съ своею губительною страстью.

Вотъ теперь по всѣмъ волостнымъ правленіямъ и сельскимъ управамъ развѣшаны объявленія «какъ уберечься отъ холеры?». Еще нужнѣ были бы такія объявленія: какъ бороться съ пьянствомъ?

Пьянство – это врагъ народный пострашинѣ холеры. Не правдали, русскій человѣкъ?

Пьянство у рабочихъ.

II.

Работникъ, склонный къ пьянству, не обогатится. Книга Премудр. Иисуса с. Сирах., Гл. 19, ст. 1.

Одному журналисту пришла мысль обратиться къ рабочимъ черезъ газету съ просьбой высказать свое мнѣніе насчетъ пьянства. Что

пьянство распространено среди рабочего люда, въ этомъ сомнѣваться нечего. Но писателю тому захотѣлось убѣдиться, сознають-ли сами рабочіе тотъ вредъ, какой причиняетъ пьянство, чувствуютъ-ли все горе, какое оно несетъ въ ихъ жизнь. Онъ получилъ много писемъ. И, читая эти письма, ясно видишь, какое великое бѣдствіе для рабочихъ составляетъ пьяный разгуль. Особенно скорбны письма женщинъ.

Вотъ одно изъ нихъ.

«Осмѣлюсь и я выразить свою благодарность, пишеть эта женщина, тѣмъ, которые взялись бороться съ виномъ. Я и мои несчастныя дѣти – тоже жертвы пьянства. Бѣдныя дѣти тоже, вѣрно, будутъ такими, потому что не видятъ лучшей жизни, какъ только пьянство отца, побои, самую грубую и скверную брань и постоянные скандалы. Они думаютъ, что такъ и надо жить, какъ въ домѣ видять.

У меня ихъ пятеро. Самому старшему 9 лѣтъ, остальные – малъ мала меньше, а мужъ такой пьяница, не приведи Господи никому. Совѣмъ не работаетъ. Не стали нигдѣ держать изъ за пьянства. Все расчесть, да расчесть... 6 мѣсяцевъ гуляль, потомъ простили, пожалѣли голодныхъ дѣтей. Три мѣсяца проработаль съ горемъ пополамъ, – вотъ опять дали расчесть, опять куска хлѣба нѣтъ.

Нѣтъ хлѣба и нѣтъ угля, изъ квартиры уже гонять вонъ. Куда хочешь, туда и дѣвайся... По міру послать дѣтей – значить погубить на всю жизнь. А больше дѣлать нечего. Сама не могу такъ заработать, чтобы накормить всѣхъ и оправдать уголь. Фабричная цѣна работницѣ 55 коп. Ходить работать – дома нужна нанька. Ребенокъ маленькій (3 мѣсяца) – плохой. Домашней работы мало, шитья или стирки тоже мало.

Вотъ какъ хочешь, такъ и живи.

Прямо живой въ могилу ложись, чтобы не видѣть и не слышать, какъ дѣти ѣсть просятъ.

Все сердце высохло, а отцу и дѣла мало. Онъ не видитъ и не слышитъ. Онъ съ утра уйдетъ и вина лишь ищетъ.

А еще говорить: «я – сознательный».

Пьянствовал прежде и говорил: мнѣ деньги не нужны. Я одинъ. Оттого и пью. Теперь 5 человекъ. Опять горе; и еще больше пить. Раньше было трудно жить, а теперь совѣмъ не въ могу.

«Простите и примите это мое убогое, но правдивое письмо».

– Скажи, мой добрый читатель: что это такое?

Вѣдь – это сплошной крикъ матери, изстрадавшейся отъ пьянства мужа! Что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть несчастнѣе жены горчайшаго пьяницы? Это – вѣчная страдальца, вѣчная мученица отъ побоевъ, отъ ругани, отъ пьяной безпричинной злобы своего, можетъ быть, любимаго мужа. Что можетъ быть ужаснѣе положенія этой несчастной матери, когда она, вся блѣдная, какъ полотно, отъ испуга, вся избитая, истекающая подчасъ кровью, съ синяками и кровоподтеками на лицѣ, трясущимися руками, заслоняетъ отъ побоевъ мужа и отца своихъ маленькихъ, дѣтей застывшихъ въ ужасѣ и страхѣ, заслоняетъ, какъ птица своихъ птенцовъ отъ хищника-коршуна? Что творится на душѣ у ней и у этихъ несчастныхъ малютокъ? Какой страхъ переживаютъ они, когда отецъ, который для нихъ долженъ быть такимъ близкимъ, дорогимъ, наоборотъ становится такимъ чужимъ, далекимъ, страшнымъ...

Даже писать объ этомъ тяжело, не только что переживать!

Зачѣмъ этотъ ужасъ? Неужели безъ него нельзя прожить?! Или невозможно, чтобы въ семьѣ было мирно, тихо, дѣти ласкались-бы къ отцу, а мать съ спокойнымъ духомъ, бодро хлопотала-бы по хозяйству?!

Все-можно, да если-бы не водка!

Послушайте, что пишетъ одинъ рабочій (обрубщикъ машиностроительнаго завода).

«Возьмите любой понедѣльникъ въ заводской мастерской и послушайте, что тамъ говорятъ. Только и слышишь, кто сколько выпилъ и кто какъ попалъ домой. Съ похвалбой рассказываетъ,

что не только получка, но и сапоги или всякая другая одежда улетѣла «на перегонку».

Иной рассказываетъ, что онъ съ получки такъ напился, что болѣе версты ползъ на четверенькахъ и, потерявъ сознание, уснулъ гдѣ-то въ канавѣ, гдѣ его обобрали. Какъ онъ проснулся уже часа въ три ночи и, придя домой, выпросилъ у квартирной хозяйки на сороковку и сбѣгалъ въ шинокъ. Или, какъ онъ продать женины сапоги, или выклянчилъ у нея на похмѣлье. И вмѣсто порицанія за его поступокъ ему отвѣчаютъ дружескимъ хохотомъ и возгласами: «здорово, ловко, молодець».

Братъ рабочій! Ужели ты никогда не сознавалъ, какое горе – твой пьяный разгуль. Хотя нелегокъ твой трудъ, но тебѣ, живущему въ городѣ или крупномъ мѣстечкѣ, вѣдь легче найти иное развлеченіе, помимо водки; брось-же ее! Ты стараешься уберечься отъ холеры, принимаешь для того всѣ мѣры, какія указываютъ тебѣ врачи. Повѣрь, что пьянство неизмѣримо опаснѣе холеры: спасайся-же отъ него пока не поздно!

Дѣти – пьяницы!

III.

«Не смотри на вино, какъ оно... искрится въ чашѣ: впоследствии, какъ змѣй, оно укуситъ» Притчей Солом. Гл. 23, ст. 31, 32.

Кажется, больше всего ужасно пьянство тѣмъ, что отъ него страдаетъ и потомство пьяницъ. Пьяный человекъ причиняетъ вредъ не только себѣ, но онъ болѣе всего виновень, и виновень тяжко предъ потомствомъ, предъ своими дѣтьми. И не мудрено! Вѣдь дѣти пьяницъ не видятъ ничего свѣтлаго въ своей жизни, видятъ лишь одно сплошное безобразное пьянство отца, слышать постоянно его пьяную ругань, являются свидѣтелями тѣхъ ужасовъ, которые такъ часто разыгрываются въ семьяхъ пьяницъ. Они въ жизнь вступаютъ уже съ явными зачатками пьяной заразы, съ несомнѣннымъ предрасположеніемъ къ вину.

Тотъ отецъ, который изо дня въ день пьянствуетъ, не взирая на нужды и сплошное горе семьи – воръ, ибо крадетъ у нея счастье, здоровье, благополучіе. Но тотъ отецъ, который пьетъ при дѣтяхъ и даже приучаетъ ихъ къ вину, тотъ отецъ – уже убійца своихъ ни въ чемъ неповинныхъ предъ нимъ малютокъ.

Убійца! Если только вдуматься во весь ужасъ убіенія имъ чистой дѣтской души, намъ станеть страшно. Страшно за челоуѣка-изверга, страшно – ибо что ожидаетъ тотъ народъ, который съ малолѣтства, утрачивая образъ Божій, спаивается.

Одинъ школьный учитель рассказываетъ слѣдующее.

Въ школу ко мнѣ пришелъ пьяный мальчикъ. Онъ тихо всегда сидѣлъ на урокахъ, вслушиваясь въ каждое слово разсказа, отвѣчалъ всегда хорошо... И онъ пришелъ пьяный, покачиваясь изъ стороны въ сторону, пришелъ съ краснымъ горящимъ лицомъ, съ болѣзненнымъ румянцемъ на щекахъ, съ воспаленнымъ лихорадочнымъ взоромъ.

Я не вѣрилъ своимъ глазамъ, я не хотѣлъ имъ вѣрить. Я наклонился къ нему, изо рта несло водкой.

– Слушай, – схвативъ за руку, заговорилъ я, – ты пьянь... Ты пиль?! Скажи, скажи, мнѣ только, кто тебѣ даль?

– Не... Я мало... Я двѣ рюмки... Съ жильцами... Они дали мнѣ...

– А-а, жильцы... Они – повторялъ я, ошеломленный, не зная, что нужно дѣлать, что сказать.

– Слушай – собрался съ духомъ я, наконецъ. – Скажи, пойдешь-ли ты къ тому челоуѣку, который, ты знаешь навѣрно, пырнетъ тебя ножомъ, убьетъ тебя, Евграфовъ?!

– Нѣтъ, зачѣмъ... Не пойду!..

– А къ жильцамъ пошелъ!.. Слушайте... Дѣтки малыя, дѣтки вы не разумныя, слушайте!.. Всѣ, всѣ вы слушайте, – кричалъ я. Я не помню, что тогда творилось со мною – Знайте: жильцы Евграфовы – гадкіе, скверные люди, они убійцы... Знайте, слушайте: всякій, кто когда-нибудь подойдетъ къ вамъ съ рюмкой, съ каплей вина,

тоть – убійца вашъ!.. Будеть-ли то мать, отецъ, дѣдь, братъ, сестра, или просто жильцы – все равно убійцы!! И говорю я вамъ бѣгите отъ нихъ, бѣгите дальше, бѣгите, какъ отъ человѣка, который носить за пазухой ножъ, чтобы убить васъ... Тотъ отецъ, который любить васъ, не позволить вамъ пить, и та мать, которая дѣйствительно жалѣть васъ, не дастъ вамъ пригубить стакана съ водкой... Бѣгите водки. Она – ваша смерть!.. Убѣгайте людей, которые хотять соблазнить васъ ею... Они – убійцы ваши! Они убиваютъ счастье ваше, душу, сердце, губятъ вашу святую чистоту...

Никогда я еще не говорилъ такъ сильно, съ такимъ воодушевленіемъ.

Классъ затихъ. Слышно было, какъ муха пролетить.

И вдругъ, сквозь тишину класса мнѣ послышался стонъ. Я обернулся... Еще мгновеніе, – и этотъ стонъ перешель въ судорожныя глухія рыданія.

Я думалъ, что плачеть Евграфовъ. Но плакалъ не онъ, Былъ еще «другой», кто, не смотря на свои 8 лѣтъ, уже былъ знакомъ съ народной отравой... Было тяжело слышать его слезы, но гораздо тяжелѣе было выслушать его печальный разговоръ.

Одинъ изъ рабочихъ къ тому-же журналисту, о которомъ мы говорили выше, писать.

«Жалкія картины приходится наблюдать въ семьяхъ алкоголиковъ. Темнота, нужда и голодь витають по всѣмъ угламъ грязной комнаты. Слышатся забитые стоны дѣтей, да жалостныя вздохи матери.

Является пьяный отецъ, ведя за собой товарищей. Начинается попойка. Отецъ въ этомъ вихрѣ забываетъ дѣтей, а дѣти подъ страхомъ побоевъ сидятъ, забившись чуть-ли не въ тараканью щель и ждутъ чего-то. Отецъ продолжаетъ буянить. Наконецъ, все прекращается до слѣдующаго такого-же дня...

Ну, чтоже можно ожидать отъ этихъ малютокъ, на глазахъ которыхъ происходитъ подобное безобразіе... Надо думать, что и

онѣ послѣдуютъ примѣру ота. Еще не исполнится имъ и 8 лѣтъ, какъ они пьютъ уже оставшуюся отъ отца водку, берутъ въ ротъ папирску и въ такой жалкой позѣ «костятъ» грубыми, нецензурными словами того, кто осмѣлится замѣтить, что это нехорошо. Что же будетъ впослѣдствіи с такимъ человѣкомъ?.. Ясно. Познакомится съ такимъ-же товарищемъ и пойдетъ по дорогѣ преступлений!!"

Письмо другого рабочаго подтверждаетъ, что такъ оно и бываетъ на дѣлѣ.

«Вспоминается мнѣ дѣтство. Я – сынъ алкоголика. Отецъ мой отъ водки умеръ. Еще мальчуганомъ, бѣгая съ товарищами такого же возраста по улицамъ, помню, что мнѣ очень хотѣлось быть взрослымъ (я тогда не зналъ, что взрослымъ быть гораздо хуже), чтобы безъ боязни предаваться всякимъ порокамъ. Помню, собиралъ окурки и старался курить, какъ курили старшіе. Постепенно все больше и больше привыкалъ пить водочку. Правилось напиться и въ пьяномъ видѣ явиться къ товарищамъ и товаркамъ.

Помню, мнѣ было 14 лѣтъ, и съ своими товарищами, которые были не старше меня, мы дѣлили бутылку водки на 4 части и выпивали сразу».

Если дѣти пьяницъ не получаютъ отъ своихъ родителей въ наслѣдство страсть къ вину, то ужъ непременно бываютъ подвержены болѣзнямъ или рождаются хилыми, уродами или идиотами. Въ Петербургѣ существуетъ «Братство Царицы небесной» – общество, которое содержитъ пріюты для самыхъ несчастныхъ, дѣтей-страдальцевъ калѣкъ и идиотовъ. Эти пріюты – истинные дома скорби: такъ тяжело зрѣлище несчастныхъ дѣтей. А кто виноватъ въ ихъ несчастіи? Значительный процентъ этихъ дѣтей-страдальцевъ – дѣти алкоголиковъ.

Читатель,

посмотри ва изображеніе страдальца ребенка.

Что ты долженъ сдѣлать?

1) Возблагодарить Господа, что среди твоих родных нѣтъ таких несчастных.

2) Воздерживаться от крѣпких напитков, чтобы не имѣть таких дѣтей.

О, горе, горе намъ! Горе соблазителямъ! Пусть въ ухахъ у нихъ немолчно раздастся грозное слово Христово, «кто соблазнить одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею, и потопили его въ глубинѣ морской... горе тому человѣку, черезъ котораго соблазнъ приходитъ! (Матѹ. Гл. 18 ст. 6 и 7).

Горе – намъ, горе нашей родинѣ: спивается ея молодое поколѣніе, вырождается, чахнетъ, убываетъ медленно, но вѣрно, наша сила!

Родители! Слышите! Съ васъ взыщетъ Богъ за вашихъ дѣтей, за ихъ развратъ, за ихъ преждевременную смерть, за ихъ болѣзни. Боритесь съ этимъ зломъ: оно стократно страшнѣе холеры.

А Богъ вамъ да поможетъ!

Зачѣмъ пьютъ водку?

IV.

«Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противникъ вашъ, діаволь, ходитъ, какъ рыкающій левъ, ища, кого поглотить». 1 Посл. – Петра, Гл. 5, ст. 8.

Вино губитъ тѣлесное здоровье людей, губитъ умственные способности, губитъ благосостояніе семей, и, что всего ужаснѣе, губитъ душу людей и ихъ потомство. Пьютъ не только мужчины, пьютъ уже женщины, дѣвушки, дѣти. И богатымъ, и бѣднымъ кажется, что при всякомъ важномъ случаѣ жизни: похоронахъ, свадьбѣ, крестинахъ, разлукѣ, свиданіи самое лучшее средство показать горе или радость состоитъ въ томъ, чтобы одурманиться, и, лишившись человѣческаго образа, уподобиться животному.

И, что удивительнѣе всего, такъ это то, что люди гибнуть отъ пьянства и губягь другихъ, сами незная, зачѣмъ они это дѣлають. Если каждый спроситъ себя, для чего люди пьютъ, онъ никакъ не найдетъ настоящаго ответа.

Сказать, что вино вкусно, нельзя, потому что каждый знаетъ, что вино и пиво, если они чѣмъ-нибудь не подслащены, кажутся на первый разъ противными. Къ вину приучаются, какъ и къ другому яду – табаку, понемногу: вино начинаетъ нравиться послѣ того, какъ человѣкъ привыкнетъ къ тому опьяненію, которое оно производить.

Сказать, что вино полезно для здоровья, тоже никакъ нельзя теперь, такъ какъ многіе доктора, занимаясь этимъ дѣломъ, признали, что ни водка, ни вино, ни пиво не могутъ считаться питательными напитками: напротивъ, они содержатъ въ себѣ сильный ядъ, который разрушительно дѣйствуетъ на человѣческое тѣло.

Сказать, что вино прибавляетъ силы, тоже нельзя, потому что не разъ и не два, а сотни разъ было замѣчено, что артель пьющая сработаетъ много меньше артели непьющей. И на тысячахъ людей можно замѣтить, что люди, ведущіе трезвую жизнь, сильнѣе и здоровѣе употребляющихъ спиртные напитки.

Говорятъ также, что вино грѣеть, но и это – неправда; всякій знаетъ, что выпившій человѣкъ согрѣвается только на короткое время, а затѣмъ совсѣмъ застываетъ. Всего больше простуживаются и обмораживаются именно по пьяному дѣлу.

Сказать, что если выпить на похоронахъ, на крестинахъ, на свадьбахъ, при свиданіяхъ, при продажѣ, то лучше выразить свое чувство, или лучше обдумаешь то дѣло, для котораго собрались, тоже никакъ нельзя, потому что при всѣхъ такихъ случаяхъ нужно не дурѣть съ вина, а съ свѣжей головой обсудить дѣло и вообще быть въ здравыхъ чувствахъ. Чѣмъ важнѣй случай, тѣмъ трезвѣй, а не пьянѣй надо быть. Нельзя наконецъ, сказать и того, чтобы отъ вина больше веселья было. Правда, что отъ вина на короткое время люди какъ будто и согрѣваются и развеселяются, но то и другое не надолго. И какъ согрѣвшись отъ вина, человѣкъ потомъ сильнѣе зябнетъ, такъ и развеселившись отъ вина на часъ дѣлается потомъ

скучнѣе. Да и веселье-то у него выходит тутъ безчувственное и безсознательное. То веселье хорошо, которое само собою льется и которое я чувствую, а не то, которое снаружи приходитъ. Только стоить зайти въ трактиръ да посидѣть, посмотрѣть на драку, крикъ, слезы, чтобы понять что не веселитъ вино человѣка. Про вредъ пьянства для души и говорить нечего.

И что же? И не вкусно вино, и не питаетъ, и не крѣпитъ, и не грѣетъ, и не помогаетъ въ дѣлахъ, и вредно тѣлу и душѣ – и все таки пьютъ его многіе миллионы людей. Зачѣмъ же они пьютъ и губятъ себя и другихъ?

«Всѣ пьютъ и угощаютъ, нельзя же и мнѣ не пить и не угощать», отвѣчаютъ на это многіе. Живя среди пьющихъ, они воображаютъ, что и кругомъ ихъ на Божьемъ мѣрѣ всѣ пьютъ и угощаютъ. Но вѣдь это – неправда. И у насъ, въ Россіи, и въ другихъ странахъ, есть не мало совершенныхъ трезвенниковъ, которые и сами не пьютъ, и другихъ не отравляютъ алкоголемъ (виннымъ ядомъ). Всѣ другія отговорки тоже не заслуживаютъ никакого вниманія для разумнаго человѣка съ твердымъ характеромъ.

Нѣтъ! никакихъ оправданій пьянству придумать нельзя. Виновата тутъ одна человѣческая слабость. И пора, давно пора взяться всѣмъ намъ, православнымъ русскимъ людямъ за святое дѣло – борьбы съ этимъ страшнымъ врагомъ. Пора! съ Богомъ – за дѣло!

Что же дѣлать?

V.

«Отрезвитесь, какъ должно, и не грѣшите» – 1. Посл. къ Кор. XV, 34.

А. ЧТО КАЖДЫЙ МОЖЕТЪ СДЕЛАТЬ?

Главная причина пьянства въ слабости воли. Почти всякій пьяница сознаетъ вредъ отъ пьянства, но не имѣетъ силъ бороться съ нимъ. Нужно укрѣпить себя. Какъ это сдѣлать?

Прежде всего, нужно удалиться от всѣхъ соблазновъ: у себя водку въ домѣ не держать, въ тѣ дома, гдѣ будутъ угощать, не ходить, а если случится быть въ такомъ мѣстѣ, отъ угощенія отказываться. Конечно, это – дѣло очень нелегкое. Врагъ рода человѣческаго держать крепко въ своихъ когтяхъ того, кто къ нему попался. Много нужно усилій, чтобы освободиться. Но невозможное для человѣка возможно для Бога.

Молись Богу усердно, открой Ему – Отцу небесному, раны души своей, и Онъ уврачуетъ ихъ. Каждое утро и каждый вечеръ послѣ молитвъ клади по 5, по 10 поклоновъ земныхъ съ молитвою: «Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!». Молись святому мученику Вонифатію (память его 19 Декабря): «Святый мучениче Вонифатіе, моли Бога о мнѣ грѣшномъ!». Ему дана благодать отъ Бога ходатайствовать о подверженныхъ пьянству. Господь – милосердье, а святые Его – скоры на услышаніе.

Не пропускай ни одного поста безъ говніи. Очищай себя таинствомъ покаянія, омывай слезами сокрушенія, и укрѣпляй себя дивною силою Животворящихъ Христовыхъ таинъ. Тотъ, Кто съ тобою будетъ, сильнѣе того, кто противъ тебя. Да при исповѣди дай Богу обѣтъ: на 2-3 мѣсяца, а то и на полгода, совсѣмъ не пить ни водки, ни вина, На большой срокъ обѣтъ остерегись давать, а то можешь не сдержатъ, и грѣхъ себѣ наживешь. Послѣ этого срока возобнови обѣтъ, снова на такой же срокъ, предъ Крестомъ и Св. Евангеліемъ, въ присутствіи священника. Господь Милосердый постепенно укрѣпитъ тебя и на болѣе долгое время, и совсѣмъ поможетъ отрѣшиться отъ недуга твоего.

Хорошо поговѣть и въ другое время, помимо постовъ, когда страсть особенно сильно будетъ возставать на тебя.

Великая сила сокрыта и въ словѣ Божіемъ и въ сердечномъ призываніи сладчайшаго имени Іисуса Христа: воспользуйся и ими во спасеніе. Вотъ что пишетъ объ этихъ средствахъ одинъ опытный въ духовной жизни подвижникъ. Встрѣтился онъ однажды съ офицеромъ, который носилъ св. Евангеліе у себя на груди въ дорогой серебряной оправѣ, и усердно каждый день прочитывалъ по Евангелисту. Старецъ спросилъ офицера, почему онъ такъ любить слово Божіе и тотъ рассказать ему вотъ что:

«Я съ молодыхъ лѣтъ служилъ въ арміи; зналъ службу и любимъ былъ начальствомъ, какъ исправный прапорщикъ. Но лѣта были молодыя, пріятели тоже; я, по несчастію, и пріучился пить, да подъ конецъ такъ, что и открылась запойная болѣзнь. Когда не пью, то исправный офицеръ; а какъ закурю то недѣль шесть въ лежку... Долго терпѣли мнѣ; наконецъ, за грубости генералу, сдѣланныя въ пьяномъ видѣ, разжаловали меня въ солдаты на три года, а если не исправлюсь, и не брошу пить, то угрожали и строжайшимъ наказаніемъ. – Въ семъ несчастномъ состояніи я сколько ни старался воздержать себя, и сколько отъ сего ни лѣчился, но никакъ не могъ покинуть моей страсти; а потому и хотѣли перемѣстить меня въ арестантскія уже роты. Услышавъ сіе, я не зчалъ, что съ собою дѣлать. – Въ одно время я съ раздумьемъ сидѣлъ въ казармахъ. Вдругъ вошелъ къ намъ какой-то монахъ съ книгой для сбора на церковь. Кто что могъ – подали. Онъ, подошедши ко мнѣ, спросилъ: что ты такой печальный? – Я пересказалъ ему мое горе. Монахъ, сочувствуя моему положенію, началъ говорить «точно тоже было съ моимъ роднымъ братомъ; и вотъ что ему помогло: его духовный отецъ далъ ему Евангеліе, да и накрѣпко приказалъ, чтобы онъ, когда захочетъ вина, то, ни мало немедля, прочелъ бы главу изъ Евангелія, если и опять захочетъ, то и опять читалъ бы слѣдующую главу. – Братъ мой сталъ такъ поступать, и въ непродолжительномъ времени страсть къ питью въ немъ исчезла, и теперь вотъ уже пятнадцать лѣтъ капли хмѣльнаго не беретъ въ ротъ. – Поступай-ка и ты такъ – увидишь пользу! У меня есть Евангеліе, пожалуй, я принесу тебѣ...». Выслушавъ это, я сказалъ ему; «гдѣ же помочь твоему Евангелію, когда никакія старанія мои, ни лѣкарственныя пособія не могли удержать меня?» (Я сказалъ сіе такъ потому, что никогда не читывалъ Евангелія). «Не говори этого, возразилъ монахъ, – увѣрю тебя, что будетъ польза...». На другой день, дѣйствительно, монахъ принесъ мнѣ вотъ это Евангеліе. Я раскрылъ его, посмотрѣлъ, почиталъ, да и говорю: «не возьму я его; тутъ ничего не поймешь; да и печать церковную читать я не привыкъ». Монахъ продолжалъ убѣждать меня, что въ самыхъ словахъ Евангелія есть бгагодатная сила; ибо написано въ немъ то, что самъ Богъ говорилъ. – «Нужды нѣтъ, что не понимаешь, токмо читай прилежно. Одинъ святой сказалъ: если ты слова Божія не понимаешь, такъ бѣсы понимать, что ты читаешь и

трепещуть; а вѣдь страсть пьянственная непременно по возбужденію бѣсовъ... Да вотъ тебя еще скажу: Іоаннъ Златоустый пишетъ, что даже та самая храмина, въ которой хранится Евангеліе, устрашаетъ духовъ тьмы и бываетъ неудобъ-приступна для ихъ козней». – Я не помню, – что-то даль тому монаху, взялъ у него Евангеліе, положилъ въ сундучекъ съ прочими моими вещами, да и забыть про него. – Спустя нѣсколько времени пришло время мнѣ запить; смерть захотѣлось вина, и я поскорѣе отперъ сундучекъ, чтобъ достать деньги и бѣжать въ корчму. Лишь только я открылъ крышку, первое попалось мнѣ въ глаза Евангеліе, и я вспомнилъ все то, что говорилъ мнѣ монахъ. – Развернулъ и началъ читать сначала I главу отъ Матѳея. Прочитавъ ее до конца, именно ничего не понялъ; да и подумалъ: «монахъ сказать, что тутъ писано то, что Богъ говорилъ; а тутъ одни только какія-то имена... дай прочту другую главу». Прочелъ и стало понятнѣе. – Дай же и третью... «Какъ только ее начать, вдругъ звонокъ въ казармѣ: къ мѣстамъ на койки. Слѣдовательно, уже идти за ворота было нельзя; такъ я и остался... Вставши по утру, и расположившись идти за виномъ, подумалъ: прочту главу изъ Евангелія; что будетъ? Прочелъ и не пошелъ. Опять захотѣлось вина, и я еще сталъ читать, и сдѣлалось легче. Это меня ободрило; и при каждомъ побужденіи къ вину, я сталъ читать по главѣ изъ Евангелія. Что дальше, то все было легче, наконецъ, какъ только окончилъ всѣхъ четырехъ Евангелистовъ, то и страсть къ питью совершенно прошла, и сдѣлалось къ ней омерзеніе. И вотъ, ровно двадцать лѣтъ я совершенно не употребляю никакого хмѣльнаго напитка. – Всѣ удивлялись такой во мнѣ перемѣнѣ; по прошествіи трѣхъ лѣтъ опять возвели меня въ офицерскій чинъ, а потомъ въ слѣдующіе чины, и, наконецъ, сдѣлали командиромъ. Я женился, жена попалась добрая, нажили состояніе, и, теперь, слава Богу, живемъ да по силѣ-помочи бѣднымъ помогаемъ, странныхъ принимаемъ. Вотъ уже и сынъ у меня офицеромъ, и хорошій парень. Слушай же, съ тѣхъ поръ, какъ я исцѣлился отъ запоя, даль себѣ клятву: каждый день во всю мою жизнь читать Евангеліе, по цѣлому Евангелисту въ сутки, не взирая ни на какія препятствія. Такъ теперь и поступаю; если очень утомлюсь, то вечеромъ лягу въ постель и заставляю прочесть надо мною цѣлаго Евангелиста жену мою, или сына моего. – Въ благодарность и во славу Божію, я это Евангеліе оправилъ въ

чистое серебро, и ношу всегда на груди моей. – Со сладостию я выслушаль сии рѣчи капитана и сказалъ ему: «такой-же примѣръ видѣль и я; въ нашемъ селѣ, на фабрикѣ, одинъ мастеровой былъ очень искусный въ своемъ дѣлѣ, добрый и дорогой мастеръ: но по несчастію тоже запиваль, да и часто. Одинъ богобоязненный человекъ посовѣтоваль ему, чтобы онъ, когда захочется ему вина, то проговориль-бы «Господи Іисусе Христе, помилуй мя грѣшнаго», – 33 раза, по числу тридцати трехъ-лѣтней земной жизни Іисуса Христа; мастеровой послушался, сталъ это исполнять и вскорѣ совершенно кинуль пить; да еще что же? Черезъ три года ушель въ монастырь. – «А что выше» спросиль капитанъ: – Іисусова молитва или Евангеліе? Все одно и тоже, отвѣчаль я – что Евангеліе, то и Іисусова молитва, ибо Божественное имя Іисуса Христа заключаетъ въ себѣ всѣ Евангельскія истины. Св. отцы говорятъ, что Іисусова молитва есть сокращеніе всего Евангелія... (Троиц. Листокъ).

Нерѣдко пьянство превращается въ настоящую болѣзнь, отъ которой надо лѣчить. Есть особыя лѣчебницы для алкоголиковъ въ Кіевѣ, при Кирилловской больницѣ, небольшое отдѣленіе, кажется, на 10 человекъ; въ Москвѣ и нѣкот. друг. городахъ. Не слѣдуетъ пренебрегать и простыми, народными средствами.

Скончавшійся въ 1891 г., извѣстный своею высокою духовною жизнью, прозорливостію и даромъ наставленія, старецъ іеросхимонахъ, отецъ Амвросій Оптинскій совѣтоваль отъ пьянства употреблять въ качествѣ всѣмъ доступнаго средства, – траву, называемую черногорка-старонось.

Купить въ аптекѣ этой травы на 25 к., мелко изрѣзать, наполнить 2 столовыхъ ложки и заварить кипяткомъ въ большемъ чайникѣ на 5 чашекъ чайныхъ, дать настояться полчаса въ печкѣ, потомъ вынуть и выпить всѣ пять чашекъ заразъ теплыми или холодными, – это по желанію. И такъ какъ трава горька, то можно пить съ сахаромъ, или съ медомъ. Послѣ приѣма, можетъ быть, произойдетъ рвота. Это значить, что средство подѣйствовало. Рвота бываетъ отъ разоренія въ желудкѣ винаго гнѣзда. Послѣ нѣкотораго времени, если опять будетъ позывъ къ пьянству, то необходимо приѣмъ повторить.

Средство это безвредно. Иногда послѣ бываетъ потеря аппетита, тошнота и вообще недомоганіе. Противъ этого надо принимать каждый день передъ пищей по 25 капель желудочнаго элексира Витта, съ 10 каплями гофманскими въ рюмкѣ воды.

Много можетъ сдѣлать и добрая жена для своего мужа, страдающаго порокомъ пьянства. Ей самъ Богъ повелѣваетъ приложить всяческую заботу о своемъ мужѣ. Нерѣдки бываютъ случаи, когда Господь за старанія и терпѣніе посылаетъ женамъ утѣшеніе увидѣть мужей своихъ исцѣленными отъ пагубной страсти.

Въ давнія времена жилъ около Ростова огородникъ Абрамъ Зоринъ. Былъ онъ большой мастеръ по своему дѣлу: выращивалъ плоды и овощи отлично. Хорошо зарабатывалъ. Позавидовалъ его житію сосѣдъ Степанъ. И началъ за Абрамомъ ухаживать, къ себѣ въ гости зазывать да угощать. Прежде Абрамъ хмельнаго въ ротъ не бралъ, а тутъ и попривыкъ къ водкѣ. Дальше-больше, – стала привычка страстью. Кабакъ сдѣлался любимымъ пріютомъ Абрама. Огородное дѣло упало. Лишь одна жена Абрамова кое-что работала для семьи. Прогулялъ Абрамъ нажитыя деньги, принялся за имущество. Скоро дошло до того, что женѣ не на что хлѣба купить.

Разъ приходитъ домой Абрамъ пьяный и кричитъ женѣ:

–Давай закуски!

Жена говорить:

–Нѣтъ ничего, я сама безъ хлѣба сижу.

Абрамъ схватилъ ножъ и говорить:

–Подавай закуски, а не то зарѣжу тебя!

Жена заплакала, вышла въ другую горенку и принесла закрытую корзину, въ которой, бывало, таскала огурцы на базарь.

–А! нашла небось! – обрадовался мужъ. – Бабу только припугни, такъ она и не то найдетъ. Что тутъ? Мясо должно быть?

Абрамъ взялъ ножикъ и приготовился рѣзать мясо. Жена сдернула платокъ съ корзины: въ ней лежалъ шестимѣсячный ребенокъ Зориныхъ.

—Это что? – въ ужасѣ закричалъ Абрамъ.

А жена зарыдала и говорить:

—Ѣшь, жри, злодѣй. Все равно онъ съ голоду умереть. Мнѣ нечѣмъ его кормить. Молоко пересохло...

Абрамъ стоялъ, какъ громомъ пораженный. Наконецъ, очнулся и повалился женѣ въ ноги.

—Прости! – рыдалъ онъ. – Прости, ради Христа! Клянусь, не буду пить. Не буду! Другимъ человѣкомъ стану.

Съ этого дня бросилъ Абрамъ кабаки и лихихъ друзей. Снова принялся онъ за работу. Трудился много и упорно и опять разбогатѣлъ. Потомъ онъ заказалъ живописцу картину, на которой было представлено, какъ Абрамъ срываетъ платокъ съ корзины. Надъ картиной была надпись: «Богъ спасъ Абрама Зорина отъ пьянства черезъ жену и сына».

И висѣла эта картина въ домѣ Зориныхъ на самомъ видномъ мѣстѣ всѣмъ людямъ на поученіе.

Б. ЧТО МОЖНО СДЕЛАТЬ СООБЩА?

«Кто называясь братомъ, остается... пьяницею... съ такимъ даже и не гсть вмѣстѣ» (1 Кор. 5 Гл., ст. 11).

Всякому извѣстно, какъ трудно дѣлать доброе дѣло, и какъ легко – худое. Лѣниться легче, чѣмъ работать, отвѣтить на обиду обидою легче, чѣмъ смолчать и простить. Такъ и воздерживаться отъ пьянства труднѣе, чѣмъ пьянствовать.

Что нелегко одному, то легче сдѣлать сообща. На міру, говорить пословица, и смерть красна; и дѣло всякое артелью скорѣе сдѣлается, чѣмъ въ одиночку.

Гдѣ найдутся два-три человекѣ, которые рѣшатся воздерживаться отъ вина и борются съ пьянствомъ, пусть они устраиваютъ у себя общество трезвости.

Къ этому дѣлу нужно пригласить своего приходского священника, обдумать съ нимъ вмѣстѣ уставъ этого общества и потомъ, съ Богомъ начать святую работу. Кто не знаетъ, какъ открыть общество трезвости, можетъ обращаться въ Петербургъ, въ Александро-Невское общество трезвости (Обводный каналъ, д. № 116), председателемъ котораго состоитъ убѣжденный и опытный борець противъ пьянства Протоіерей П.А. Миртовъ. Нужныя свѣдѣнія касательно порядка открытія обществъ трезвости можно найти въ «Календарѣ Трезвенника на 1903 г.» (ц. 15 коп. съ перес.) и въ книжкѣ «О томъ, какъ Вознесенцы съ виномъ воевали» (ц. 30 коп. съ перес.). Оба эти изданія можно выписывать отъ Александро-Невскаго общества по указанному выше адресу.

Такъ какъ нерѣдко человекѣ спивается «отъ скуки», отъ того, что не знаетъ, куда ему дѣвать свое свободное время, хорошо было бы завести вездѣ въ деревняхъ читальни и народныя бібліотеки; здѣсь могли бы устраиваться народныя чтенія, сюда могъ-бы зайти грамотный почитать, а неграмотный послушать хорошее слово, а потомъ и просто за бесѣдой провести время. За границей существуютъ, особенно въ Германіи, хоровыя общества, которыя даютъ возможность употребить свободное время на пѣніе и музыку. Есть и у насъ по мѣстамъ народныя хоры. Мало по малу у человекѣ образуется привычка проводить время безъ вина и картъ. Объ этомъ-то и должны позаботиться общества трезвости. И великое благо сдѣлаютъ они для своихъ односельчанъ.

Тѣмъ же обществамъ и всякому отдѣльному трезвеннику нужно настойчиво изгонять пьянство изъ нашихъ обычаевъ. Случилось гдѣ быть на крестинахъ, похоронахъ, свадьбѣ, куплѣ-продажѣ и т.п., вездѣ нужно убѣждать людей обходиться безъ вина; самому показать примѣръ и другихъ уговаривать. Надо людей толкать на доброе, пока они не оцѣпенѣли въ злѣ. И Господь въ этомъ всегда поможетъ Своею всесильною благодатию!

Я уже говорить, что очень часто и больше всего пьянство происходитъ отъ слабой воли человекѣ: не хватаетъ силъ бороться

сь своей страстью. Для такихъ людей нужны мѣры принужденія: нужны законы, которые-бы обуздывали пьяницъ. Государство не можетъ мириться съ тѣмъ, чтобы годъ отъ года черезъ пьянство народъ бѣднѣлъ, слабѣлъ и развращался. На неисправимыхъ пьяницъ наложить нужно штрафъ за пьянство, или другое какое наказаніе. Если видятъ односельчане весь вредъ отъ пьянства, (а кто же не видитъ его?) пусть составляютъ приговоръ на сходѣ и ходатайствуютъ предъ начальствомъ о закрытіи у нихъ въ селѣ винной лавки. Пусть повсемѣстно ходатайствуютъ чрезъ своихъ мѣстныхъ членовъ Государственной Думы, чтобы правительство всемѣрно озаботилось изысканіемъ мѣры противъ пьянства; пусть сами и указываютъ эти мѣры, гдѣ какія болѣе пригодны. Тѣмъ болѣе, что и сама Государственная Дума объ этомъ хлопочетъ: тамъ дѣйствуетъ и много работаетъ надъ вопросомъ о борьбѣ съ пьянствомъ комиссія подъ предѣдательствомъ Епископа Митрофана Гомельскаго. Въ Думѣ есть и горячій, неутомимый борецъ противъ всероссійскаго пьянства, членъ отъ Самарской губерніи, Михаилъ Димитріевичъ Чельшевъ. Онъ – дай Богъ ему здоровья и силъ, душою болѣетъ за народъ, страдающій отъ пьянства: къ нему всякій, кто имѣетъ нужду, можетъ обращаться за помощьюъ и указаніями.

Дружно, взявшись рука за руку, пойдемъ противъ общаго врага! Много можетъ сдѣлать общество, когда оно, какъ одинъ человѣкъ, идетъ къ одной цѣли.

Посмотрите на нашихъ сосѣдей – жителей Буковины и Галиціи, гдѣ живутъ тоже русскіе. Тамъ не знаютъ такого поголовнаго пьянства, какое вездѣ видимъ у насъ. Въ 1877 году тамъ былъ изданъ законъ противъ пьянства. На основаніи этого закона уличенные въ публичномъ пьянствѣ наказываются денежнымъ штрафомъ или арестомъ. Торговцамъ спиртными напитками, подъ страхомъ строгой отвѣтственности, запрещается торговать въ кредитъ или отпускать спиртные напитки людямъ, находящимся въ нетрезвомъ состояніи лицамъ, въ теченіи года, три раза штрафованнымъ за пьянство, закрыть доступъ въ винныя лавки и питейныя заведенія. Благодаря этимъ мѣрамъ, а также усиленной проповѣди священниковъ и нѣкоторыхъ народныхъ дѣятелей, въ Галиціи и

Буковинѣ хотя и пьютъ, но умѣренно; о горькихъ пьяницахъ совѣтъ не слышно.

Въ родственныхъ намъ странахъ славянскихъ, Сербіи и Болгаріи, тоже нѣтъ нашего безобразнаго пьянства. Тамошняя водка – ракія имѣетъ всего 20 градусовъ спирта, пьютъ тамъ больше виноградное вино, и пьяницы очень рѣдки.

Отчего же это мы – одни изъ славянской семьи страдаемъ этимъ пагубнымъ порокомъ? Или нѣтъ у насъ силъ стряхнуть съ себя это проклятое иго?! Или намъ такъ и суждено потопить въ винѣ нашу народную силу и съ нею бывшее наше величіе и славу?!

Да не будетъ этого, братія – православные русскіе люди! Осѣнимъ себя крестнымъ знаменіемъ и призовемъ благословеніе Божіе на свой подвигъ, – соберемъ силы и стряхнемъ съ себя дьявольское навожденіе. Иначе – намъ грозятъ неисчислимыя бѣдствія: обнищаніе, униженіе, страданія, рабство и совершенная гибель...

Господи! помилуй насъ, ибо на Тебя надѣмся, не прогнѣвайся на насъ до конца и не вспомни нашихъ беззаконій, ибо Ты – Богъ нашъ, а мы – люди Твои, мы всѣ – дѣла рукъ Твоихъ и Твое Имя призываемъ!

Свящ. Михаилъ Алабовскій.

Христiанская ревность по вѣрѣ и вѣротерпимость

«Ревную по васъ Божією ревностію» (2 Кор. XI, 2).

Въ наши дни, въ рѣчахъ членовъ нашихъ представительныхъ учреждений, въ печати и просто въ разговорахъ нерѣдко можно слышать разсужденія о христiанской вѣротерпимости. Высочайшій указъ 17 апр. 1905 г. «объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости» и разнообразныя отраженія его въ жизни объясняютъ достаточно тотъ интересъ къ принципу вѣротерпимости, который замѣчается въ современномъ обществѣ. Но въ сужденіяхъ о такомъ важномъ предметѣ, какъ христiанская вѣротерпимость, именно, въ наши дни рѣдко можно встрѣтить правильное понятіе о предметѣ. Не говоря объ иновѣрцахъ и людяхъ безрелигіозныхъ, даже въ средѣ несомнѣнно православныхъ вѣрующихъ упускаются изъ виду важныя стороны предмета. Не беря на себя задачи всесторонняго изслѣдованія вопроса о вѣротерпимости, мы въ предлагаемой статьѣ сочли своевременнымъ напомнить объ одной изъ этихъ важныхъ сторонъ предмета, руководствуясь авторитетнымъ сужденіемъ по данному вопросу мудраго святителя-проповѣдника, архіепископа Харьковскаго Амвросія. Эта сторона: отношеніе вѣротерпимости къ христiанской ревности,

Но зачѣмъ, – скажутъ намъ – вы хотите говорить и о ревности по вѣрѣ?

Нынѣ вѣкъ свободы: свободы мысли, свободы слова, свободы совѣсти. Говорить о ревности, – не значить-ли возбуждать въ большинствѣ христiанъ духъ раздраженія и нетерпимости, который производитъ столько смятеній и бѣдъ всякаго рода? Говорите намъ о вѣротерпимости, но не о ревности.

Но въ томъ-то и дѣло, что говорить о вѣротерпимости нельзя, не касаясь христіанской ревности. Безъ яснаго понятія о ревности нельзя опредѣлить ни существа, ни духа, ни предѣловъ вѣротерпимости. Только тотъ можетъ быть въ истинномъ смыслѣ слова вѣротерпимымъ, кто имѣть ревность по вѣрѣ.

Ибо, – что такое ревность вообще? Это – забота любви о приобрѣтеніи и сохраненіи привязанности дорогихъ для насъ лицъ и о соблюденіи ихъ чести и благополучія. Это чувство вложено въ насъ самой природой, имъ охраняются наши семейныя, дружескія и общественныя связи и отношенія: мужъ ревниво оберегаетъ взаимную любовь его и жены, братъ и другъ оберегаетъ честь сестры, друга. Это чувство – живое и дѣятельное; достигая высшаго своего развитія оно становится пламеннымъ, неукротимымъ. Въ Св. Писаніи нерѣдко ревностью называются страданія души, полной любви къ Богу и опасующейся, какъ-бы отъ этой любви не отпали другіе. Самъ Господь называется «Богомъ-ревнителемъ» (Исх. XX, 5). Этимъ выражается, насколько сильна и какъ дѣйствуетъ любовь Божія, всѣми мѣрами заботящаяся объ охраненіи нашей вѣрности Ему.

Объ Искупителѣ нашемъ, возстановляющемъ падшее человѣчество и являющемъ славу Божію между людьми, сказано было въ пророчествѣ: «ревность по домѣ Твоемъ снѣдаетъ Меня» (Псал. 68, 10). Апостолы Христовы различными чертами того же самага образа объясняютъ намъ свои заботы о сохраненіи членовъ Церкви Христовой. Такъ, св. Павелъ, при видѣ христіанъ, колеблемыхъ въ вѣрѣ, уподобляетъ себя отцу, который обручилъ дочь свою вождѣльному жениху, но которому угрожаетъ великое безчестіе отъ ея измѣны: «ревную о васъ Божьею ревностію: потому что я обручилъ васъ единому мужу, чтобы представить Христу чистою дѣвой» (2 Кор. XI, 2).

Понятно изъ этого, чего отъ насъ требуетъ чувство ревности, когда мы перенесемъ его на вѣру. Если мы дѣйствительно, – а не на словахъ только, – состоимъ членами Церкви Христовой, если мы твердо убѣждены, что наше спасеніе и спасеніе всѣхъ другихъ людей возможно только въ Церкви православной, то ревность о славѣ Божіей должна быть свойственна каждому изъ насъ. Иначе я

буду безчувственнымъ, безсердечнымъ челоѡкомъ, не желающимъ искренно счастья на землѣ и вѣчнаго блаженства на небѣ ни себѣ, ни другимъ. Если я знаю, что въ моемъ отечествѣ, хотя и въ далекой Сибири, еще тысячи инородцевъ не вѣдаютъ истиннаго Бога Спасителя и погибаютъ въ идолопоклонствѣ, какъ мнѣ не позаботиться объ ихъ просвѣщеніи? Если я слышу сектанта, публично осмѣивающаго святыню таинствъ, санъ священный, церковные уставы, – какъ я могу остаться равнодушнымъ вѣдъ хулитель – на краю гибели и влечь туда другихъ! Если я слышу невѣрующаго, смущающаго умъ юноши рѣчами сомнѣній и отрицанія, – какъ не остановить соблазнителя и не заградить ему усть словами истины Христовой: вѣдъ онъ толкаетъ слабого въ пропасть! Выступить дѣятельно и живо во всѣхъ подобныхъ случаяхъ – прямой долгъ всякаго христіанина; въ этомъ заключается и правильно понимаемая обязанность власти въ христіанскомъ государствѣ. Такова ревность по вѣрѣ.

А что такое вѣротерпимость? По буквальному значенію слова, это – терпѣніе или допущеніе чужой вѣры около своей. Это – не самостоятельная добродѣтель, а только ограниченіе ревности по вѣрѣ. Христіанское благоразуміе заставляетъ самой добродѣтели указывать мѣру и предѣлъ. Сначала нужно основательно знать свою собственную вѣру и быть убѣжденнымъ въ ея истинности, желать себѣ и другимъ, какъ высшаго блага, совершенствованія въ вѣрѣ, стараться о распространеніи ея всѣми способами, согласными съ духомъ христіанскимъ, а потомъ уже – возможно относиться съ христіанскимъ снисхожденіемъ и долготерпѣніемъ ко всѣмъ, кто нашего исповѣданія не знаетъ, не цѣнитъ и не принимаетъ. Вотъ что значитъ имѣть христіанскую вѣротерпимость!

У многихъ изъ современныхъ христіанъ это христіанское понятіе о вѣротерпимости совершенно потеряно, а у иныхъ потемнено и искажено. Развѣ рѣдкость слышать въ наше время такіа разсужденія: «нашъ вѣкъ отличается самой широкой вѣротерпимостью. Предоставленіе каждому полной свободы вѣровать и жить, какъ ему угодно, есть преимущество нашего вѣка». Есть-ли въ этихъ словахъ здравое понятіе о вѣротерпимости? Нѣтъ, остается одно лишь слово, а настроеніе у разсуждающихъ такимъ образомъ совершенно не христіанское.

На самомъ дѣлѣ, такой защитникъ вѣротерпимости есть отрицатель всего христіанства. Вѣдь если-бы такой защитникъ признавалъ, что только Христова вѣра спасительна, что истина – въ ней одной, онъ и самъ подчинялся-бы ей и для другихъ не сталъ-бы требовать безусловной свободы. Такую свободу справедливо называетъ св. апостоль Петръ «прикрытіемъ зла». Такая свобода требуетъ: дитя не учить, заблуждающагося не вразумлять, нарушителя закона не обличать, ругателя не останавливать, святыню вѣры не охранять, Церковь не защищать, – однимъ словомъ, не противиться зду, давая ему свободно разливаться во всѣхъ областяхъ жизни.

Есть иные, не менѣе вредные для Церкви, поборники вѣротерпимости. Это не отрицатели христіанства; называются они христіанами, но духа христіанскаго въ нихъ нѣтъ. Они не знаютъ основательно ни своего исповѣданія, ни чужихъ. Въ ихъ сердцахъ нѣтъ живой вѣры и искренней любви къ Церкви, и потому они относятся ко всѣмъ исповѣданіямъ съ одинаковымъ равнодушіемъ совершенною холодною, прикрываясь именемъ вѣротерпимости. Такіе люди не въ правѣ присваивать себѣ это прекрасное качество христіанской души. Не зная, чѣмъ отличается ихъ вѣра отъ другихъ, они не могутъ отдать себѣ отчета въ томъ, что именно они терпятъ въ другихъ исповѣданіяхъ, для чего терпятъ, и гдѣ долженъ быть предѣлъ ихъ терпѣнія. Они не знаютъ, что въ чужой вѣрѣ представляетъ наибольшую опасность для ихъ единовѣрцевъ, они не въ состояніи замѣтить, когда терпимые ими иновѣрцы возьмутъ преобладаніе надъ ними самими, и когда ихъ собственной Церкви можетъ грозить опасность расхищенія и разрушенія. Вѣдь разныя вѣроисповѣданія – это не есть что-то неподвижное, подобно каменнымъ зданіямъ, назначеннымъ стоять неподвижно вѣками, а – созданія живой души, которой свойственно двигаться, вліять на другихъ и бороться съ чужими вліяніями.

И эта борьба изъ-за религіозныхъ убѣжденій никогда не прекращается. Иногда эта борьба можетъ поднимать въ обществѣ, христіанскомъ бурныя волны, и такіе поборники вѣротерпимости, какъ мертвыя тѣла, будутъ только плавать на ихъ поверхности. Это – защитники вѣротерпимости не по убѣжденію, а по наслышкѣ и по тщеславію. Они не хотятъ отстать отъ вѣка; имъ страшно названіе

фанатиковъ, которымъ ихъ запугиваютъ люди, извлекающіе свои выгоды изъ ихъ широкой вѣротерпимости. Желая избѣжать «ревности не по разуму», такіе люди не даютъ себѣ труда воспитать въ себѣ настоящую христіанскую ревность и впадаютъ въ другую крайность – совершенно пренебрегаютъ пользой и успѣхами родной для нихъ православной Церкви. Въ этомъ глубоко прискорбное доказательство нашей незрѣлости въ познаніи вѣры, – непониманія истиннаго ея духа, – крайней шаткости религіозныхъ убѣжденій.

Примѣровъ этой шаткости наша жизнь, – увы, – представляетъ великое множество; невозможно было бы ихъ всѣ указать, но объ одномъ, относящемся къ текущей современности, нельзя умолчать. Умеръ нашъ великій писатель, но и великій врагъ христіанской вѣры и православной Церкви, которая, данною ей отъ Бога властью, отлучила его отъ общенія съ сонмомъ истинно-вѣрующихъ. И что-же! Начинаются домогательства разрѣшенія служить панихиды по отступникѣ; а когда эти попытки не достигаютъ цѣли, – на Церковь и ея представителей сыплется градъ упрековъ за мнимую нетерпимость и жестокость, за забвеніе заповѣди о любви къ врагамъ; начинается кощунственное совершеніе новоизобрѣтенныхъ гражданскихъ панихидъ; открывается рядъ, такъ называемыхъ, паломничествъ на могилу ересеучителя; ревнителей вѣры, отказывающихся его чествовать, осыпаютъ бранью и т.д. И сколько называющихся именемъ христіанъ подъ вліяніемъ этого шума безвѣрія и стадности притаилось, боясь высказать открытое слово въ защиту Церкви! Сколько оказалось постыдившихся Христа въ родѣ семь прелюбодѣйномъ и грѣшномъ! Грустно и больно все это вспоминать.

Ужели здѣсь проявляется вѣротерпимость? Нѣтъ, здѣсь полное безразличіе къ исповѣдуемой вѣрѣ, постыдное равнодушіе къ добру и злу, позорное рабство духу міра.

Но какъ же относится христіанская ревность къ вѣротерпимости? Гдѣ кончается одна и начинается другая?

Христіанская ревность о спасеніи людей, по существу своему, не должна имѣть преградъ и предѣловъ. Она есть образъ любви

Божіей, стремящейся все привлечь къ себѣ и всѣмъ даровать блаженство въ общеніи съ собою. Преграды въ дѣлѣ спасенія людей какъ Самому Богу, такъ и его служителямъ, полагаетъ одна свобода человѣческая. И какъ Самъ Господь щадитъ эту свободу, хотя и ложно направленную, такъ заповѣдалъ онъ щадить ее и проповѣдникамъ своей истины. Онъ не повелѣвалъ имъ запасаться деньгами для пріобрѣтенія себѣ послѣдователей; Онъ не далъ имъ въ руки оружія, какъ Магометъ, для покоренія своему ученію непокорныхъ. Насиліе, подкупъ, обманъ, хитрость, лицемѣріе, соблазнъ, – всѣ такія средства обращенія не чисты и запрещены проповѣдникамъ Евангелія. Господу нашему нужны не порабощенные или купленные рабы, а свободные служители. Сила слова, дышащаго любовью и подкрѣпляемаго чистою жизнью, неутомимый трудъ, терпѣніе и вѣра во всепобѣждающую силу истины Христовой – вотъ ихъ оружіе! Поэтому, тамъ, гдѣ люди преданы грубой чувственности, не понимаютъ высокихъ истинъ христіанства, гдѣ люди упорно остаются при своихъ ложныхъ взглядахъ, не поддаваясь никакимъ убѣжденіямъ, – тамъ предѣлъ ревности и начало вѣротерпимости: скрѣпя сердце, нужно примириться съ печальной необходимостью.

Но, встрѣтивъ преграды для нашей ревности, мы не должны успокаиваться, считая эти преграды неодолимыми.

Нѣтъ! Душа человѣческая вѣчно въ движеніи; въ ней всегда возможны всякія перемѣны: завтра она можетъ быть доступна вліянію истины, которой противится сегодня. Поэтому, ревность должна быть бдительной и неутомимой, какъ сама любовь, а вѣротерпимость не должна служить прикрытіемъ духовной лѣности и мертвенности.

Св. апостоль Павелъ въ одномъ распоряженіи своемъ даетъ намъ образецъ самой полной вѣротерпимости и вмѣстѣ указываетъ ея истинный духъ и значеніе. Въ Коринтской Церкви возникъ вопросъ: оставаться ли въ союзѣ супружескомъ лицамъ, изъ которыхъ одно перешло въ христіанство, а другое остается въ язычествѣ? Апостоль рѣшилъ, что мужъ-христіанинъ не долженъ разводиться съ женою-язычницей и жена-христіанка – съ мужемъ язычникомъ. Нѣтъ ближе отношеній между людьми, какъ

супружескія, и ихъ то допускаеть Апостоль между христіанами и язычниками, столь противоположными по вѣрѣ и жизни.

Въ этомъ мы находимъ, съ одной стороны, сильное обличеніе тѣмъ, которые не хотятъ жить въ одномъ домѣ, или пить и ѣсть изъ однихъ сосудовъ съ христіанами, несогласными съ ними въ какихъ либо чертахъ вѣроученія, или обрядовъ, такъ и указаніе на истинную цѣль вѣротерпимости. «Почему ты знаешь, жена, – говорить Апостоль, – не спасешь-ли мужа? Или ты, мужъ, почему знаешь, не спасешь ли жены?» (1 Кор. VII, 16).

И мы не знаемъ, кого и когда Господу угодно Своею благодатию призвать къ спасенію. Поэтому, наша обязанность – не пренебрегать никѣмъ, не отталкивать отъ себя никого, какъ Самъ Господь никѣмъ не пренебрегаетъ и никого не отвергаетъ. Истинная вѣротерпимость должна подражать Божіему долготерпѣнію, ожидающему обращенія всѣхъ – и заблуждающихся, и ожесточенныхъ, и враждующихъ. Живя со всѣми иновѣрцами въ мирѣ, оказывая имъ во всѣхъ дѣлахъ житейскихъ услужливость, вниманіе и благожелательство, мы должны всегда думать: «почему мы знаемъ, не спасемъ, ли этимъ кого?». И эта надежда наша всегда можетъ оправдаться, если нашею жизнью не унижается наша вѣра и имя Божіе между иновѣрцами.

Такъ долженъ христіанинъ сочетать свою ревность по вѣрѣ съ вѣротерпимостью. Такое настроеніе, конечно, далеко не похоже на то, что у многихъ изъ нынѣшнихъ христіанъ называется вѣротерпимостью. Это – не вялое безразличіе къ истинѣ вѣры, не холодное равнодушіе ко спасенію – и своему, и чужому, а – напряженная готовность служить спасенію всѣхъ въ ясномъ сознаніи, что истина и счастье – въ Христовой Церкви и нигдѣ болѣе.

Примѣненіе указаннаго понятія объ отношеніи христіанской ревности къ вѣротерпимости требуетъ отъ христіанина большого запаса мудрости и, такъ сказать, христіанскаго такта. Однимъ изъ трудныхъ для разрѣшенія на практикѣ вопросовъ въ данномъ случаѣ является вопросъ о средствахъ къ охраненію вѣры и Церкви отъ посягательствъ враговъ православія. Нынѣ эти охранительныя

мѣры многими считаются стѣсненіемъ чужой свободы и несогласными съ вѣротерпимостью. Не такъ смотритъ на это св. апостоль Павелъ. Онъ пишетъ Коринѣянамъ: «Боюсь, чтобы, какъ змій хитростью своею прельстилъ Еву, такъ и ваши умы не повредились, уклонясь отъ простоты во Христѣ» (2 Кор. XI, 3). Онъ признаетъ, что большинство христіанъ, принявъ въ простотѣ сердца слово истины, и совершая свое спасеніе въ дѣтскомъ послушаніи уставамъ Церкви, можетъ быть совращено съ прямого пути хитростью лжеучителей, и желаетъ спасти ихъ отъ совращенія. Потому чада Церкви и называются чадами, что имѣють отцовъ, и на то даны имъ отцы, чтобы защищать и охранять ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что первое средство для такого охраненія есть проповѣдь, забота о духовномъ просвѣщеніи простыхъ христіанъ, борьба съ ложными ученіями. Но что можетъ быть противнаго духу Христову въ томъ, если мы будемъ удалять алчныхъ волковъ отъ Христова стада? Не считается же противнымъ чести и справедливости, когда родители, для охраненія невинныхъ дѣтей, своею властью удаляютъ изъ семействъ соблазнительей. Христіанская вѣротерпимость обязываетъ чадъ Церкви относиться ко всѣмъ въ духѣ мира и любви, не вторгаться насильственно въ чужую область, но она не требуетъ беззащитности отъ враговъ, когда они съ оружіемъ въ рукахъ вторгаются въ предѣлы Церкви, оскорбляютъ ея святыню, расхищаютъ ея достояніе. Тогда вѣротерпимость уступаетъ мѣсто одной ревности Божіей, какъ огонь, поядающей сопротивныя (Евр. X, 27). Тогда чада Церкви становятся воинами Божіими, и Самъ Богъ ихъ, Богъ мира, является Богомъ воинствъ и брани.

Священникъ М. Алабовскій.

«Не намъ, не намъ, а Имени Твоему»

(Къ 100-лѣтію Отечественной войны).

«Не мудростію и силою и богатствомъ хвалимся, но Тобою, Отчею, Ипостасною Мудростію, Христе!» (Церк. пѣснь).

Много говорить уму и сердцу русскаго человѣка празднованіе 100-лѣтія Отечественной войны 1812 г. Въ качествѣ лица духовнаго, считаемъ необходимымъ указать внутреннюю сторону событія, именно, отмѣтить, что та побѣда, которою Господь благословилъ въ этой войнѣ Русское государство, была *побѣдою народнаго духа*.

Недаромъ война эта знаменательно названа «*Отечественною*». Это названіе говоритъ о томъ, что тогда сражалось и побѣждало не войско только, какъ это бывало въ другихъ войнахъ, а весь народъ, всѣ сословія, отъ высшихъ до низшихъ. За столѣтіе предъ тѣмъ, на поляхъ Полтавскихъ была одержана тоже великая, имѣвшая первостепенное значеніе, побѣда, но то была побѣда войска, новообразованнаго Великимъ Петромъ и блестяще выдержавшаго здѣсь строгое испытаніе. Не было тогда того единенія народныхъ сословій между собою и съ Царемъ, нововведенія котораго на первыхъ порахъ народомъ не были поняты: обнаружались даже, хотя въ небольшой группѣ вліятельныхъ лицъ, измѣнническіе замыслы. Война Отечественная болѣе имѣетъ сходства съ тою войною народною, которая въ смутное время спасла наше отечество отъ конечной гибели, но она выше ея должна быть поставлена по высокому напряженію религіознаго и патріотическаго духа, который охватилъ рѣшительно всѣ сословія, тогда какъ 200 лѣтъ назадъ, боярство въ большинствѣ, разошлось съ народомъ, казачество и разная вольница сами раздирали отечество разбоями.

Среди медалей, выбитыхъ въ память Отечественной войны, есть одна, на которой изображена группа: священникъ съ крестомъ въ рукахъ, воинъ и крестьянинъ; подъ группой – надпись: «Мы всѣ въ одну сольемся душу». Знаменательное изображеніе, многоговорящія слова! Тогда, поистинѣ, было сліяніе сословій, духъ былъ одинъ.

Въ чемъ же заключалось это духовное единеніе? – Въ глубокой вѣрѣ, въ смиреніи передъ Промысломъ Божиимъ, Которому ввѣрялась вся жизнь и слава отечества, преданность Царю – защитнику Родины, любовь къ родной странѣ, къ ея святынямъ, полямъ, мирному крову, могиламъ отцовъ.

За что низложенъ гордый властелинъ всей Европы? Прежде всего, за поруганіе святыни, за гордость, въ которой онъ не хотѣлъ признавать ничего выше собственного ума и собственной силы и всѣмъ міромъ желалъ овладѣть.

За что дарована побѣда Русскому государству? За то, болѣе всего, что народъ смиренно каялся въ грѣхахъ своихъ, избавленія ждалъ не отъ своихъ вождей и воиновъ, хотя и прославленныхъ, хотя и пылавшахъ необыкновеннымъ мужествомъ, но отъ Всевышняго, за то, что воодушевленъ былъ не намѣреніями своскорыстія, а духомъ высокаго самоотверженія.

I.

Съ какими мыслями шель на Россію Наполеонъ?

Припомнимъ тогдашнія событія во Франціи.

Такъ называемая «Великая» французская революція только закончилась, отравивши всю страну ядомъ безвѣрія и беззаконія, сдѣлавъ ее игрищемъ страстей, ниспровергнувъ всякій религіозный и просто духовный авторитетъ и поставивъ выше всего грубую силу. Счастливыми обстоятельствами дотолѣ незамѣтный корсиканецъ, таившій въ себѣ достоинства военного генія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необыкновенную самоувѣренность, возводится

изъ незнатности на высоту власти. Его способности и успѣхъ, неизмѣнно сопутствующій ему, вызываютъ въ его согражданахъ всеобщее предъ нимъ преклоненіе. Его побѣды въ Европѣ и въ далекой Африкѣ и Палестинѣ, напоминавшія времена Александра Македонскаго, увеличиваютъ его обаяніе въ глазахъ всего міра, а въ немъ самомъ рождается упоеніе славой и собою. Онъ мыслить себя не орудіемъ въ рукахъ Высочайшаго Существа, а самостоятельнымъ вершителемъ судебъ. Вступая въ предѣлы Россіи въ приказѣ войскамъ отъ 10 іюня 1812 г. онъ гордо заявляетъ: «Россія увлечена рокомъ. Судьбы ея должны свершиться». Скажите, – какую гордость надо носить въ душѣ челоуѣку, который говоритъ такимъ языкомъ? У этого челоуѣка нѣтъ и тѣни мысли о томъ, что не его воля, а Чья то Высшая возвѣщаетъ рѣшеніе судебъ народовъ и царствъ.

Предъ Бородинскимъ сраженіемъ, отъ котораго ждали рѣшенія кампаніи, императоръ французовъ издаетъ хвастливое воззваніе къ войскамъ, въ которомъ, напоминая имъ прежнія побѣды и суля успѣхи въ этомъ сраженіи, пишетъ: «Побѣда зависитъ отъ васъ. Она необходима для васъ; она доставитъ вамъ все нужное: удобныя квартиры и скорое возвращеніе на родину». Безграничная самоувѣренность, не признающая никого выше себя!

Мы много знаемъ о тѣхъ поруганіяхъ, какимъ подвергали французы наши родныя святыни, но нигдѣ не читаемъ, чтобы они носили съ собой свои святыни и ихъ чтили. Наполеонъ пощадилъ Смоленскій соборъ, но только ради величественности зданія. Но ни въ Москвѣ, ни ранѣе онъ не хотѣлъ положить никакого предѣла тѣмъ оскорбленіямъ, которымъ его солдаты подвергали храмы, иконы и духовенство, равно какъ и тѣмъ издѣвательствамъ и мученіямъ, какимъ предавали мирное беззащитное населеніе. Послѣ перваго же серьезнаго боя съ французами, при Молевомъ болотѣ, обнаружилось варварское отношеніе «просвѣщенныхъ» французовъ къ странѣ, въ которой они воевали. Начальникъ казачьяго войска, «вихрь-атаманъ» графъ М.И. Платовъ доносилъ главъ кокомандующему: «Необыкновенный образъ войны, употребляемый французами, приличенъ однимъ только варварамъ. Мало того, что они грабятъ селенія, помѣщичьи дома, бьютъ жителей, насильничаютъ женъ и ихъ дочерей, съ священническимъ

саномъ поступають немилосердно, истязують и выпытываютъ отъ нихъ денегъ, но и самыя святыя православныя церкви не избѣгаютъ неистовства французовъ; святыя сосуды и утварь разграбляются. Въ селѣ Иньковѣ, въ церкви, на вынесенныхъ святыхъ образахъ французскіе солдаты мыли и развѣшивали исподнее бѣлье». Гр. Платовъ справедливо въ заключеніе своего донесенія говорить, что извѣстіе объ этомъ «воздвигаетъ въ сердцѣ каждого праведное рвеніе къ мщенію и ревность къ учиненію всякихъ жертвованій, дабы изгнать изъ предѣловъ отечества жестокосерднаго и несправедливаго непріятеля». Вотъ что было, по нашему мнѣнію, главной причиной народнаго вооруженія, – возмущеніе надругательствами надъ святыней!

А что дѣлалось въ Москвѣ? Монаховъ раздѣвали до нага, бросали въ рѣку, многіе потонули. Не пощадили и монахинь. Лицъ духовныхъ истязали, выпытывая, гдѣ у нихъ спрятаны сокровища. Не оставлены были и святыни Кремля. Въ Успенскомъ соборѣ вмѣсто паникадила повѣшены были вѣсы, на которыхъ взвѣшивалось награбленное золото и серебро, переплавленное въ слитки. Мощи св. Филиппа были выброшены на помость. Всѣ цѣнныя украшенія были содраны до самаго купола. Въ Архангельскомъ соборѣ валялись разбитыя бочки отъ вина и разная рухлядь. Въ алтарѣ Казанскаго собора на мѣстѣ выброшеннаго престола валялся трупъ лошади. Маршалъ Дану, пріѣзжая съ докладами въ Кремль, ночевалъ въ придѣлѣ главнаго храма Чудова монастыря. На полу церковей разводили костры, на престолахъ обѣдали.

Можно представить себѣ, какое впечатлѣніе производили эти извѣстія на тогдашній народъ, если и теперь, при чтеніи о поруганіи святыни, «праведное рвеніе къ мщенію» овладѣваетъ сердцемъ? Божественный духъ, можно сказать, всецѣло проникалъ всю эту двадцати-язычную армію, начиная отъ императора и кончая послѣднимъ погонщикомъ. Понятно, почему въ народѣ сложилось представленіе о Бонапартѣ, какъ объ антихристѣ, и самое его нашествіе почиталось признакомъ наступающаго конца міра, а французовъ народъ называлъ «бусурманами». Когда запертый въ треугольникъ русскими арміями, предъ Березиной,

казалось въ безвыходномъ положеніи, Наполеонъ склонился надъ картой, ища выхода, маршалы шептали другъ другу:

– «Ну, теперь *только дьяволъ* можетъ помочь ему!»

И они были правы: помогаль ему не Богъ.

II.

Какое настроеніе царило въ душѣ Императора Александра I и всего Русскаго народа во время Отечественной войны?

На это можно отвѣтить словами: «Вся Россія во главѣ съ Царемъ своимъ смирялась и молилась».

Благочестивый Государь сливается съ народомъ своимъ, прежде всего, въ молитвѣ: въ Смоленскѣ, въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ. Онъ не хочеть пышности въ дни суда Божія надъ вѣрренной ему страной. Онъ рѣшаетъ избѣжать торжественной встрѣчи въ первопрестольной столицѣ своей и потому вѣзжаетъ въ нее смиренно, тайкомъ, глубокой ночью. И только крестьяне подмосковнаго села Филей, всю ночь ждашіе съ хоругвями и иконами проѣзда любимаго Государя, были свидѣтелями этого смиреннаго вѣзда его въ Москву въ ночь подъ 12-го іюля. Тамъ Императоръ Александръ I усердно молился въ Успенскомъ соборѣ, а вечеромъ – въ часовнѣ – предъ чудотворной Иверской Иконой Богоматери.

Войну съ Наполеономъ Императоръ Александръ ведетъ безъ всякой самонадѣянности и не изъ желанія овладѣть чужимъ достояніемъ. Онъ хочеть только избавленія Россіи и Европы отъ ига тирана. Свое знаменитое воззваніе къ Москвѣ онъ заключаетъ такими словами: «Да обратится погибель, въ которую мнить онъ низринуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличить имя Россіи!». Онъ намѣренъ вести войну въ духѣ чловѣколюбія, уваженія къ противнику, въ духѣ вообще чуждомъ всякаго беззаконія: «Да распространится, говорится въ томъ же воззваніи, въ сердцахъ знаменитаго дворянства нашего и во всѣхъ прочихъ

сословіяхъ *духъ той праведной брани, какую благословляетъ Богъ и Православная Церковь!*». Въ Манифестъ, отъ того же 6 іюля, Государь, помянувъ, что онъ призываетъ на помощь Бога, обращается ко всѣмъ сословіямъ государства съ такими вдохновенными словами: «Да встрѣтитъ врагъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ – Палицына, въ каждомъ гражданинѣ – Минина... Святѣйшій Синодъ и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи. Народъ Русскій! Храброе потомство храбрыхъ славянъ! Ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ: соединитесь всѣ съ крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ никакія силы человѣческія насъ не одолѣютъ». Какъ трогателенъ этотъ возвышенный, поэтическій языкъ! Какимъ воодушевленіемъ должны были быть объяты всѣ сословія, призываемыя Царемъ къ единому великому дѣлу охраны Церкви и спасенія Царства!

Съ Государемъ молилась и вся Россія. Князь М.И. Кутузовъ, назначенный главнокомандующимъ русской арміей, первымъ дѣломъ отправляется въ Казанскій соборъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ онъ прослушалъ молебень, стоя на колѣнахъ. Протоіерей Іоаннъ окропилъ его святою водою, подалъ крестъ и блюдо съ образомъ Казанской Божіей Матери. Кутузовъ приложился и возложилъ на себя образъ.

А какъ готовились воины наши къ битвамъ, это особенно видно по тѣмъ воспоминаніямъ, которыя сохранились о канунѣ Бородинскаго сраженія. Въ то время, какъ во французскомъ лагерѣ шло ликованіе, въ предчувствіи лакомой добычи, какою казалась французамъ Москва, въ лагерѣ русскихъ царила тишина. Солдаты мыли рубашки, дабы во всемъ чистомъ предстать на судъ Божій, который могъ ожидать ихъ на другой день. Многіе отказывались отъ чарки водки. Крестнымъ ходомъ обошла ряды русскихъ воиновъ чудотворная икона Божіей Матери Одигитрія, вынесенная изъ Смоленска и находившаяся съ войскомъ. Повсюду служились молебны. Кутузовъ не обращался къ солдатамъ съ громкими словами, но, объѣзжая войско, говорилъ простыми словами, доходчивыми къ сердцу народному.

И всѣ другіе наши вожди (Дохтуровъ, Невѣровскій, Платовъ и др.), вступая въ бой, сѣняли себя благоговѣнно крестнымъ знаменіемъ, призывая на помощь Всевышняго.. Усердно молились и наши христіанскіе воины. Они были чужды кичливой самоувѣренности своихъ противниковъ; упоая болѣе всего на милость Божию, на заступленіе Царицы Небесной, на молитвы Чудотворцевъ Россійскихъ, они, сотворивъ крестное знаменіе, готовились грудью защищать святую родину до послѣдняго издыханія, до послѣдней капли крови.

Горяча была молитва и всего православнаго Русскаго народа, того народа, который, пламенно желая избавленія родины, не видѣлъ для того лучшаго средства, нежели молитва.

Такъ, вся Россія составила съ Царемъ своимъ единую душу. Это было то великое единеніе, когда всѣ сословія, дворянство, духовенство, купечество, крестьянство, жители городовъ и деревень, богатые и бѣдные были охвачены однимъ стремленіемъ, однимъ желаніемъ встать на защиту своей дорогой родины. Всѣ классы населенія соревновали другъ передъ другомъ въ защиту отечества. Изъ нихъ первое мѣсто принадлежитъ дворянству.

III.

«Да встрѣтитъ врагъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго!».

И подлинно, – духъ безсмертнаго князя, избавителя отечества въ смутную годину междоусобицы, воплотился тогда въ каждомъ дворянинѣ въ большей или меньшей степени. Дворянство наше выставило великихъ вождей нашего воинства, доставившихъ ему славу и обезсмертившихъ въ потомствѣ имена свои. И славный вождь, «Екатерининскій орелъ», князь М.И. Голенищевъ-Кутузовъ, и князь М.Б. Барклай-де-Толли, и храбрѣйшій князь П.И. Багратіонъ, какъ называли его «генераль по образу и подобию Суворова», и Д.П. Невѣровскій, этотъ, по словамъ самого Наполеона, «левъ храбрости», и Н.Н. Раевскій, и Д.С. Дохтуровъ, стойкіе защитники Смоленска, и А.П. Ермоловъ, и графъ П.П.

Коновницынъ, и Я.П. Кульневъ, и «вихрь-атаманъ» графъ М.И. Платовъ, и безстрашный графъ М.А. Милорадовичъ, и четверо самоотверженныхъ братьевъ – Тучковыхъ, и наши славные партизаны – Д.В. Давыдовъ, А.С. Фигнеръ, А.Н. Сеславинъ, князь Кудашевъ и многіе другіе – принадлежали къ дворянству и, преимущественно, родовитому.

Князь Михаилъ Илларионовичъ Голенищевъ-Кутузовъ, убѣленный сѣдинами старецъ, только что вернувшійся изъ турецкаго похода, долгомъ своимъ предъ отечествомъ считаетъ принять предложенное ему Государемъ главное командованіе надъ арміей. Онъ жертвуетъ покоемъ, столь имъ заслуженнымъ, и идетъ на новые, еще болѣе тяжелые труды.

Но, особенно ярко сказалась сила духа Кутузова на военномъ совѣтѣ въ Филяхъ. Когда мнѣнія генераловъ о томъ, дать ли послѣ Бородинскаго еще одно сраженіе, или оставить Москву, раздѣлились, Кутузовъ, дотолѣ слушавшій ихъ въ глубокой задумчивости, наконецъ, сказалъ:

– «Съ потерей Москвы не потеряна Россія».

«Первою обязанностью поставляю сохранить армію и сблизиться съ войсками, идущими къ намъ на подкрѣпленіе. Самымъ уступленіемъ Москвы приготовимъ мы гибель непріятелю. Изъ Москвы я намѣренъ идти по Рязанской дорогѣ. *Знаю отвѣтственность, обрушившуюся на меня, но жертвую собою для блага отечества*». И потомъ, поднявшись со стула, рѣшительно произнесъ: «приказываю, отступать».

Сподвижники Кутузова были достойны своего главнокомандующаго. Князь Багратионъ, грузинъ по происхожденію, но всецѣло русскій душой, своею безавѣтной отвагой заслужилъ общую любовь арміи и народа; кончина его отъ тяжкихъ ранъ, полученныхъ въ Бородинскомъ бою, вызвала всеобщее огорченіе.

А Невѣровскій? Въ геройскомъ бою подъ Краснымъ онъ, имѣя 27-ю дивизію, дерется съ отрядомъ Мюрата, вдсятеро сильнѣйшимъ его и, отступая на протяженіи 10 верстъ къ Смоленску, отражаетъ до 40 атакъ превосходной конницы непріятеля. На предложеніе

сдаться на почетныхъ условіяхъ, Невѣровскій, какъ истый малороссъ, невозмутимо отвѣчаетъ: «возьмите, если можете»; такъ и ушелъ въ полномъ порядкѣ. Самъ Наполеонъ сказалъ про него: «Невѣровскій отступалъ, какъ левъ».

А Раевскій? Защита Смоленска 4 августа доставила ему неувыдаемую славу, и справедливо: съ корпусомъ меньше, чѣмъ въ пятнадцать тысячъ человекъ, онъ задержалъ всю наполеоновскую армію, отбивалъ ея безпрерывныя атаки и тѣмъ далъ возможность нашимъ арміямъ соединиться. Всю важность боя подъ Смоленскомъ указалъ самъ Наполеонъ, сказавшій уже на островѣ св. Елены: «Пятнадцатитысячной русской дивизіи, случайно находившейся въ Смоленскѣ, удалось защищать свой городъ въ продолженіи сутокъ, что дало время прибыть на слѣдующій день Барклаю-де-Толли. Если бы французская армія успѣла врасплохъ овладѣть Смоленскомъ, то она переправилась бы черезъ Днѣпръ и атаковала бы съ тыла русскихъ». Въ такомъ же геройскомъ духѣ, какой отличалъ Раевского, онъ воспиталъ и своихъ сыновей. Въ одномъ изъ первыхъ боевъ съ французами, при Салтановкѣ, русскимъ пришлось выдержать упорный натискъ сильнѣйшаго непріятели, и во время рѣшительной атаки, когда самъ Раевскій сталъ во главѣ своего корпуса, произошло слѣдующее. Помня завѣтъ Суворова: «пуля – дура, штыкъ – молодецъ», полкъ шелъ въ атаку безъ выстрѣла. Знамя славнаго полка несъ 16-лѣтній сынъ Раевского. Его братъ, почти ровесникъ, сталъ просить: «Дай мнѣ нести знамя». – «Я самъ умѣю умирать» – былъ отвѣтъ. Вотъ юноши, о которыхъ, по всей справедливости, можно сказать: достойные дѣти достойнаго отца!

А Дохтуровъ? Несмотря на его серьезную болѣзнь, Барклай просить его принять на себя защиту Смоленска на 5 августа. На это послѣдовалъ письменный отвѣтъ: «лучше умереть въ бою, нежели въ постели». Генераль Дохтуровъ, лежа на постели на Молоховской башнѣ, преодолая страданія, бодро командуетъ гарнизономъ Смоленска, держится весь день, довершая тѣмъ дѣло Раевского.

И много, много другихъ славныхъ страницъ вписали въ родную исторію наши полководцы.

Наряду съ отдѣльными выдающимися представителями и все дворянское сословіе несло службу родинѣ. По первому зову Государя, дворяне Смоленскіе первые собирають пожертвованія, которыхъ вмѣстѣ съ другими сословіями собрали около 9 миллионѣвъ рублей, московскіе – болѣе 3 миллионѣвъ; смоленскіе выставили свыше 12000 ополченцевъ, московскіе – 80000 чел. Трудно сосчитать всѣ жертвы, принесенныя дворянствомъ и личнымъ трудомъ, и имуществомъ, но эти жертвы, несомнѣнно, очень велики.

Изъ отдѣльныхъ подвиговъ дворянъ, совершенныхъ въ 1812 г. не на полѣ брани, особенной памяти заслуживаетъ доблестная смерть за родину двухъ смоленскихъ партизановъ: П.И. Энгельгардта и С.И. Шубина.

Въ своей родовой деревнѣ Дятлевѣ, Порѣчнаго уѣзда, проживаль помѣщикъ, отставной подполковникъ П.И. Энгельгардтъ. Какъ и всѣ въ эту годину испытанія родины, онъ всѣми мѣрами старался вредить французамъ. Его подъ конвоемъ привели въ Смоленскъ и водворили въ Спасскую церковь, гдѣ ему и пришлось, въ ожиданіи рѣшенія своей участи, просидѣть двѣ недѣли.

Наконецъ, была получена резолюція Наполеона – «разстрѣлять».

Выслушавъ спокойно свой смертный приговоръ, съ яснымъ лицомъ, обратился онъ къ своимъ палачамъ: «Вы не поработите Россіи, вы погибнете, а я благодарю Бога за то, что умираю, какъ вѣрный сынъ отечества. Ведите меня скорѣе къ мѣсту моего торжества. Русскіе умѣютъ умирать за отечество и не привыкли быть рабами иноплеменика».

15 октября его привели въ ровъ за Молоховскими воротами и стали вычитывать смертный приговоръ; не дождавшисъ окончанія чтенія, Павелъ Ивановичъ крикнулъ по-французски: «Полно врать... пора перестать! Заряжайте поскорѣе и пали!».

Подошелъ офицеръ, завѣдывавшій казнью, и хотѣлъ наложить ему на глаза повязку, но Энгельгардтъ отстранилъ его.

– «Прочь! Никто не видалъ своей смерти, а я ее буду видѣть. Господи, помяни мя, егда приидеши во Царствіи Твоемъ: въ руки Твои предаю духъ мой. Стрѣляй!».

Три пули сразили Энгельгардта въ грудь и животъ, и онъ упалъ сначала на правое колѣно, а потомъ навзничъ и сталъ отходить; тогда одинъ изъ солдатъ, можетъ быть изъ сожалѣнія, выстрѣлилъ ему въ високъ.

Очевидецъ этой казни священникъ Мурзакевичъ такъ заканчиваетъ свои воспоминанія: «Не успѣлъ я долгъ христіанскій кончить и спекуляторы (полевые жандармы) раздѣли его до-нага и ничкомъ въ 3 четверти выкопанную яму вбросили, а окровавленную одежду и обувь раздѣлили себѣ».

Черезъ девять дней послѣ П.И. Энгельгардта 24 октября за Сиверской заставой былъ разстрѣлянъ другой доблестный партизанъ – бѣльскій помѣщикъ, коллежскій ассессоръ, Семень Ивановичъ Шубинъ.

Оба героя, принявшіе одинаковую мученическую смерть, увѣковѣчены однимъ памятникомъ.

IV.

«Да встрѣшитъ врагъ въ каждомъ духовномъ Палицына!».

Со всею готовностію отозвалось на этотъ призывъ Государя все православно-русское духовенство въ 1812 году.

Знаменитый митрополитъ Московскій Платона, древній годами и удрученный недугами, жилъ тогда на покоѣ въ Виѳанія (въ 60 вер. отъ Москвы), когда до него дошла вѣсть о приѣздѣ Государя въ Москву. Больной, разслабленный владыка рѣшилъ ѣхать въ столицу и нѣсколько разъ собирался сѣсть въ поданную карету, но силы измѣнили ему, и старецъ былъ принужденъ возвратиться въ свои покои. Тогда онъ отправилъ съ намѣстникомъ Троицкой Лавры, Самуиломъ, образъ Преподобнаго Сергія, писанный на

гробовой доскѣ Чудотворца. Икона эта нѣкогда сопровождала Петра Великаго во всѣхъ его походахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ митрополитъ: Платонъ писалъ Государю, благословляя его на брань: «пусть дерзкій и наглый Галіафъ отъ предѣловъ Франціи обносить на краяхъ Россіи смертоносные ужасы, но кроткая вѣра, сія праща Россійскаго Давида, сразитъ внезапно главу кровожаждающей его гордыни».

Слова престарѣлаго владыки, стоявшаго на краѣ могилы, оказались пророческими. Государь тепло отвѣтилъ письмомъ митрополиту, а икону преподобнаго Сергія вручилъ московскому ополченію.

Духовенство, вмѣстѣ со всѣмъ народомъ русскимъ, горѣло желаніемъ внести свою долю въ подвигъ обороны отечества. Мы уже не говоримъ о военномъ духовенствѣ, для котораго защита родины была первою обязанностію (О подвигахъ военного духовнства см. книгу протопресвитера Г.И. Шавельскаго), а отмѣтимъ только, что и приходскіе пастыри принимали горячее участіе въ общей народной борьбѣ. Насчитываютъ, что духовенство разныхъ губерній Россіи пожертвовало изъ своихъ скудныхъ средствъ на нужды войскъ: серебромъ – 50,061 р. 49 к., асигнаціями – 759,618 р. 85 к.; кромѣ того, въ вещахъ и слиткахъ: серебромъ – 53 пуда 22 фунта 93 зол. и золотомъ – 10 ф. 13 ½ зол. (Газ. «Колоколь» отъ 20 іюня с. г. 1859). Но неизмѣримо цѣннѣе были личные подвиги служителей алтаря. По сану своему лишенные возможности поднять мечъ на врага, они явились беззащитными жертвами въ рукахъ, не желая отдать святыню, которой служили, на совершенное опустошеніе и поруганіе. Тутъ явились новые исповѣдники и мученики, сохранить имена и подвиги коихъ составляетъ нашъ священный долгъ.

Когда, 5 августа, вслѣдъ за жителями оставило Смоленскъ и духовенство, только два священника – упомянутый выше очевидецъ смерти Энгельгардта, о. Никифоръ Мурзакевичъ, и о. Іаковъ Соколовъ – остались на все время пребыванія французовъ въ Смоленскѣ. Имя о. Мурзакевича должно быть записано на скрижаляхъ исторіи 1812 года, какъ имя великаго подвижника и доблестнаго пастыря въ годину народнаго бѣдствія. Еще утромъ 4 августа генераль Паскевичъ послалъ за священникомъ къ раненымъ

солдатамъ. На призывъ тотчасъ отозвался о. Н. Мурзакевичъ. Онъ надѣлъ на грудь икону Божіей Матери и подъ огнемъ непріятеля сталъ исповѣдывать и приобщать раненыхъ. Около него было убито два солдата, раненъ въ ногу артиллерійскій капитанъ, но не смутился духъ о. Никифора, и онъ продолжалъ святой подвигъ свой среди стонувъ раненыхъ и умирающихъ подъ градомъ пуль, и Богъ сохранилъ его среди тысячи смертей. Бомбардировкой былъ разрушенъ домъ о. Мурзакевича. Тогда онъ съ семействомъ отправился въ соборъ, при которомъ служилъ, и сталъ совершать молебствіе предъ иконой Спасителя. Не имѣя пристанища, поселился онъ съ семейными на хорахъ собора и отнынѣ сдѣлался добровольнымъ хранителемъ православныхъ святынь. По его личному ходатайству у Мюрата зданіе собора, поразившее величественностью самаго Наполеона, было пощажено французскими мародерами: «благодареніе Богу, карауль приставили», – писалъ онъ въ своихъ запискахъ.

При приближеніи Наполеона къ Москвѣ, почти всѣ жители покинули ее; остались лишь немногіе. Но значительная часть духовенства не покинула своихъ церквей. Осталась и монастырская братія. Именно духовенству пришлось тяжело всего отъ нашествія французовъ. Среди солдатъ ходили слухи о богатствахъ Московскихъ церквей и монастырей. Врываясь въ святыя храмы, грабители сразу догадывались, что главное имущество церквей скрыто, и чтобы узнать тайники, подвергали мученію священниковъ, грозили имъ смертью. Но духовенство держалось стойко, терпѣло побои и издѣвательства, иные и гибли отъ рукъ остервенѣлыхъ солдатъ.

Мученическую кончину за родную святыню принялъ благоговѣйнѣйшій іерей Сорокосвятской церкви о. Петръ Гавриловъ. 2 сентября, въ день вторженія непріятеля въ Москву, поляки первые заняли Новоспасскій монастырь и стали грабить. Затѣмъ напали на смежный Сорокосвятскій храмъ, но здѣсь встрѣтили противодѣйствіе отъ того, отъ кого всего мнѣе можно было, повидимому, ожидать. Смиранный служитель алтаря Господня, 60-лѣтній старецъ о. Петръ Гавриловъ объявилъ грабителямъ, что не только не выдастъ ключей отъ храма, но и не иначе допустить въ храмъ, какъ черезъ свой трупъ. Ему тяжело

было видѣть поруганіе святыни, о которой онъ радѣль десятки лѣтъ (онъ служилъ при церкви съ 1772 г.), съ которою сроднился всѣмъ своимъ существомъ онъ желалъ, поэтому, лучше умереть, чѣмъ видѣть это поруганіе. И Господу угодно было попустить исполниться его желанію. Разъяренные враги умертвили его въ притворѣ, и именно чрезъ его окровавленное тѣло ворвались въ храмъ, разломавъ двери. Храмъ былъ обезчещенъ, св. престоль опрокинули. Тѣло блаженнаго іерея Петра было погребено монахами въ Новоспасскомъ монастырѣ 3-го сентября. Свѣжая могила его трижды была разрываема алчными врагами, которые, вмѣсто искомымъ сокровищъ, находили только жертву своей лютости. 5 декабря того же года тѣло было вынута изъ земли и благочестно отпѣто.

По убіеніи о. П. Гаврилова, французы бросились въ Новоспасскій монастырь, разбили двери храмовъ, престарѣлаго намѣстника, іеромонаха Никодима, избитаго, вмѣстѣ съ однимъ послушникомъ, привели въ соборъ. Поставили здѣсь обоихъ на колѣна и, приставивъ къ груди ружья, требовали указать, гдѣ хранятся монастырскія сокровища, заранѣе вывезенныя архимандритомъ Амвросіемъ. Послѣ истязаній, не добившись отвѣта, французы, оставивъ ихъ въ живыхъ, разграбили оставшіяся въ ризницѣ вещи и оклады съ иконъ. Въ Симоновской монастырь враги ворвались, когда архимандритъ Герасимъ съ братіей совершалъ въ церкви утреннее молитвословіе. Архимандритъ былъ тотчасъ ими схваченъ и допрашиваемъ съ побоями и угрозами смертью о монастырскихъ сокровищахъ. Истязали и намѣстника Іосифа. Но добиться ничего не могли. Въ Донскомъ монастырѣ остался намѣстникъ Вассіанъ съ 17-ю монахами. Непріятели, вторгшись въ обитель 3 сентября, вломились въ соборъ, въ которомъ укрывались монахи съ частью другихъ жителей. Намѣстникъ, держа крестъ въ рукахъ, всѣхъ приготовлялъ къ смерти. Непріятели подвергнули избіенію намѣстника и ризничаго монаха Иринея изранили мечемъ, разграбивши соборъ и прочія церкви и келіи. Церкви обратили въ конюшни и кофейни. Монаховъ употребляли на тяжелыя работы. Около 20 сент. въ монастырь на нѣсколько минутъ пріѣзжалъ Наполеонъ, однако никакихъ запрещеній опустошать монастырь не послѣдовало.

Такі же ужасы, – кровопролитіє, гнусное издѣвательство и кошунство, – происходили и въ другихъ монастыряхъ.

Исторія сохранила намъ память о двухъ предводителяхъ крестьянскихъ отрядовъ изъ духовнаго званія, хотя, быть можетъ, въ дѣйствительности ихъ было и больше. Оба изъ Смоленской губерніи.

Когда французы вторглись въ Смоленскую губернію, дьячекъ Пятницкой церкви г. Рославлева, Савва Крестелевъ, ушелъ въ лѣса и собралъ вокругъ себя бездомныхъ крестьянъ. Въ своихъ нападеніяхъ онъ проявлялъ безумную храбрость, всюду подавая примѣръ другимъ, и французы его страшно боялись. Наконецъ, непріятелю удалось окружить его. Дьячокъ дрался, какъ левъ, пока не упалъ подъ ударомъ въ неравномъ бою. Вѣнецъ мученическій за родину пріялъ этотъ маленькій, простой человѣчекъ, о которомъ раньше никто не зналъ, да и не узналъ бы, – не будь нашествія враговъ на отечество.

Позднѣ отличился пономарь села Савенокъ, Сычевскаго уѣзда, Смирягинъ. Онъ тоже собралъ крестьянъ и съ ними отбилъ знамя и карту Россіи у непріятеля, за что и былъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена.

Такъ, словомъ, растворенной сердечнымъ тепломъ молитвы и пастырскаго призыва, и дѣломъ подвига страданія и воинствованія послужило духовенство Церкви, Царю и Родинѣ въ тяжкую годину Отечественной войны.

V.

«Народъ русскій! Храброе потомство храбрыхъ славянъ! Ты неоднократно сокрушала зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ». «Да встрѣтитъ вразъ въ каждомъ гражданинѣ Минина!».

Какой пламенный откликъ нашли эти слова въ сердцахъ простыхъ русскихъ людей! Объ этомъ неоспоримо свидѣлствуютъ и

подвиги народные, и тѣ умиленные картины. какія наблюдались при каждомъ появленіи Царя къ народу.

12 іюня съ ранняго утра народъ наполнилъ кремлевскія площади. Въ 10 часовъ утра Государь вышелъ на Красное Крыльцо. Трудно описать эту трогательную минуту. Долго гремѣло въ воздухѣ восторженное «ура». Затѣмъ послышались голоса: «веди насъ, отецъ нашъ!», «умремъ, или истребимъ злодѣя!».

Въ толпѣ слышались громкія рыданія, иные становились на колѣни. Издали тянулись руки, осѣнявшія крестнымъ знаменемъ Государя, который прошелъ въ Успенскій соборъ на молебствіе по случаю заключенія мира съ Турціей.

15 іюня главнокомандующій Москвы, графъ Ѳ.В. Растопчинъ предложилъ московскому дворянству и купечеству собраться на съѣздъ въ залахъ Слободского дворца. Тамъ былъ прочитанъ манифестъ о народномъ ополченіи. Въ залѣ, гаѣ собралось купечество, тотчасъ «попились миллионы», какъ предвидѣлъ гр. Растопчинъ. Въ два часа времени пожертвованія достигли 1 ½ миллионѣвъ. Но это было только начало. Въ слѣдующіе дни пожертвованія достигли 10 миллионѣвъ. Когда Государь вышелъ къ купечеству и благодарилъ его за пожертвованія, купцы въ одинъ голосъ закричали:

– «Мы готовы пожертвовать, отецъ нашъ, не только имуществомъ, но и собою!».

То же самое происходило ранѣе и въ Смоленскѣ.

Въ своемъ письмѣ къ фельдмаршалу гр. Салтыкову Государь выразилъ чувства, волновавшія его во время пребыванія въ Москвѣ: «нельзя быть не тронутымъ до слезъ, видя духъ, оживляющій всѣхъ, усердіе и готовность каждаго содѣйствовать общей пользѣ».

Не только въ Москвѣ и Смоленскѣ, но и въ прочихъ губерніяхъ всѣхъ охватило то же рвеніе; всѣ спѣшили доказать свою готовность жертвовать имуществомъ и стать самимъ на защиту Отечества. Въ ополченіе добровольно записывались мѣщане и разночинцы. Не было равнодушныхъ: загорѣлось сердце народное любовію къ Родинѣ, закипѣла кровь жаждой дать отпоръ дерзкому

завоевателю, покусившемуся на святую Русь. Возбужденіе было до того сильно, что Государю пришлось издать манифестъ о томъ, что народное ополченіе распространяется лишь на 17 губерній. Остальныя же губерніи имѣлось въ виду призвать къ народной оборонѣ лишь въ случаѣ крайней необходимости.

Отправляясь въ походъ противъ Россіи, желая обезпечить себѣ побѣду, Наполеонъ задумалъ произвести народную смуту, поднявъ крестьянъ противъ помѣщиковъ. Съ этой цѣлью онъ велѣлъ своимъ агентамъ распространять въ народѣ слухи, что императоръ французскій – не врагъ народу, что онъ воюетъ только съ арміей, что хочетъ освободить крѣпостныхъ отъ власти помѣщиковъ и дать народу русскому свободу и миръ. При этомъ хитрый корсиканецъ разсчитывалъ и на то, что сами помѣщики, опасаясь вражескаго нашествія и разоренія своего имущества, стануть просить Государя о скорѣйшемъ заключеніи мира.

Но тутъ-то и ошибся Бонапартъ. Помѣщики не только не думали о мирѣ, но сами стали во главѣ народныхъ ополченій, составляли партизанскіе отряды и вмѣстѣ съ крестьянами покидали свои дома, уничтожали имущество, сжигали усадьбы и наносили всяческой вредъ неприятелю.

Поднялась «народная война», болѣе страшная для французовъ, чѣмъ сраженія съ арміей.

Многіе солдаты изъ французскаго войска, тяготясь походомъ и лишениями, убѣгали изъ арміи и занимались грабежемъ. Эти солдаты, такъ называемые, «мародеры» соединялись въ шайки и дѣлали набѣги на малые города, села и хутора. Съ ними то, а иногда и съ цѣлыми отрядами непріятельскими, посылавшимися за провіантомъ, крестьяне вели жестокою, безпощадную войну. Всѣ жители, кто только былъ способенъ на дѣло, собирались въ отряды и, вооружившись кто чѣмъ могъ, отправлялись «на охоту» за непріятелемъ. Тутъ были и старые мужики, и молодые парни, и женщины, и подростки; у однихъ были въ рукахъ рогатины, вилы, топоры, косы; другіе держали на плечахъ огромныя дубины, заостренные колья. Нѣкоторые, особенно изъ помѣщичьихъ псарей, ловчихъ и егерей, имѣли лошадей и ружья, иные подбирали оружіе гдѣ нибудь на полѣ брани. И гдѣ только такому отряду удавалось

настигнуть неприятеля, ему не было пощады от горьваго мщеніемъ народа.

Въ особенности туго приходилось французамъ въ Смоленской губерніи. Въ Сычевскомъ уѣздѣ подвизался съ своимъ отрядомъ, Суворовскій служака-маіоръ Семень Емельяновъ, личность незаурядная. Крѣпостной помѣщикомъ Паниныхъ, онъ былъ отданъ не въ очередь въ солдаты. За спасеніе знамени въ итальянскомъ походѣ онъ былъ произведенъ въ офицеры и въ 1810 году вернулся со службы въ родное село уже въ чинѣ маіора. Въ 1812 году онъ собралъ отрядъ добровольцевъ и пришелся очень солоно французамъ. И долго Емельяновъ держалъ ихъ въ паническомъ страхѣ, пока въ одну свѣтлую морозную ночь ему не донесли, что въ сосѣднее село прибылъ отрядъ французовъ и грабитъ его. Живо послалъ онъ часть своего отряда въ обходъ съ тылу, а самъ съ 16 человекъ бросился прямо въ село и погналъ французовъ. Въ пылу схватки вдругъ слышитъ онъ голосъ дьячка: «Батюшки! Отцы родные! – выручите святую-то! Унесутъ они Ее, Матушку!».

Емельяновъ, увидѣвъ на рукахъ одного драгуна икону Богоматери, сіявшую золотымъ окладомъ, внѣ себя закричалъ: «Не дадимъ ругаться надъ святыней! Кто за вѣру, Бога и Царя – за мной!» и дерзкій святотатецъ свалился съ лошади подъ страшнымъ ударомъ его палаша. Но въ тотъ же моментъ и самъ онъ упалъ, пронзенный шестью пулями въ упоръ. Поцѣловалъ отнятую имъ икону, коснѣющимъ языкомъ храбрый маіоръ сказалъ своимъ доблестнымъ сподвижникамъ: «Ну, теперь наше дѣло сдѣлано. Воля Царя Небеснаго! Не беру грѣха на душу, если скажу, что отслужилъ Отцу-Царю по чести и совѣсти... жены, да ребятишекъ-то не забудьте... помолитесь обо мнѣ, братцы!» – И честная душа маіора отошла ко Господу.

Да и одинъ ли маіоръ Емельяновъ былъ грозою французовъ въ Смоленской и другихъ губерніяхъ? Знаменитый «Денисъ» Давыдовъ, А.С. Фигнеръ, А.Н. Сеславинъ и другіе менѣе извѣстные партизаны давали себя знать французамъ чуть не настоящими сраженіями. А знаменитый гусарь Самусь, отрядъ котораго достигалъ 2000 человекъ и даже имѣлъ 1 орудіе; а Гжатскій бургомистръ Игнатій Никитинъ, а знаменитая старостиха Василиса,

а какая то невѣдомая Прасковья изъ деревни Соколовой, Сычевскаго уѣзда, убившая французскаго полковника и потомъ въ его мундирѣ и киверѣ участвовавшая въ схваткахъ съ французами, а Юхновскіе партизаны Храповицкаго, – да развѣ перечислить всѣхъ! Потребовалась бы большая книга, чтобы только назвать имена ихъ.

И всѣ эти вольные ратоборцы преисполнены были высокаго героизма и безграничнаго самоотверженія.

У Смоленска попался разъ въ плѣнъ русскій крестьянинъ. Онъ былъ здоровъ и силенъ. Французы, по своему обыкновенію, наложили на его голой рукѣ клеймо N (начальная буква имени Бонапарта). Означало оно, что крестьянинъ этотъ зачисленъ на службу непріятели. Мужикъ смотрѣлъ на клеймо и недоумѣвалъ, что бы это значило. Когда французы объяснили ему значеніе клейма, крестьянинъ выхватилъ изъ-за пояса топоръ, размахнулся и отсѣкъ себѣ заклеянную руку.

Въ другой разъ французскій отрядъ захватилъ 20 человекъ крестьянъ изъ подмосковной деревни. Желая устроить крестьянъ, французскій полевой судъ приговорилъ ихъ къ смерти. По прочтеніи приговора, переведеннаго на русскій языкъ, офицеры, которымъ было поручено его исполненіе, думали, что крестьяне прибѣгнутъ къ просьбамъ и слезамъ для спасенія своей жизни. Надежды эти не оправдались. Приговоренные къ смерти простились другъ съ другомъ спокойно, свидѣтельствуя о своемъ желаніи умереть ради Отечества. Поставленные рядомъ другъ съ другомъ у стѣны, они разстрѣливались по одиночкѣ. Оставшіеся въ живыхъ смотрѣли на постепенное умерщвленіе братьевъ своихъ безъ всякаго страха.

Каждый, видя, что очередь дошла до него, перекрестившись, говорилъ:

– «Помилуй, Господи, мою душу! Прощайте, добрые люди!».

И затѣмъ разстрѣлянные падали къ ногамъ жестокосердныхъ палачей, не испуская ни стона, ни жалобы.

Такое мужество русских крестьян приводило врага в трепет: французы поняли, что им никогда не покорить этого геройского народа.

VI.

Война закончилась изгнанием неприятеля из предѣлов Россіи, низложеніем гордаго властелина съ престола и освобожденіем всей Европы отъ его ига. Этотъ славный конецъ вся Россія отнесла къ помощи Вышняго и отъ всего сердца возблагодарила Господа за спасеніе.

Глубокое благодарное чувство къ Божественному Промыслу, охватившее русскія сердца, нашло себѣ прекрасное выраженіе въ составленіи особаго благодарственнаго Господу Богу молебствія, совершать которое установлено на вѣчныя времена въ день Рождества Христова, ибо къ этому дню Отечество совершенно освободилось отъ неприятелей. Дивный чинъ этого молебствія составлень знаменитымъ святителемъ митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ. На память грядущимъ поколѣніямъ народа русскаго объ избавленій Отечества «отъ галловъ и съ ними 20 народовъ» рѣшено было создать храмъ, посвященный Святѣйшему Имени Христа Спасителя, и величественный храмъ этотъ нынѣ украшаетъ набережную Москвы-рѣки. Выбито было также нѣсколько медалей, изъ которыхъ на одной были изображены взятыя изъ псалма слова: *«Не намъ, не намъ, а Имени Твоему»*, имѣвшія тотъ смыслъ, что слава побѣды должна быть отдана не людямъ, а Богу. Сенатъ поднесъ Александру I титулъ «Благословенный», указывая этимъ на благословеніе Божіе, видимо явленное ему въ столь успѣшномъ исходѣ войны, но Государь смиренно отклонилъ этотъ титулъ.

Во многіе обители и храмы Государемъ были сдѣланы цѣнные вклады, въ знакъ благодарности Господу за великую Его милость.

Изъ нихъ укажемъ, между прочимъ, на драгоценные: чашу, дискось, звѣздицу, ковшъ, лжицу, 2 копія и 2 блюдца французскаго

золота, вѣсомъ 8 ф. 71 зол., сдѣланные въ Парижѣ по заказу Императора Александра I и присланные въ даръ Кіево-Софійскому собору при Высочайшемъ рескриптѣ 12-го декабря 1815 года, гдѣ сказано, что это – «даръ, благодарственно приносимый Господу и памятникъ, не токмо спасенія Отечества, но и спасенія черезъ оное и самихъ враговъ его» (Протоіерей П. Г. Лебединцева. Св. Софія Кіевская, стр. 60),

Козаки все серебро, отбитое у неприятеля, пожертвовали въ Казанскій соборъ въ С.-Петербурѣ.

Конечно, трудно исчислить всѣ многочисленныя жертвы, въ которыхъ въ разныхъ мѣстахъ обширной Россіи русскіе люди выразили свое благоговѣйное чувство къ Спасителю – Богу, но достаточно указанныхъ примѣровъ, чтобы судить объ его силѣ и глубинѣ.

Благословеніе Господне надъ Отечествомъ нашимъ въ ту минуту искушенія и бѣдъ показано было именно въ укрѣпленіи духа народнаго.

Пламенная вѣра въ Бога, вѣковая преданность своимъ Царямъ, неизбытная любовь къ Родинѣ – вотъ черты того героическаго духа, который всегда отличалъ и отличаетъ русскій народъ и который является главной государственной созидательной силой. Велика эта сила, и пока она жива, до тѣхъ поръ несокрушима держава Россійская.

Паче зѣницы ока, больше всякаго внѣшняго преуспѣнія, нужно беречь драгоцѣнное наслѣдіе отцовъ – русскую душу, хранить русскую самобытность въ лучшихъ ея проявленіяхъ – вотъ завѣтъ нашихъ славныхъ предковъ, внушаемый ихъ героическими подвигами.

Да начертаются въ благодарной памяти русскихъ людей для всегдашняго заупокойнаго моленія имена приснопамятныя: Императора Александра Перваго, митрополита Платона, Михаила (Кутузова), Петра (Багратіона), Димитрія (Невѣровскаго), Димитрія (Дохтурова), Николая (Раевского), Алексія (Ермолова), Петра (Коновницына), Іакова (Кульнева). Матѳея (Платова), Михаила (Милорадовича), Николая, Павла и Александра (Тучковыхъ),

Еодора (Уварова), Діонісія (Давыдова). Александра (Фигнера), Александра (Сеславина), Алексія (Шишкова), Александра (Балашева), іерея Никифора (Мурзакевича), іерея Петра (Гаврилова), Павля (Энгельгардта), Симеона (Шубина), Симеона (Емельянова), чтеца Саввы (Крастелева), рабы Божіей Василисы (старостиhi) и всѣхъ вождей, христолюбивыхъ воиновъ и всѣхъ «ревнителѣй вѣры и правды, въ годину искушенія души своя за братію свою положившихъ».

Да утвердится крѣпко и сохранится въ сердцахъ нашихъ не горделивое самоуслажденіе, а смиренная память о посѣщеніи Родины нашей гнѣвомъ Божіимъ за грѣхи наши и объ избавленіи ея милостію Божіей за покаяніе и вѣру!

Священникъ М. Алабовскій.

Библиографическая замѣтка

И.В. Преображенскій.

Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, его личность и дѣятельность въ представленіи современниковъ его кончины.

Съ портретомъ. Спб. 1912 г. 134 стр., ц. 75 коп.

Составитель названнаго сочиненія – И.В. Преображенскій извѣстенъ, какъ писатель и издатель книгъ, по преимуществу, церковно-публицистическаго характера. Въ указываемой книгѣ имъ собраны и систематизированы многочисленные отзывы о покойномъ оберъ-прокурорѣ Св. Синода К.П. Побѣдоносцевѣ, появившіеся послѣ его кончины. Для этого онъ собралъ и проштудировалъ массу статей изъ разныхъ органовъ не только столичной, но и провинціальной печати. Конечно, правильная оцѣнка всякаго историческаго дѣятеля, а тѣмъ болѣе такого крупнаго, какимъ, несомнѣнно, былъ К.П. Побѣдоносцевъ, требуетъ исторической перспективы и въ настоящее время весьма затруднительна, но для будущаго историка жизни и дѣятельности одного изъ «могиканъ» послѣднихъ двухъ царствованій книга И.В. Преображенскаго явится весьма важнымъ пособіемъ. Въ ней онъ найдетъ много интереснаго матеріала, дышащаго всею непосредственностью и живостью впечатлѣній «самовидцевъ» и рисующаго величавый образъ К.П. рельефными чертами. Вообще, ознакомленіе съ книгой И.В. Преображенскаго намъ представляется весьма полезнымъ для всѣхъ, интересующихся жизнью русской Церкви и русскаго государства за послѣднее двадцатипятилѣтіе.

Книга распадается на 7 главъ. Глава I. – Необыкновенная популярность и исключительное значеніе К.П. Побѣдоносцева. Глава II. – Непримируемое разногласіе печати въ оцѣнкѣ дѣятельности К. Побѣдоносцева. Глава III. – Ложное представленіе объ отношеніи К.П.П. къ печати, какъ прогрессивной, такъ и консервативной. Глава IV. – К.П.П., какъ оберъ-прокуроръ Св. Синода, по отзывамъ лѣваго лагеря печати. Глава V. – Оцѣнка К.П.П. въ консервативной средѣ. Глава VI. – Характеристика міровоззрѣнія К.П.П. по его научно-литературнымъ трудамъ. Глава VII. – Мнѣнія о К.П.П., какъ исключительно идеологѣ. Послѣдствія его политики для жизни государства и др.

Свящ. М. Алабовскій.

Библиографическая замѣтка

Книжки и листки религіозно-нравственнаго содержанія, издаваемые П.А. Никольскимъ.

г. Тамбовъ, Теплая ул., № 16.

П.А. Никольскій (бывшій преподаватель Тамбовскаго духовнаго училища) давно ведетъ полезное дѣло изданія народныхъ книжекъ. Среди многихъ изданій для народа его книжки выгодно выдѣляются своею приспособленностью къ уровню развитія къ духу нашего православнаго простолюдина. Самымъ простымъ языкомъ, обильно иллюстрируя отвлеченныя истины и положенія примѣрами изъ житій святыхъ и картинками повседневной жизни, авторъ толково и занимательно рассказываетъ обо всемъ, что нужно простому чело вѣку: «о заповѣдяхъ Божіихъ», «о Христовой Церкви», «о пастырѣ Церкви», «о молитвѣ», «о таинствахъ» и др. предметахъ христіанскаго ученія и церковной жизни, не забываетъ и «о просфорѣ», «семейныхъ раздѣлахъ», «родительскомъ наслѣдствѣ» и подоб.

Достоинства брошюръ П.А. Никольскаго были оцѣнены IV Кіевскимъ миссіонерскимъ съѣздомъ, рекомендовавшимъ ихъ для миссіонеровъ, церковныхъ библиотекъ, приходскихъ братствъ и попечительствъ. Многочисленные добрые отзывы приходилось слышать о нихъ отъ всѣхъ пользовавшихся ими для чтеній, или для раздачи народу. Настоящія строки имѣютъ цѣлью обратить вниманіе на весьма полезныя и дешевыя (ц. 5 и 6 коп. за экз.) изданія П.А. Никольскаго тѣхъ, кто еще съ ними не успѣлъ познакомиться.

Свящ. М. А.

Библиография

Тексты приводятся по таким источникам:

Отдельные издания:

1. Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива» на 1895 г. за Сентябрь, Октябрь, Ноябрь, Декабрь – Розга и другие телесные наказания в истории школьной дисциплины. Исторический очерк – Михаил Алабовский – С.-Петербург: Издание и типография А.Ф. Маркса, 1895 г.
2. Какую газету выписывать? (братьям-сопастырям) – священник М. Алабовский – Киев: Университетская типография Акционерного Общества Н.Т. Корчак-Новинского, 1904 г.
3. Кого в настоящее время необходимо привлечь к делу миссии? – священник М. Алабовский – Харьков: Типография журнала «Мирный Труд», 1908 г.
4. Великий пастырь русского народа (Блаженной памяти о. Иоанна Ильича Сергиева – Кронштадтского) – священник М. Алабовский – Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира Акционерного Общества Н.Т. Корчак-Новинского, 1909 г.
5. Никита Петрович Гиляров-Платонов – священник М. Алабовский – Киев: Университетская типография Акционерного Общества Н.Т. Корчак-Новинского, 1909 г.
6. Церковно-приходская школа и всеобщее обучение – священник М. Алабовский – Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира Акционерного Общества Н.Т. Корчак-Новинского, 1909 г.
7. Благотворительный съезд в С.Петербурге и отклик на него из Киева – священник М. Алабовский – Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира Акционерного Общества Н.Т. Корчак-Новинского, 1910 г.

8. Что губит нашу жизнь вернее холеры? (о пьянстве) – священник М. Алабовский – Киев: Типо-Литография «Русская Печатня», 1910 г.

Публикации в периодических изданиях:

1. Речь при гробе почившего священника отца Константина Терлецкого, сказанная 13 апреля, перед пением кондака: «Со святыми упокой» / 1905 г. Киевские Епархиальные Ведомости № 25;

2. Ходатайство приходского Братства / 1907 г. Киевские Епархиальные Ведомости № 11;

3. Протоиерей Иоанн Иоаннович Мельниковский (Некролог) / 1909 г. Киевские Епархиальные Ведомости № 3;

4. Христианская ревность по вере и веротерпимость / 1911 г. Киевские Епархиальные Ведомости № 1-2;

5. Не нам, не нам, а Имени Твоему / 1912 г. Киевские Епархиальные Ведомости № 39, 40, 41, 42;

6. Библиографическая заметка. И.В. Преображенский. Константин Петрович Победоносцев, его личность в представлении современников его кончины / 1913 г. Киевские Епархиальные Ведомости № 18;

7. Библиографическая заметка. Книжки и листки религиозно-нравственного содержания издаваемые П.А. Никольским / 1914 г. Киевские Епархиальные Ведомости № 42.

Использованные источники:

1. Отчеты Киевского Свято-Владимирского Братства Ревнителей Православия за 1898-1902 гг. – Киев, 1899 г., 1900 г., 1901 г., 1904 г.

2. Памятная книжка Киевской епархии на 1913 г. – С. Троицкий – Киев: 1913 г.

3. Реабілітовані історією. Київська область. Книга друга – Київ: видавництво «Основа», 2006 р.
4. Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900-1917 – составители А.Д. Степанов, А.А. Иванов, ответственный редактор О.А. Платонов – Москва: Институт русской цивилизации, 2008 г.
5. Биографический словарь выпускников Киевской Духовной Академии: 1819-1920-е гг. Том I – Издательский отдел УПЦ – Киев, 2014 г.

Периодические издания

1. Годовые комплекты «Киевских Епархиальных Ведомостей» за 1898-1917 года – официальный орган Киевской Епархии;
2. Годовые комплекты газеты «Киевлянин» за 1898-1917 года – киевская литературная и политическая газета Юго-Западного Края монархической направленности.
3. Годовой комплект газеты «Нова Рада» за 1918 год – киевская украинская газета.

Электронные ресурсы

1. Материалы Тимура Кальченко
2. Духовенство XX века

Содержание

К читателю	4
Биография	5
Известная библиография	12
Розга и другие телесные наказания в истории школьной дисциплины. Исторический очерк. 1895 год	16
Какую газету выписывать? 1904 год	37
Речь при гробе почившего священника отца Константина Терлецкого, сказанная 13 апреля, перед пением кондака: «Со святыми упокой» 1905 год	44
Ходатайство приходского Братства 1907 год	47
Кого в настоящее время необходимо привлечь к делу миссии? 1908 год	50
Великий пастырь русского народа (Блаженной памяти о. Иоанна Ильича Сергиева – Кронштадтского) 1909 год	58
Никита Петрович Гиляров-Платонов 1909 год	89
Протоиерей Иоанн Иоаннович Мельниковский (Некролог) 1909 год	106

Церковно-приходская школа и всеобщее обучение 1909 год	112
Благотворительный съезд в С.-Петербурге и отклик на него из Киева 1910 год	149
Что губит нашу жизнь вернее холеры? (о пьянстве) 1910 год	155
Христианская ревность по вере и веротерпимость 1911 год	178
Не нам, не нам, а Имени Твоему (к 100-летию Отечественной войны) 1912 год	186
Библиографическая заметка. И.В. Преображенский. Константин Петрович Победоносцев, его личность в представлении современников его кончины 1913 год	208
Библиографическая заметка. Книжки и листки религиозно-нравственного содержания издаваемые П.А. Никольским 1914 год	210
Библиография	211